

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 11. № 6/2025

DISCOURSE

Volume 11. No. 6/2025

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2025

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
 - Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
 - Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).
- Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015). Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Капичина Е. А., Скубак-Залунина А. В. Русская авангардная живопись Серебряного века: методологические основы исследования.....	5
Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 1. Постановка проблемы и разработка онтологии	18
Разова Е. Л. Топология Дома: опыт феноменологического исследования границ пространства бытия человека.....	33
Добронравов К. О., Гончар И. Е. Современные российские спортивные байопики как репрезентация селективного отношения к советскому прошлому	53

СОЦИОЛОГИЯ

Дерюгин П. П., Вэй Линде. Социальные функции религиозных институтов в современной городской среде: опыт России и Китая	66
Лебедева А. Р., Кирсанова Н. П., Гонашвили А. С., Глухих В. А. Формирование спортивного бренда в условиях национальной специфики: эмпирический анализ кейса Армянской хоккейной лиги	77
Барина О. Н., Кузина О. Н. Особенности интеграции азербайджанской диаспоры в региональном сообществе (на примере Республики Мордовия).....	94

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Атаманова О. В. Дискурс «сарафанного радио» в доцифровую эпоху (на примере повести М. А. Булгакова «Роковые яйца») и в наши дни.....	108
Абдрафикова А. А., Чемодурова З. М. Поликодовость как стратегия построения современного художественного текста.....	120
Черкасова И. П. Поэтический дискурс как синергичное пространство репрезентации аксиологической системы	133
Степанова Н. В., Сигаева М. С. Жанровая стратификация медиаполитического дискурса.....	146
Скребнев Е. С. Конструирование образа угрозы в политическом дискурсе: теория проксимизации на материале выступлений Эрика Земмура.....	163
Рожков Г. А., Ефимова А. А., Волкова Е. В., Петухова Н. А. Учебно-воспитательный комплекс мероприятий, направленных на формирование у студентов компетенции межкультурного общения на иностранном языке	174

Правила представления рукописей авторами	189
---	------------

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Kapichina E. A., Skubak-Zalunina A. V. Russian Avant-Garde Painting of the Silver Age: Methodological Foundations of Research.....	5
Khlynovskaya S. A., Izgarskaya A. A. Stages of Cultural Research in the World-Systems Approach. Part 1. The Formulation of the Problem and Ontology Development	18
Razava A. L. Topology of the Home: an Experiment in Phenomenological Research into the Boundaries of Human Existence.....	33
Dobronravov K. O., Gonchar I. E. Contemporary Russian Sports Biopics as a Representation of the Selective Attitude towards the Soviet Past.....	53

SOCIOLOGY

Deriugin P. P., Wei Linde. Social Functions of Religious Institutions in the Contemporary Urban Environment: the Experience of Russia and China.....	66
Lebedeva A. R., Kirsanova N. P., Gonashvili A. S., Glukhikh V. A. Formation of a Sports Brand in the Context of National Specifics: An Empirical Analysis of the Case of the Armenian Hockey League	77
Barinova O. N., Kuzina O. N. Peculiarities of Integration of the Azerbaijani Diaspora in the Regional Community (on the Example of the Republic of Mordovia)	94

LINGUISTICS

Atamanova O. V. Word-of-Mouth Discourse of Pre-digital Epoch (M.A. Bulgakov's Novel "Fatal Eggs" Used as the Example) and Our Time	108
Abdrafikova A. A., Chemodurova Z. M. Polycode Strategy in Contemporary Fiction	120
Cherkasova I. P. Poetic Discourse as a Synergistic Space for Expressing a System of Values	133
Stepanova N. V., Sigaeva M. S. Genre Stratification of Media Political Discourse	146
Skrebnev E. S. Constructing Threat Images in Political Discourse: Proximity Theory Applied to Éric Zemmour's Speeches.....	163
Rozhkov G. A., Efimova A. A., Volkova E. V., Petukhova N. A. Educational Complex of Measures Aimed at the Formation of Students' Competence of Intercultural Communication in a Foreign Language	174

Оригинальная статья
УДК 18.7.01.78
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-5-17>

Русская авангардная живопись Серебряного века: методологические основы исследования

Елена Алексеевна Капичина¹✉, Анна Викторовна Скубак-Залунина²

¹Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия

²Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского, Луганск, Россия

¹✉ekapichina@bk.ru

²anna.777.skubak@gmail.com

Введение. Авангардная живопись начала XX в. богата новыми направлениями, тенденциями, эстетическими концепциями художников-авангардистов. Для более глубокого изучения особенностей живописи авангарда возникает необходимость расширения понятийно-категориального и методологического аппарата эстетики. В статье рассмотрены методологические основы исследования русской авангардной живописи начала XX в., систематизированы методы, которые наиболее эффективны при философско-эстетическом и искусствоведческом анализе изобразительного искусства.

Методология и источники. Отталкиваясь от общеизвестных установок по методологии науки, в статье акцентируется внимание на специфике искусствоведческих методов, которые в комплексе с философско-эстетическими создают единую методологическую базу для изучения живописи авангарда.

Результаты и обсуждение. Возникновение авангарда прежде всего связано с отходом от классической традиции в искусстве и формированием новых методов и средств художественной выразительности. Авангардное искусство стремилось создать свою авторскую «философию искусства», донести ее до широкого зрителя, но как всякая философия, она осталась элитарной, с субъективистским миропониманием отдельных художников. В итоге осмысления существующих эстетических и искусствоведческих методов анализа живописи в статье предлагается комплексная система, включающая в себя перечень методов, которые объединяют эстетический и искусствоведческий подход в изучении произведений авангардной живописи: историко-биографический метод, метод сравнительного анализа, формально-стилистический метод, метод критики и знаточества, иконографический и иконологический методы, структурно-семиотический и семиотико-герменевтический. Этот перечень может быть продолжен, он далеко не исчерпывается названными методами, но в данном исследовании определим его как достаточный и необходимый для достижения поставленных целей.

Заключение. Методологические основы исследования русской авангардной живописи начала XX в. позволяют систематизировать достаточно разрозненный материал, касающийся исследования изобразительного искусства Серебряного века, связывая в единое целое философско-эстетический и искусствоведческий подходы.

© Капичина Е. А., Скубак-Залунина А. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: символизм, авангард, методология, иконология, иконография, структурно-семиотический анализ, семиотико-герменевтический анализ

Для цитирования: Капичина Е. А., Скубак-Залунина А. В. Русская авангардная живопись Серебряного века: методологические основы исследования // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-5-17.

Original paper

Russian Avant-Garde Painting of the Silver Age: Methodological Foundations of Research

Elena A. Kapichina¹✉, Anna V. Skubak-Zalunina²

¹*Lugansk Vladimir Dahl State University, Lugansk, Russia*

²*Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia*

¹✉*eakapichina@bk.ru*

²*anna.777.skubak@gmail.com*

Introduction. Avant-garde painting of the beginning of the 20th century is rich in new directions, trends, new aesthetic concepts of avant-garde artists. For a deeper study of the characteristics of avant-garde painting there is a need to expand the conceptual and methodological apparatus of aesthetics. We consider in this article the methodological foundations of the study of Russian avant-garde painting of the beginning of the 20th century, systematize those methods that are most effective in the philosophical-aesthetic and the art-critical analysis of visual art.

Methodology and sources. Based on well-known principles in the methodology of science, the article focuses on the specificity of art criticism methods, which together with philosophical and aesthetic create a unified methodological basis for considering avant-garde painting.

Results and discussion. The emergence of the avant-garde is primarily related to a departure from the classical tradition in art and the formation of new methods and means of artistic expression. Avant-garde art sought to create its own author's «philosophy of art», to bring it to the general public, but like all philosophies, it remained an elitist and subjectivistic understanding of the world by individual artists. As a result of the understanding of existing aesthetic and art-historical methods of painting analysis, the article describes a complex system that includes a list of methods combining aesthetic and art-historical approaches to the study of works of avant-garde painting: historical-biographical method; method of comparative analysis; formal-stylistic method; method of criticism and connoisseurship; iconographic and iconological methods; structural-semiotic and semiotic-hermeneutic methods. This list can be continued, it is far from being exhausted by the mentioned methods, but in our study we define it as sufficient and necessary to achieve the stated goals.

Conclusion. The methodological bases of the study of Russian avant-garde painting from the beginning of the 20th century allow us to systematize a rather fragmented material concerning the study of fine art in the Silver Age, linking together philosophical-aesthetic and art-historical approaches.

Keywords: symbolism, avant-garde, methodology, iconography, iconology, structural-semiotic analysis, semiotic-hermeneutic analysis

For citation: Kapichina, E.A. and Skubak-Zalunina, A.V. (2025), "Russian Avant-Garde Painting of the Silver Age: Methodological Foundations of Research", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-5-17 (Russia).

Введение. Проблема анализа художественного произведения – одна из самых сложных и еще недостаточно изученных. Целью статьи является анализ методологических основ исследования русской авангардной живописи начала XX в., систематизация методов и выделение наиболее эффективных из них при философско-эстетическом и искусствоведческом анализе изобразительного искусства периода Серебряного века.

Научная новизна исследования заключается в четком структурировании и выделении двух базовых методологических уровней исследования авангардных направлений живописи. На наш взгляд, такими уровнями для анализа авангардной живописи служат, с одной стороны, комплекс искусствоведческих методов, а с другой – философско-эстетические методы анализа искусства.

Первый уровень анализа произведений живописи позволяет характеризовать такие их элементы, как изобразительность, предметность или беспредметность образов, абстрактность или реальность изображений, узнаваемость, пространственность, плоскостность изображения, различные формы интерпретации реальности и предметов, объектов и явлений. Иными словами, искусствоведческие методы носят более прикладной характер и нацелены на детальный разбор всех элементов и техник живописи.

Второй уровень анализа выявляет философские закономерности и сущностные константы, определяющие смысл произведения живописи. Эстетический анализ раскрывает эмоциональное состояние художника, его ценностно-смысловые ориентиры, а также возможные чувства и переживания реципиента, возбуждаемые конкретным произведением живописи, эстетический эффект восприятия им формы и содержания произведения. Исследуя эстетические явления – художественное произведение или творческий процесс, комические эффекты или восприятие трагического, эстетика стремится к раскрытию их сложных взаимосвязей с другими общественными явлениями, к многоаспектности их проявлений в реальной эстетической практике человека к рассмотрению их составных элементов. Например, рассматривая произведение искусства как целостную систему художественных образов, необходимо выявить содержательные элементы (тему, идею, характеры) и формальные элементы, посредством которых содержание воплощается в материале (композиция, жанр, ритм), установить их диалектическую связь и взаимозависимость.

Следует уточнить, что выделение описанных методологических уровней исследования авангардных направлений живописи не исключает существование и других уровней анализа, к примеру, психологического или исторического, социального, антропологического или др. В рамках нашего эстетического анализа живописи Серебряного века были выбраны именно философско-эстетический и искусствоведческий.

Комплексная система философско-эстетических и искусствоведческих методов анализа произведений авангардной живописи направлена на выявление и классификацию формально-стилистических признаков произведения, понимание его основных концептов, средств художественной выразительности и техник. Такая система методов позволяет описать сюжет (если он есть), жанр, тему, размеры и формат произведения, интерпретацию линий, светотени, пластики и объемов, организацию композиции, ритмическую структуру изображения, специфику колорита, фактуру, стиль, др. Следовательно, необходимо более детально описать целостную систему методов, объединяющую философско-эстетический и искусствоведческий

подходы. Охарактеризуем и систематизируем методы, приемлемые для исследования произведений русской авангардной живописи и выделим наиболее универсальные.

Методология и источники. В статье разрабатывается методология комплексного анализа авангардной живописи периода Серебряного века, которая включает в себя философско-эстетический и искусствоведческий уровни.

Методы эстетических исследований носят чаще всего междисциплинарный характер, и на сегодняшний день нет четкой и незыблемой системы эстетических методов. В каждом конкретном исследовании возможны различные синтезы методов родственных наук. К методам эстетических исследований можно отнести субъектный и объектный методы, ряд психологических специальных методов, социологических, философских, исторических, а также структурно-семиотический, формально-стилистический и семиотико-герменевтический методы.

Основными методами искусствоведческого исследования являются иконография, формальный анализ, экфрасис, иконологическое исследование, сравнительный и контекстуальный анализ, искусствометрия, др. Отметим, что в эстетических и искусствоведческих исследованиях широко используются также и общенаучные методы – компаративистский, сравнительно-исторический, описательный, типологический, структурный, структурно-типологический, метод моделирования и реконструирования, системный, генетический и др.

Основными источниками исследования стали работы исследователей, посвященные изучению истории становления методов и их сущностных характеристик.

Результаты и обсуждение. Комплексная методология исследования живописи русского авангарда включает в себя восемь основных методов.

1. Историко-биографический метод – это один из известных методов гуманитарных наук, который широко используется как в искусствоведении, так и в эстетике, психологии, социологии, педагогике и других науках. Историко-биографический метод – это метод историко-эстетического осмысления авторского творчества, направленный на описание, реконструкцию, анализ обстоятельств и событий жизни автора, результатов его творческой деятельности, раскрывающий психологический портрет конкретной исторической личности. Этот метод традиционно используется для изучения субъективных и объективных факторов, определивших авторское начало в произведении искусства. При помощи этого метода происходит изучение и описание одной человеческой жизни, личности и судьбы.

В основе метода лежит дедуктивный подход, поскольку реконструкция жизнеописания опирается прежде всего на результаты, «следы», которые этот автор оставил в истории. Метод предполагает привлечение особого корпуса источников – документов личного происхождения (свидетельств современников, дневников, мемуаров, воспоминаний). Данный метод включает в себя как эстетический поиск истоков творческого вдохновения, пережитых эмоций и событий, воплощенных в произведениях конкретной личности, так и искусствоведческий обзор ключевых характеристик творческого поиска личности, ее стилистических предпочтений и технической стороны созидательной творческой деятельности.

2. Метод сравнительного анализа. Этот метод помогает осознать сходство и различия явлений, относящихся к разным культурам, видам искусства, школам, направлениям, авторам и т. п. Существует множество разновидностей этой методологии: сравнительно-типологический анализ, сравнительно-историческое изучение, сравнительное искусствоведение, компа-

ративистика и др. Суть одна – сравнение противоположных или близких по основным характеристикам явлений. На примере сравнения разных образов-антагонистов в одном произведении живописи или разных картин одного автора на определенную тематику можно сформулировать четкие признаки, характеризующие героя или авторские принципы творчества. Следовательно, сопоставление разных произведений одного автора, например, художника, создает концептуальное восприятие произведения по жанровым и содержательно-сюжетным особенностям, позволяет сопоставлять живописные характеристики (цвет, объем, плоскостность, глубину, пространственные планы и т. д.).

3. *Формально-стилистический метод* является принципиально важным для анализа произведений авангардного изобразительного искусства. Он направлен на изучение аспектов формы и ее трансформации в различных стилевых направлениях. Формально-стилистический метод хорошо дополняет и помогает раскодированию информации самого произведения искусства вместе с семиотическим и иконологическим методом, рассматривая художественную форму как визуальное сообщение и ее интерпретацию. Для более полного понимания специфики этого метода, проанализируем составляющие его компоненты – формальный и стилистический метод.

Формальный метод возникает еще в конце XIX в. – первой трети XX в., фактически вместе с эстетикой Серебряного века. Этот метод изучает художественную форму в контексте эстетического фактора в изобразительном искусстве. Художник при помощи формы вкладывает особый смысл в предмет, воплощает с помощью нее определенную идею.

Форма традиционно понимается как единство внутренней структуры и качества внешней поверхности какого-либо объекта, т. е. это то, во что облекается содержание. Форма является одной из важнейших категорий как в философско-эстетической мысли, так и в истории искусства. Её рассматривали философы со времен Античности. Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, И. Кант и другие активно разрабатывали концептуальное понимание этой категории, причем как в философском, так и в эстетическом аспекте. Швейцарский искусствовед Г. Вёльфлин создал и разработал методiku «формального метода». А. Гильденбранд, развивая свои идеи в теории формообразования в изобразительном искусстве, написал книгу «Проблемы формы в изобразительном искусстве», где обвинял академизм в недостатке художественной формы и пытался вывести признаки, делающие форму действительно художественной. Он рассматривал форму не просто как объект, а в первую очередь ее воздействие на зрителя. «Развивая двигательные представления и связанные с ними контуры, мы достигаем того, что приписываем вещам форму, независимую от изменений явления. Мы познаем ее как такой фактор явления, который зависит исключительно от предмета. Мы можем эту форму, частью полученную прямо при помощи движения, частью отвлеченную от явления, назвать формой бытия предмета» [1, с. 18]. И далее: «В художественном произведении форма бытия существует только как реальность воздействия. Художественное произведение, воспринимая природу как отношение между двигательными представлениями и зрительными впечатлениями освобождается от всего изменчивого и случайного» [1, с. 24]. Он выделял два вида художественной формы – внутренняя и внешняя. Внутренняя форма обусловлена духовно-образным содержанием и направлена на социально-ценност-

ный аспект действительности, а внешняя форма определяла конкретно-чувственные средства – ритм, колорит, фактура, мазок, штриховка, линия и композиция.

С формированием авангардной живописи рождается новая художественная форма, а вместе с этим меняется и эстетическое восприятие формы, и ценностные ориентиры ее понимания. Вот почему такой художественный метод, как формализм, имел множество сторонников у представителей авангардной живописи. Формализм как особый художественный метод теории искусства акцентирует внимание на внешней форме и элементах композиции. Иными словами, формалисты придавали первичное значение форме в ущерб содержанию.

Следует подчеркнуть, что формализм в России появился раньше других стран уже в середине 10-х гг. XX в. он распространяется в литературоведении и изобразительном искусстве, а именно в авангардной живописи. Русскими формалистами считают таких ученых лингвистов и литературоведов, как: Б. Томашевский, Ю. Тынянов, В. Шкловский, В. Пропп, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон и других. Русская формальная школа заложила фундамент формалистических идей разных художественных направлений – символизма, футуризма, авангардизма, абстракционизма, кубизма, супрематизма, примитивизма, дадаизма, унизма, поп-арта, неоавангардизма и т. д. Эти направления в живописи авангарда, порвавшие с реалистическими традициями, ломающие установившиеся эстетические принципы и методы построения художественной формы, создают целую метасистему русской авангардной живописи. И несмотря на то, что русская формальная школа просуществовала недолго, она оказала большое влияние в целом на культуру XX в. Русская формальная школа дала существенный толчок развитию подобных методов исследования и в других странах.

Наиболее существенно в авангардной живописи то, что художники-авангардисты главное внимание отводят идее формы, используя фигурные, геометрические, линейные, цветовые пластические элементы, которые наделены эмоционально-ассоциативными связями. Смысл художественных произведений выражается через форму, и зритель должен «прочитать» увидеть, какой смысл скрывается за ней. В жанровой картине сюжет выходит на первый план, он определяет тему, смысл и выражает причинно-следственные связи, которые заложил художник. Например, в портрете это характерные особенности, черты, индивидуальность модели, в авангардной живописи – соотношение цветов, фигур, пятен, линий. Таким образом, формальный метод исследования авангардной живописи предполагает исследование произведений как символической формы.

Стилистический анализ носит эстетический характер. Стилистический метод направлен на выявление системы устойчивых выразительных качеств, присущих определенному стилю или направлению. Важнейшими компонентами стилистического анализа являются: анализ композиции, иконографии, колорита, пластических качеств, индивидуальной манеры, материала, техники, характера отдельных формальных элементов произведения искусства. Стилистический метод исследования имеет огромное значение для понимания эволюции стиля в истории становления европейского искусства.

Исходным материалом для единого формально-стилистического анализа являются архитектурные, скульптурные и плоскостные изобразительные формы, а также понятие «стиль» и производная от него градация таких форм по определенной сумме признаков. Продуктом является заключение о соответствии, частичном соответствии или несоответ-

ствии конкретной формы определенному «стилю» в существующей градации. В данном контексте в структуре формально-стилистического анализа как устойчивого методологического «конструктора» в качестве не артикулируемой, но реализуемой стратегии познавательной активности заложен индуктивный подход от частных компонентов к общему соответствию определенному стилю.

4. Метод критики и знаточества. Художественная критика в отличие от теории и методологии искусства заключается в анализе, интерпретации и оценке произведений изобразительного искусства в актуальном контексте. Разнообразие направлений искусства привело к разделению художественной критики на различные течения и жанры, которые применяют различные критерии для своих суждений. В современном искусствоведении данный метод неразрывно связан со знаточеством.

Знаточество – это искусствоведческое направление, которое сегодня понимается как экспертиза произведения искусства. Ведущая роль в развитии знаточества как метода изучения искусства принадлежала итальянцу Джованни Морелли (метод Морелли). Создатель знаточеской методологии впервые попытался вывести определенные закономерности построения произведений живописи и их проверки на оригинальность. Как подчеркивают исследователи, он стремился создать «грамматику художественного языка», которая должна была стать основой атрибуционного метода как способа определения ценности и принадлежности произведения определённому автору, эпохе и т. п. Атрибуционная работа в живописи по данной методологии должна содержать анализ собственно произведений живописи, а также сопровождающую их информацию (архивы, источники о творчестве автора и т. п.). Кроме этого, метод атрибуции предполагает установление возможных подделок, копий данного произведения, научную экспертизу для понимания степени оригинальности. Таким образом, атрибуция определяет место и время создания художественного произведения, принадлежность его к конкретному историческому периоду (датировка), художественному направлению или течению, стилю (стилевая атрибуция), школе, создавшему его мастеру (установление авторства) и др. По сути, практическая цель критики и знаточества в живописи заключается в совершенствовании методики атрибуций произведений изобразительного искусства и критического заключения экспертов.

5. Иконографический метод. Иконография – это один из традиционных искусствоведческих методов описания и классификации изображений, тем, сюжетов, мотивов, персонажей изобразительного искусства. В российской школе, которая была ориентирована на православную иконографию, выделяют понятие иконографического канона как критерия истинности изображений, соответствующих библейскому тексту. Выдающимся исследователем православной иконографии был Н. П. Кондаков, ученик Ф. И. Буслаева. В трудах Н. П. Кондакова иконографический метод был основным методом исследования византийского и древнерусского искусства. «Ф. И. Буслаеву и Н. П. Кондакову принадлежит честь определения методологических оснований в подходах к исследованию изобразительного искусства посредством взаимосвязанного единства методов. Исходная идея заключалась в том, что исследование современного русского искусства невозможно без обращения к его историческим корням, а именно искусству славян и средневековой Руси. Уже в дохристианском искусстве оба ученых отмечали редкое свойство, сближающее славянское искусство с греческим, – способ-

ность в простой пластической форме отражать умозрительные отвлеченные понятия или философские идеи. Н. П. Кондаков локализовал важный исторический момент, он показал, что проводником культуры Древней Греции для Европы был Константинополь, поэтому страны, принявшие крещение от Византии, ближе в своей причастности к наследию Эллады в рецепции Византии, чем западноевропейские страны» [2, с. 2020].

Иконография, по сути, изучает сюжеты произведений искусства. В целом можно говорить, что иконографический метод имеет ряд исторических разновидностей: 1) иконография как систематизация образов и сюжетов (античная мифология); 2) иконография как толкование аллегорических образов (сюжеты барокко, классицизма, романтизма); 3) иконография как систематизация археологических материалов религиозной истории; 4) иконография как литургические толкования в богословии. Таким образом, данная искусствоведческая методология позволяет осуществлять смысловой анализ содержания произведений изобразительного искусства, раскрывать прямое значение изображений или событий. Ей присущ описательный и источниковедческий характер. Иными словами, иконография через интерпретацию изобразительного мотива раскрывает смысл и источник содержания произведения живописи.

6. Иконологический метод. Иконология – это искусствоведческий метод, направленный на выявление смысла изображения в контексте определенного стиля, направления или исторической эпохи. Иконологический метод неразрывно связан с иконографическим, отталкиваясь от данных которого, описывает целостное художественное произведение, пользуясь средствами литературы. Иными словами, иконология есть некая вербализация или детальное описание символики произведений живописи. Иконологический метод впервые применен в научных трудах страсбургского ученого А. Варбурга в 1982 г., где он изучал полотна Боттичели и применял понятие иконологического анализа. «Систематический вид иконологический метод получил в трудах немецкого и американского теоретика искусств Э. Панофского, который опирался в своей теории на опыт Ригля, Вёльфлина, Варкбурга, что свидетельствует об усилившемся интересе к взаимодействию образа и особенностей художественной формы» [2, с. 2020].

В иконологическом анализе произведения искусства Панофский выделял три уровня: 1) первичное зрительное значение, распознавание форм и сопоставляемых элементов; 2) отождествление этих форм с литературными текстами, мифологическими источниками; 3) определение сюжета – вторичного (тропологического, иносказательного) или иконографического, смысла изображения. Выявление внутреннего, скрытого и истинного (анагогического) смысла изображения, его символической ценности в контексте эпохи как «симптома» определенного этапа культуры [3, с. 82].

Как отмечают исследователи, в структуре иконологического подхода в качестве определяющей стратегии заложены индуктивный и контекстуальный методы исследования искусства. Индуктивный реализуется при выявлении общих устойчивых компонентов смыслов, контекстуальный – при рассмотрении исходной целостности во взаимосвязи с различными внешними компонентами (в контексте с ними) или символами. Таким образом, иконологическая методология в анализе авангардной живописи имеет большое значение как способ интерпретации дополнительного (скрытого) смысла, символики изображений, аллегорий и метафор, сознательно скрытых автором.

7. *Структурно-семиотический метод*. Структурно-семиотическая методология вырастает из структурной лингвистики и семиотики. В структурно-семиотическом направлении язык и знаковые соотношения играют основополагающую методологическую роль. Структурализм как методология выявляет в каждом тексте напластование других текстов. Согласно философии структурализма, структура – это ядро системы (культурной, художественной, языковой и т. д.). Соответственно структурный подход связывается с описанием системы и предполагает выделение и описание элементов ее структуры с учетом взаимосвязей между этими элементами. При таком рассмотрении структура отражает внутреннюю форму организации системы. Для структуралистов субъект, входящий в высказывание, является логическим субъектом, а не онтологическим, психологическим или философским. Данный принцип распространяется впоследствии и на семиотику, где любая метафизика исключена. Семиотическое исследование обходится без субъектов, наделенных какими-либо человеческими чертами и способностями. В семиотике важны знаки, «синтаксические актанты», лишенные всяких социально-психологических черт и особенностей. Важны лишь означаемое и означающее, интерпретанта, репрезентантен и т. д.

Таким образом, в структурно-семиотическом подходе наиболее существенной чертой является антикартезианская и антисубъектная направленность научного поиска. Отсюда ведущей тенденцией структурализма является отказ от смысловых и идеологических кодов, стремление к созданию строго выверенного и формализованного понятийного аппарата, основанного на лингвистической терминологии, пристрастии к логике и математическим формулам, объяснительным схемам и таблицам. Следовательно, в творчестве художников-авангардистов большая часть произведений может быть проанализирована на основе структурно-семиотического метода, метода анализа формальных характеристик знаков и организации художественного пространства. Пространство в картине выступает целостной семиотической системой, создавая новое понятие семиотики пространства, образуя целый ряд визуально-пространственных кодов, вертикально или горизонтально выстроенная художником композиция, какую часть (верх, низ) полотна она занимает, занижены или завышены предметы относительно уровня глаз – все это составляет значимые символы. Открытость пространства, освоение его глубины, которая раскрывается различными способами (обратная перспектива, предметы, выглядывающие одни из-под других, метод выворотки – т. е. наложение предметов один на другой и обозначение их другим цветом, расположение предметов на плоскости картины, которое создает впечатление придавленности либо возвышения и т. д.). Все это создает пространство философско-эстетического анализа и открытия авторских смыслов в авангардных произведениях (к примеру, в произведениях кубизма, абстракционизма, лучизма, супрематизма и др.).

Программные работы авангардистов, а также практическая реализация авангардных идей позволяет прийти к выводу, что зритель в авангардном искусстве должен выступать соавтором произведения. Авангардное произведение дает творческую свободу зрителю, потому что оно может быть интерпретировано бесчисленным количеством способов. Обычно основу авангардного произведения составляет не просто интерпретация, а сама возможность бесчисленного числа различных интерпретаций. Таким образом, применение структурно-семиотического метода анализа произведений на практике позволяет создать предва-

рительно выработанную схему, взятую из основ языка, и перенести ее на другие сходные явления, закодированные тем или иным способом.

8. *Семиотико-герменевтический метод*. Этот метод позволяет осуществлять анализ художественных знаков, целостных произведений и текстов с целью их герменевтического понимания. По сути, метод является продолжением предыдущего и неразрывно с ним связан. Структурно-семиотический анализ раскладывает художественную целостность на знаковые структуры, выявляет особенности их взаимодействия, а семиотико-герменевтический интерпретирует эти структуры, знаки и целостное произведение, стремится описать, с одной стороны, авторский замысел, смысл произведения, а с другой – передать эмоционально-эстетическую сторону понимания произведения искусства. Центральной проблемой герменевтики является проблема герменевтического круга. Процесс понимания рассматривают как движение по единому герменевтическому кругу.

Теория интерпретации различного рода текстов предполагает три этапа интерпретации: 1) понимание (постижение смысла текста); 2) экспликация (выражение понятного смысла средствами языка описания); 3) применение (обогащение социального опыта личности, изменение типа ее поведения, введение «присвоенного» – понятного и выраженного – смысла произведения в жизненную практику). В сочетании с семиотикой это семиозис художественных текстов. Семиотический анализ выявляет и структурирует знаки произведения, к примеру, живописи, а герменевтический интерпретирует их смысл, эмоциональную окраску, ценностное измерение авторского замысла. Семиозис изобразительного пространства авангардных произведений живописи предполагает интерпретацию знаковых структур и понимание их смысла. «Семиозис – это процесс интерпретации знаков, в результате которого происходит понимание значения тех или иных совокупностей знаков. Семиозис есть особое поле означивания, интерпретации, он имеет свои структурно-семиотические уровни, определяющие диалектику внутреннезнаковой и внешнетекстуальной формы [4].

Семиозис в живописи – это интерпретативная форма структурирования и осмысления изобразительных текстов-знаков, способ постижения семиотических структур изобразительного искусства. Семиозисное мышление в широком видении представляет собой особый тип постижения современной изобразительной реальности, позволяющий структурировать изобразительные тексты и интерпретировать их смыслы. Оно может быть реализовано как в контексте классической живописи, так и, что очень важно, в инновационных практиках авангардного искусства.

Заключение. В итоге осмысления существующих эстетических и искусствоведческих методов анализа живописи, которые применимы для исследования произведений авангарда начала XX в., мы выделили: 1) историко-биографический метод; 2) метод сравнительного анализа; 3) формально-стилистический; 4) метод критики и знаточества как экспертизы картин; 5) иконографический и иконологический методы; 7) структурно-семиотический; 8) семиотико-герменевтический. В первую очередь следует отметить, что этот перечень может быть продолжен, так как он далеко не исчерпывается указанными методами. Проанализировав такие уже традиционные методы, как, к примеру, историко-биографический, иконография, сравнительный и метод критики и знаточества, можно говорить об их классическом характере, когда исследователь ясно понимает символику определенной картины, ее сю-

жета, композиции и образов. Эти методы широко применяются и в анализе произведений классики. Для авангарда они имеют теоретическое значение как некий фундамент методологии в целом.

Если говорить о методах более актуальных для анализа именно авангардной живописи, то следует указать формально-стилистический, иконологический, структурно-семиотический и семиотико-герменевтический методы.

Формально-стилистический метод ориентирован на аналитику и выявление значения художественной формы, воздействия ее на зрителя. Со стороны философско-эстетического аспекта формальный анализ связывает фактуру и интерпретацию образов, пластику объемов, светотени, колорит, пространственную организацию и ритм, конструирование четвертого измерения – временной модели картины. Если говорить о целостном философско-художественном анализе произведений авангардной живописи, формальный метод будет действенным только в союзе со стилистическим, соотносящим формальные характеристики произведения с историческим и эстетическим контекстом.

Иконологический метод позволяет обнаружить и описать скрытые символы и знаки, закодированные в произведении живописи. Это могут быть сакральные символы, аллегорические, трансцендентные, архетипические и т. п. Он способен раскрыть сущность исходной идеи художественного произведения. Иконологический анализ в целом заключается в выявлении максимально возможного знания об определенной целостности, включенной в определенный контекст.

Структурно-семиотическая методология является, на наш взгляд, наиболее эффективной в работе с произведениями авангардной живописи. Он использует анализ знаков в контексте общего структурирования любого пространства культуры, систематизации и дешифровки смыслов. Он трактует искусство в целом и изобразительное искусство в частности как сферу знаковых коммуникаций, которая транслирует эстетические и художественные смыслы. В авангардной живописи можно рассматривать эстетический знак (репрезентатив) как произведение искусства, а его интерпретанта соответствует смыслу произведения, которое «создает» в своем воображении зритель в меру развития своего эстетического вкуса. Референция к трансцендентным объектам или предметному миру в произведении авангардной живописи может полностью отсутствовать. Единственным референтом является сам факт интерпретации зрителем авангардной картины. То есть использование структурно-семиотического метода дает возможность проанализировать структуру и элементы художественного текста авангардной живописи, объяснить знаковые структуры и их значение в различных направлениях русского авангарда.

Такой же значимостью для анализа авангардных произведений обладает и семиотико-герменевтический метод. Он, помимо анализа знаковых структур и символики произведений живописи, стремится пробиться к его смыслу, к эмоционально-чувственному окрасу основного концепта произведения. Можно выделить следующие этапы семиотико-герменевтического метода анализа произведений авангардной живописи: 1) историко-культурологический контекст создания произведения, характеристика автора и его творчества; 2) вид, жанр живописи, характерные черты сюжета; 3) семиотика композиции, структурообразующие компоненты композиции; 4) семиотика структурообразующих компонентов

композиции; 5) семиотика организации пространства картины; 6) семиозис элементов художественного языка – символики цвета, формы, линий и др.; 7) интерпретация смысловой составляющей знаковых структур композиции; 8) описание авторской ценностно-смысловой системы понимания произведения; 9) описание зрительской ценностно-смысловой системы понимания произведения.

Итак, два последних метода исследования произведений живописи, а именно, структурно-семиотический и семиотико-герменевтический, позволяют: 1) сформировать целостную методологию интерпретации художественных текстов, ориентированную на выявление конкретно-исторического и философско-эстетического содержания искусства; 2) показывают, что за любым произведением искусства скрывается глубокий личностный авторский смысл, не всегда понятный зрителю, особенно в авангардных произведениях. Таким образом, методика анализа произведений авангардной живописи как некая совокупность методов, способов и приёмов исследования, порядок их применения и интерпретация полученных результатов позволяет, во-первых, систематизировать и охарактеризовать эстетико-искусствоведческие методы, а во-вторых, осознанно применить их для анализа конкретных произведений русской авангардной живописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве: собрание статей / пер. с нем. Н. Б. Розенфельда, В. А. Фаворского. М.: Логос, 2011.
2. Щипина Р. В. Методы искусствознания: исторический обзор // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 10. С. 2013–2023. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210390>.
3. Власов В. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. 4. СПб.: Лита, 2000.
4. Капичина Е. А. Философия диалога: от онтологии к эстетике // TERRA CULTURA. 2019. № 9. URL: <http://terra.lgaki.info/socium/filosofiya-dialoga-ot-ontologii-k-estetike.html> (дата обращения: 13.01.2025).

Информация об авторах.

Капичина Елена Алексеевна – доктор философских наук (2013), профессор (2014), профессор кафедры психологии и конфликтологии Луганского государственного университета им. В. Даля, кв. Молодежный, д. 20-а, Луганск, 291034, ЛНР, Россия. Автор более 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия искусства, философия музыки, эстетика и семиотика искусства.

Скубак-Залунина Анна Викторовна – преподаватель кафедры станковой живописи Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского, пл. Красная, д. 7, Луганск, 291001, ЛНР, Россия. Член Союза художников ЛНР, член ВТОО «Союз художников России». Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: эстетика изобразительного искусства.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 28.02.2025; принята после рецензирования 03.06.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.*

REFERENCES

1. Hildebrand, A. (2011), *Das Problem der Form in der bildenden Kunst. Sechste vermehrte Auflage*, Transl. by Rozenfeld, N.B. and Favorskii, V.A., Logos, Moscow, RUS.
2. Shchipina, R.V. (2021), "Methods of Art Criticism: A Historical Review", *Manuskript*, vol. 14, iss. 10, pp. 2013–2023. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210390>.
3. Vlasov, V. (2000), *Bol'shoi ehntsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* [The Great Encyclopedic Dictionary of Fine Art], vol. 4, Lita, SPb., RUS.
4. Kapichina, E.A. (2019), "Philosophy of Dialogue: from ontology to aesthetics ", *TERRA CULTURA*, no. 9, available at: <http://terra.lgaki.info/socium/filosofiya-dialoga-ot-ontologii-k-estetike.html> (accessed 13.01.2025).

Information about the authors.

Elena A. Kapichina – Dr. Sci. (Philosophy, 2013), Professor (2014), Professor at the Department of Psychology and Conflict Science, Lugansk V. Dahl State University, 20 Youth sgr., Lugansk 291034, LNR, Russia. The author of more than 140 scientific publications. Area of expertise: philosophy of art, philosophy of music, aesthetics and semiotics of art.

Anna V. Skubak-Zalunina – Lecturer at the Department of Textile Painting, Matusovsky Academy of Culture and Arts, 7 Krasnaya pl., Lugansk 291001, LNR, Russia. Member of the Union of Artists of LPR, Member of the VWTU «Union of Artists of Russia». Russian Federation. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: aesthetics of fine art.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.02.2025; adopted after review 03.06.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-18-32>

Этапы исследования культуры в миросистемном подходе.

Часть 1. Постановка проблемы и разработка онтологии

Софья Александровна Хлыновская¹, Анна Анатольевна Изгарская²✉

¹Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

²Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7117-0619>

²✉aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Введение. Актуальность исследования заключается в том, что получившее широкое распространение в отечественном научном сообществе представление о миросистемном подходе как об эконоцентрированной парадигме, на современном этапе не соответствует действительности. Цель статьи – анализ становления онтологических и теоретических оснований исследования культуры в миросистемном подходе.

Методология и источники. Миросистемный подход рассматривается в качестве наддисциплинарной парадигмы, интегрирующей знания разных научных отраслей в научно-исследовательские программы (И. Лакатос). Разработка онтологии и теоретических оснований культуры в аспекте миросистемы интерпретируется как сдвиг проблемы в развитии подхода. Выделено три сдвига проблемы в развитии концепта «культура». Для реконструкции этапов использован исторический метод. В данной части статьи на основе работ И. Валлерстайна рассмотрено содержание двух первых этапов.

Результаты и обсуждение. Начало первого этапа исследований культуры в миросистемном подходе отнесено к концу 1970-х гг., когда И. Валлерстайном и Т. К. Хопкинсом была предпринята попытка описать закономерности развития миросистемы. Культурный аспект динамики миросистемы рассматривался ими как фундаментальный и рядоположенный экономическому и политическому аспектам. На этом этапе устанавливались взаимосвязи культуры и территориальной динамики миросистемы, наличие культурного компонента в институте глобальной гегемонии. Начало второго периода отнесено к концу 1980-х гг. На этом этапе И. Валлерстайн разрабатывает концепт «геокультура», критикует содержание используемых в науке и политике понятий «культура», раскрывает взаимосвязь господствующих концептов с противоречиями миросистемы. Культура выступает и как поле идеологической борьбы, и как механизм устранения противоречий в миросистеме, что обеспечивает устойчивость господствующего в системе порядка.

Заключение. Авторы подчеркивают, что полученные результаты могут стать теоретическим основанием анализа влияния миросистемных процессов на изменения содержания российских культурных концептов.

Ключевые слова: миросистемный подход, культура, идеологическая борьба, противоречие развития, геокультура

© Хлыновская С. А., Изгарская А. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 1. Постановка проблемы и разработка онтологии // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 18–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-18-32.

Original paper

Stages of Cultural Research in the World-Systems Approach. Part 1. The Formulation of the Problem and Ontology Development

Sofia A. Khlynovskaya¹, Anna A. Izgarskaya²✉

¹*Siberian Institute of Management – branch of RANEPa, Novosibirsk, Russia*

²*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

¹*s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7117-0619>*

²✉*aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. The relevance of the study lies in the fact that the idea of the world-system approach as an economy-centered paradigm, which has become widespread in the domestic scientific community, does not correspond to reality at the present stage. The purpose of the article is to analyze the formation of ontological and theoretical foundations for studying culture in the world-system approach.

Methodology and sources. The world-system approach is considered as a supradisciplinary paradigm that integrates knowledge from various scientific fields into comprehensive research programs (I. Lakatos). The development of ontology and theoretical foundations of culture in relation to the world-system is interpreted as a problem-shift in the development of the approach. Three problem-shifts in the development of the concept of “culture” are identified. The historical method was used to reconstruct the stages of problem-shifts. In this part of the article, based on the works of I. Wallerstein, the content of the first two stages is considered.

Results and discussion. The start of the first stage of cultural studies in the world-system approach dates back to the end of the 1970s, when I. Wallerstein and T.K. Hopkins attempted to describe the patterns of development of the world-system. They viewed the “cultural” aspect of the world-system dynamics as fundamental and co-equal with the “economic” and “political” aspects. At this stage, they establish conceptual connections between culture and the territorial dynamics of the world-system and indicate the presence of a cultural component in the institution of global hegemony. The second phase of the formation of the concept of “culture” begins in the late 1980s. I. Wallerstein develops the concept of “geoculture” in terms of world-historical development. At this stage, he criticizes the concepts of culture used in science and politics, and reveals the relationship between the dominant concepts of culture and the contradictions of the world-system. I. Wallerstein describes culture as a field of ideological struggle and a mechanism for resolving contradictions in the world-system, ensuring the stability of the order prevailing in the system.

Conclusion. The authors emphasize that the obtained results can provide a basis for analyzing the influence of world-system processes on changes in the content of Russian cultural concepts.

Keywords: world-system approach, culture, ideological struggle, development contradiction, geoculture

For citation: Khlynovskaya, S.A. and Izgarskaya, A.A. (2025), “Stages of Cultural Research in the World-Systems Approach. Part 1. The Formulation of the Problem and Ontology Development”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 18–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-18-32 (Russia).

Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии.

Ф. Энгельс. Йозефу Блоху. 21–22 сентября 1890 г.

За годы, прошедшие после выхода первого тома моей книги в 1974 году, меня подвергли критике и за пренебрежение всеми неэкономическими сферами – политической, культурной, военной, а также природной средой. Все эти критики настаивали на том, что моя концепция была слишком «экономической».

И. Валлерстайн. Мир-система Модерна.

Т. I. Предисловие к изданию 2011 г.

Введение. Миросистемный подход, как в свое время и его философское основание – марксизм, подвергается критике за чрезмерный акцент на экономических детерминантах в объяснительных конструкциях развития обществ и пренебрежение внеэкономическими факторами, в частности культурой [1, с. XIX–XXX]¹. Однако, как это происходило и в отношении марксизма, пыл критики спадает по мере более глубокого изучения работ основоположников. Идеи миросистемного подхода все чаще привлекают внимание отечественных исследователей. В первую очередь они вызывают интерес у экономистов, для которых важен содержащийся в миросистемном подходе «оригинальный взгляд на возникновение, развитие и перспективы реального капитализма» [3, с. 6]. Включенность государств и подконтрольных им обществ в одну из зон миросистемы – ядро, полупериферию или периферию – указывает на положение национальной экономики в международной системе разделения труда и место в глобальных цепочках создания стоимости, что позволяет российским исследователям (например, [3, 4]) указывать перспективы российской экономики. Пятисотлетний горизонт миросистемы помогает понять процессы больших величин и большой длительности иногда через призму близких отечественному исследователю идей «Курса политической экономии». Так, например, академик С. Ю. Глазьев, интерпретируя модель циклов накопления капитала Дж. Арриги в свете закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, приходит к мысли о существовании «мирохозяйственных укладов» [4].

Миросистемный подход не стал мейнстримом отечественной науки. Более того, своей самой сильной, наиболее разработанной частью – экономической, он «до сих пор не слишком хорошо известен даже читающей отечественной аудитории» [3, с. 6]. Разработки в области культуры еще менее известны отечественному читателю. Сложившееся в отечествен-

¹ Ответ И. Валлерстайна критикам. Критика существует и в отечественной литературе. Например, Н. Е. Осипов отмечает, что миросистемный анализ, в сравнении со школой «Анналов», «не предложил ничего нового» [2, с. 44], и может быть в лучшем случае дополнением к цивилизационному и формационному подходам [2, с. 50].

20 Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 1. Постановка проблемы и разработка онтологии
Stages of Cultural Research in the World-Systems Approach. Part 1. The Formulation of the Problem and Ontology Development

ной науке представление о миросистемном подходе как об экономоцентрированном направлении скрывает имеющиеся в нем масштабные исследования культуры.

Некоторое отставание исследований в области культуры отмечал и сам И. Валлерстайн. В одном из своих интервью он признал, что долгое время игнорировал культуру, но «всегда считал это неправильным» [5, p. 115]. Однако это признание лишь жест вежливости ученого в отношении своих многочисленных критиков. Дело в том, что уже в конце 1970-х гг. сфера культуры понималась И. Валлерстайном как одна из базовых (наравне с экономикой и политикой) в динамике миросистемы. Однако основные усилия в тот период были направлены на разработку экономических моделей. Во время интервью, чтобы быстро переключить обсуждение на более содержательные вопросы о культуре, И. Валлерстайн просто принимает критику. Следуя за тезисом И. Валлерстайна об отставании исследований культуры в миросистемном подходе, постараемся все же ответить на вопрос, как в течение своей более чем полувековой истории данная парадигма совершенствовала теоретическую оптику и интегрировала культуру в свою область.

Методология и источники. Во-первых, будем понимать миросистемный подход как развивающуюся наддисциплинарную парадигму. Базовую идею Ф. Броделя, И. Валлерстайна, и Т. К. Хопкинса о том, что именно мир должен быть взят за единицу научного анализа, будем использовать в качестве аксиом «твердого ядра» (в терминах И. Лакатоса [6, с. 80–81]) его научно-исследовательских программ. Для реконструкции этапов сдвига проблемы в область культуры использован исторический подход, хронологический и концептуальный критерии. Поскольку посвященных культуре статей и у И. Валлерстайна, и у его последователей много, содержание этапов раскрыто с опорой на выборку статей, наиболее полно раскрывающих онтологию и теоретические конструкции концепта «культура» в миросистеме. Выделены три этапа: с 1977 г. – первичная постановка проблемы; с конца 1980-х гг. – разработки онтологии и концептуальных связей понятия «культуры» с категориями миросистемного подхода, начало интерпретаций явлений культуры; с начала 2000-х гг. – эпистемологический поворот. В данной статье опишем два первых этапа, которые во многом определили содержание положений твердого ядра исследований культуры в миросистемном подходе. Также, поскольку конструирование идей в науке зависит от интеллектуальных связей между учеными, использованы элементы сетевого метода [7].

Результаты и обсуждение. *Первый этап: постановка проблемы.* Исследование культуры в миросистемном анализе имеет почти полувековую историографию. Еще в 1977 г. И. Валлерстайн совместно с Т. К. Хопкинсом – другом и одним из первых разработчиков миросистемного анализа², в работе «Закономерности развития современной миросистемы» [9] предпринял попытку в самых общих чертах зафиксировать место и значение культуры в проблематике разрабатываемого подхода. Они понимали культурный аспект в качестве фундаментального, рядоположенного экономическому и политическому аспектам. «Помимо специфически “экономического” аспекта (разделение труда) и специфически “политического”

² И. Валлерстайн называет себя «первым студентом Хопкинса». В 1953 г. И. Валлерстайн был аспирантом первого года обучения в Колумбийском университете, Т. К. Хопкинс – второго года. И. Валлерстайн полагал, что Т. К. Хопкинс будучи ассистентом профессора проверял его курсовую работу по «социологическому анализу» и поставил «довольно хорошую оценку» [8, p. 265]. Большое количество теоретико-методологических работ было написано ими совместно. Самая «важная и влиятельная работа», по оценке самого И. Валлерстайна, «Мир-система Модерна. Т. 1» посвящена Т. К. Хопкинсу.

аспекта (образование государств) существует третий фундаментальный аспект современной миросистемы. Это широкий “культурный” аспект, который необходимо упомянуть, хотя о нем мало что известно систематически как о неотъемлемом аспекте всемирно-исторического развития. Подобно тому, как миросистема содержит в себе... множество взаимосвязанных государств, она также содержит в себе множество взаимосвязанных (и часто пересекающихся) культурных сообществ – языковых, религиозных, этнических, расовых, статусно-групповых, классовых, научных и так далее» [9, р. 113]. В этой статье И. Валлерстайн и Т. К. Хопкинс не рассматривают онтологию культуры, объясняя это необходимостью большой предварительной концептуальной работы. Но уже здесь они указывают на взаимосвязь культуры и территориальной динамики миросистемы, ее расширения и сжатия. «Некоторые ранее существовавшие сообщества были миросистемой включены и воссозданы, другие разрушены; образовались совершенно новые сообщества, включая целые “народы”. В то же время формирование и распад культурных сообществ само по себе образует фундаментальный набор процессов, третью общую организующую тенденцию, отличную от двух других; соответственно, предлагаемое нами направление исследования неизбежно во многих точках затрагивает это базовое измерение современных социальных изменений» [9, р. 113]. Помимо этого они указывают на наличие культурного компонента в институте глобальной гегемонии. Опираясь на идеи А. Грамши, они трактуют гегемонию как результат превосходства и силу лидирующего в мир-экономике центра, определяющего направление развития системы. «Гегемония отличается от империи тем, что действует преимущественно через рынок, но, конечно, не исключительно, поскольку всегда присутствуют политико-военные и культурные компоненты» [9, р. 121]. Культура предстает как один из трех рычагов достижения господства в миросистеме и как средство мобилизации внутренних сил. «Внутри страны держава-гегемон практикует сравнительный либерализм в политике, триумфализм в культуре и проповедует (возможно, даже больше, чем практикует) свободу торговли в экономике; и везде в других местах держава-гегемон использует своё влияние (а при необходимости и военную мощь), чтобы разрушить барьеры на пути потоков мирового рынка» [9, р. 121].

И. Валлерстайн и Т. К. Хопкинс не только обозначили культуру как потенциально перспективную область исследования, но и подошли к проблемам детерминированности человеческого сознания состоянием миросистемы. Давая характеристику процессу «товаризации», они отмечают, что «продолжающийся процесс “развития” мировой экономики продемонстрировал, товаризации подверглись не только земля и труд... но и такие менее осязаемые явления, как риск, время, природная красота. Последствия этих процессов для нашей психики, нашей культуры и нашей космологии стали предметом отдельной литературы, которую можно вспомнить, когда речь заходит о термине “отчуждение”» [9, р. 125]. Здесь можно заметить мысль, которая на этапе эпистемологического поворота станет центральной для И. Валлерстайна, – это мысль о миросистемной детерминации научного знания. Таким образом, уже в 1977 г. Т. К. Хопкинс и И. Валлерстайн обозначили базовые области миросистемного подхода, а именно экономику, политику и культуру.

Второй этап: онтология и роль культуры в механизмах устойчивости миросистемы. Разработка проблематики культуры в миросистемном подходе начинается в конце 1980-х гг. Обращает на себя внимание, что сдвиг проблем в область культуры совпадает с заключительным этапом реформ в СССР, которые привели, по мнению И. Валлерстайна, не только

к краху марксизма-ленинизма, но к упадку либеральной идеологии В. Вильсона [10, р. 2]. Известно, что после распада СССР в науке происходит смещение акцента на явления и процессы культуры, а ярким примером здесь является концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Можно предположить, что более пристальный интерес И. Валлерстайна к области культуры имел этот же стимул.

В 1990 г. И. Валлерстайн публикует статью «Миросистемный анализ: вторая фаза». Среди задач развития подхода значится задача преодоления существующих автономий в исследовании экономической, политической и культурной областей [11]. Простое смещение акцентов, утверждает он, не даст необходимого результата: «Акцент на культуре в противовес акцентам, которые другие делают на экономике или политике, вовсе не решает проблему; на самом деле, он лишь усугубляет её. Мы должны полностью преодолеть эту терминологию» [12, р. 65]. При этом И. Валлерстайн критикует междисциплинарный подход и призывает осуществить наддисциплинарный синтез [13].

В 1988 г. Бингемтонский университет и Центр Фернана Броделя провели симпозиум «The Global and the Local: The New Cultural Political Economy», посвященный анализу связей экономики и культуры в условиях глобальной зависимости. Понятие «культура(ы)» участники симпозиума определили максимально широко, а именно как «социально организованные системы значений, выраженные в определенных формах» [14, р. 1]. Это позволило создать общее поле смыслов, приемлемое для представителей различных научных традиций. По результатам симпозиума был издан сборник «Культура, глобализация и миросистема»³, в котором выходит статья И. Валлерстайна «Национальное и универсальное: может ли существовать такое понятие, как мировая культура» [15]. В ней он дает определение понятию «культура» как «то, что чувствуют или делают одни люди, в отличие от других, которые не чувствуют или не делают того же» [15, р. 91–92]. Такой совокупный опыт он подразделяет на национальный (локальный) и универсальный, описывает их как две формы культуры, чье единство характеризуется противоречием и взаимным противостоянием [15, р. 93]. Универсальная культура – «оружие сильных мира сего», оно используется для поддержания экономической и политической экспансии ядра миросистемы. Национальная культура – результат поиска особенных культурных идентичностей, способствующих противостоянию локальных групп давлению со стороны миросистемы [15, р. 104].

В 1990 г. выходит коллективная монография «Глобальная культура: национализм, глобализация и современность: теория, культура и общество». И. Валлерстайн публикует здесь две статьи. Первая статья «Культура как поле идеологической битвы в современном мире» [16] содержит его базовые идеи о сущности культуры и ее роли в функционировании миросистемы. О важности идей данной статьи говорит то, что двумя годами позже ее текст вошел в качестве главы в монографию И. Валлерстайна «Геополитика и геокультура: эссе об изменении миросистемы» [10, р. 158–183]⁴, а в 2000 г. она была включена в сборник «Суть Валлерстайна», резюмирующий тридцатилетний опыт его научных исследований [17, р. 264–288].

³ О высоком научном уровне дискуссий можно судить по его участникам: директор Центра современных культурных исследований в Бирмингеме С. Холл; один из ключевых теоретиков глобализирующей культуры Р. Робертсон; шведский антрополог У. Ханнерц; основательница социологии искусства Д. Вулф.

⁴ По мнению И. Валлерстайна, в этой монографии и в четвертом томе «Мир-система Модерна» ему удалось раскрыть проблематику культуры в миросистеме наиболее полно [1, с. XXIX].

Статья состоит из пяти частей. Вначале И. Валлерстайн весьма резко критикует принятые в науке и устоявшиеся в политической риторике способы использования понятия «культура». Во второй части он подробно поясняет шесть основных характеристик миросистемы, в третьей части раскрывает миросистемное содержание онтологии культуры. В четвертой части И. Валлерстайн показывает, как посредством культуры снимаются шесть основных противоречий миросистемы и формируются границы нашего восприятия действительности. В заключительной части он объясняет, почему даже порождаемые противоречиями антисистемные идеологии не преодолевают установленных миросистемой культурных границ нашего восприятия. Остановимся на критике И. Валлерстайна способов использования «культуры» и ее миросистемной онтологии подробнее.

Указывая на многообразие и запутанность использования понятия «культура» в философии и науке, И. Валлерстайн обращает внимание на существование двух способов его употребления. Первый способ («употребление I») позволяет устанавливать межгрупповые различия. Он обнаруживает себя, например, в процессах выделения межгрупповых идентичностей. Вторым способом («употребление II») концентрирует внимание на различиях внутри группы. Этот способ позволяет увидеть внутри любой группы совокупность явлений отличных и, как правило, «более высоких» от какой-либо другой совокупности явлений. Посредством исторического анализа И. Валлерстайн подвергает интеллектуальной проверке оба способа. Он показывает, что «употребление I» – культура как выделение межгрупповых различий – не позволяет «использовать его для утверждений, выходящих за рамки тривиальных» и «не слишком способствует нашему историческому анализу» [10, р. 161], поскольку предполагает существование «неизменных реалий в мире, который, по сути, непрерывно меняется» [10, р. 166]. Употребление культуры вторым способом «вызывает подозрения как идеологическое прикрытие для оправдания интересов некоторых лиц (очевидно, высших слоёв) внутри любой данной “группы” или “социальной системы” в ущерб интересам других лиц внутри этой же группы» [10, р. 161–162]. Идея о существовании такого «прикрытия», отмечает И. Валлерстайн, имеет древние философские корни. «Философские различия между “идеальным” и “реальным”, а также между “разумом” и “телом”... породили две точки зрения, по крайней мере, в контексте так называемой западной философии. Сторонники первичности “идеала” или “разума” склонны утверждать, что это различие указывает на онтологическую реальность и что “идея” или “разум” важнее, благороднее или в каком-то смысле превосходит “реальное” или “тело”. Однако те, кто отстаивает первичность “реального” или “тела”, не занимают противоположной позиции. Вместо этого они склонны утверждать, что “идеал” или “разум” – это не отдельные сущности, а скорее, социальные изобретения, и что только “реальное” или “тело” действительно существуют. Короче говоря, они склонны утверждать, что само понятие “идеала” или “разума” – это идеологическое оружие контроля, призванное скрыть истинное экзистенциальное положение вещей» [10, р. 159–160].

Оба способа получили широкое распространение в современной науке и политической риторике, но они не устраивают И. Валлерстайна. Он хочет «проследить фактическое развитие “культуры”... в рамках исторической системы, породившей это обширное и запутанное использование понятия “культура”, – современной миросистемы, представляющей собой капиталистическую мир-экономику» [10, р. 162].

Культура для И. Валлерстайна есть порожденная капиталистической мир-экономикой система идей. Она «является результатом наших коллективных исторических попыток примириться с противоречиями, двусмысленностями и сложностями социально-политических реалий этой конкретной системы» [10, р. 166]. Адаптируясь к изменениям в системе, мы конструируем культуру «употребление I» и получаем представление о неизменных, объединяющих и вселяющих в нас уверенность основаниях. Адаптируясь к существующему неравенству, объясняя его, мы конструируем культуру «употребление II», тем самым оправдываем неравенство, начинаем воспринимать его как норму. Создаваемые конструкции множественные и не являются нейтральными по отношению друг к другу, поэтому «само конструирование культур становится полем битвы, фактически ключевым идеологическим полем битвы противоборствующих интересов внутри этой исторической системы» [10, р. 166]. Для Валлерстайна культура не просто «надстройка», отражающая «базис», а пространство, где «осуществляется и оспаривается власть, где формируются и трансформируются идентичности, где строятся и оспариваются планы» [10, р. 169]. Теперь остановимся на роли культуры в сглаживании миросистемных противоречий.

Первое противоречие миросистемы. В основании миросистемы находится международная система разделения труда, и продукт ее развития – межгосударственная система, состоящая из суверенных, «территориально самобытных», контролирующих средства насилия государств, которые она легитимирует, но стремится ограничить во внешнем для них пространстве [10, р. 162–163]. «Такая организация общественной жизни, где преобладающее “экономическое” давление носит “международный” характер... а преобладающее “политическое” давление – “национальный”, указывает на первое противоречие, на то, как участники могут объяснять и оправдывать свои действия... на национальном и международном уровнях одновременно» [10, р. 163]. Преодолевать противоречие международного и национального позволяет универсализм (культура в «употреблении I») – одна из главных, возникших в истории миросистемы идеологических доктрин. В мировом масштабе доктрина обнаруживается и функционирует в международных нормах, праве, институтах, таких как ООН, в универсальных способах измерения времени и пространства, в науке и т.д. На межгосударственном уровне она присутствует в декларации о суверенности государств. Внутри каждого государства она воплощена в институте гражданства, предполагающего как универсальный моральный закон равенство прав граждан. Однако универсализм во всех своих масштабах «лицемерен» [10, р. 171], поскольку равенства нет. Универсализм имеет значение именно потому, что в реальности внутри межгосударственной системы существует иерархия государств, а внутри каждого суверенного государства – иерархия граждан. «Доктрина служит, с одной стороны, паллиативом и обманом, а с другой – политическим противовесом, который слабые могут использовать и используют против сильных» [10, р. 171]. Очевидное противоречие универсализма и реальности сглаживается посредством доктрины «расизма-сексизма», «представляющей собой симбиотическую пару» с универсализмом [10, р. 167]. Доктрина «расизма-сексизма» не обязательно основывается на цвете кожи. Легитимируя реальное неравенство, она способна опираться на разные партикуляристские критерии⁵. Ее смысл заключается в том, что «одна группа генетически или “культурно”

⁵ Анализ И. Валлерстайна множественных универсализмов и множественных партикуляризов см. [18].

(культура в «употреблении II») ниже другой таким образом, что от группы, считающейся неполноценной, нельзя ожидать такого же хорошего выполнения задач, как от предположительно высшей группы» [10, p. 172].

Второе противоречие миросистемы. Мир-экономика функционирует посредством определенной системы циклических ритмов, включая ритмы расширения и сжатия. В процессе расширения сознательного процесса с использованием средств давления различного рода происходит инкорпорация зон мира, которая или поддерживается включаемыми группами, или ядро вынуждено преодолевать их политическое сопротивление. Второе противоречие связано с оценкой характера трансформаций культур в инкорпорируемых зонах. «Следует ли рассматривать трансформации, происходившие в их зоне как переход от местной и традиционной “культуры” к мировой современной “культуре”, или же эти народы просто находились под давлением, вынуждавшим их отказаться от своей культуры и принять культуру западной империалистической державы или держав? То есть здесь имел место случай модернизации или вестернизации?» [10, p. 164]. И. Валлерстайн отмечает, что «простейшим способом разрешения этой дилеммы было “заявить об их идентичности”» [10, p. 173]. Универсализм (культура в «употреблении I») декларирует превосходство западной цивилизации, поскольку та оказалась способной эволюционировать от досовременной формы к современности. Поэтому, «если кто-то хотел быть “современным”, он должен был в каком-то смысле быть “западным” в культурном отношении» [10, p. 173]. Для этого они должны принять «помощь» от «западной цивилизации» и в зависимости от своего успеха встроиться в «современный» мир. Однако в действительности происходит ранжирование культур мира. Культура «употребление II» используется для образования различных групп с целью «подготовки их к различным задачам в единой экономике» [10, p. 173]. Отказ от вестернизации может быть объяснен в форме «расизма и сексизма» через культуру «употребление II». В качестве примера И. Валлерстайн приводит ситуацию с Ираном, он пишет: «Относиться к Ирану как к стране-изгою становится законным не только потому, что Иран использует “террористическую” тактику на международной арене, но и потому, что иранские женщины обязаны носить чадру» [10, p. 174].

Третье противоречие миросистемы. Мир-экономика основана на бесконечном накоплении капитала, что требует максимального присвоения прибавочной стоимости. Третье противоречие заключается в античеловеческой, эксплуататорской природе капитализма. С одной стороны, капитализм заставляет непосредственного производителя работать больше, но, с другой – он требует снижать его заработную плату. Это, как отмечает И. Валлерстайн, «противоречит логике стремления человека к собственным интересам». Поэтому достичь одновременно двойной цели, а именно добиться более интенсивного труда и более низкой оплаты, очень трудно. Необходима мотивация к труду, которая отличается от мотивации вознаграждения или страха [10, p. 164]. Таковую мотивацию предоставляет универсальная трудовая этика, которая «проповедуется как определяющий элемент современности». И на коллективном, и на индивидуальном уровне она призывает посвятить себя труду, но одновременно «оправдывает все существующие виды неравенства, поскольку объясняя, скрывает их происхождение в исторически неравном принятии этой мотивации различными группами. Государства, которые живут лучше других, и группы, живущие лучше других, до-

стигли этого преимущества благодаря более ранней, более сильной и устойчивой приверженности универсальной трудовой этике. И наоборот, те, кто живёт хуже, а значит, и те, кому платят меньше, находятся в таком положении, потому что они этого заслуживают. Таким образом, существование неравенства доходов оказывается не проявлением расизма, сексизма, а скорее универсальным стандартом вознаграждения за эффективность. Те, у кого меньше, имеют меньше, потому что они меньше заработали» [10, р. 174–175]. Однако в действительности происходит закрепление корреляции низких доходов и низких групповых статусов в культуре «употребление II», в которой «расизм и сексизм» имеют существенное значение.

Четвертое противоречие миросистемы. Мир-экономика построена на идеи неизбежного прогресса и ценностях новизны. Противоречие здесь проявляется в том, что «пропаганда достоинств новизны подрывает легитимность любой власти, какими бы трудами она ни достигалась» [10, р. 165]. И. Валлерстайн отмечает, что «на протяжении веков легитимность политических систем основывалась на прямо противоположном принципе – на принципе старины, преемственности, традиции» [10, р. 175]. Такой способ легитимации власти больше не работает. Противоречие принципа новизны и потребности в легитимности власти преодолевается на уровне культуры «употребление I» двумя способами. Первый способ – конструирование культуры национального патриотизма. Монархическо-аристократическую легитимацию власти успешно заменяет «фиктивная общность с коллективной душой, гипотетическая “нация”, корни которой уходят в глубь веков... Мало какое правительство в истории капиталистического мира-экономики не смогло открыть в себе силу патриотизма для достижения сплоченности» [10, р. 175–176]. Данный способ опирается на культуру «употребление II», поскольку, с одной стороны, предполагает наличие образа «чужака», «иммигранта» как противоположных «гражданину», а с другой – превозносит «воинственную природу мужчин».

Механизм легитимации власти посредством взращивания национального патриотизма неэффективен «для тех, кто проигрывает в циклических сдвигах» [10, р. 176]. Проигрывающие могут восстановить легитимность иначе. Они могут обратиться к универсализирующим принципам. Часто в процессе «революций» или «резкой смены курса» провозглашаются идеи «передовых элементов нации» (культура «употребление II» совершает переход в «употребление I») и декларируются политические и социальные изменения, направленные на изменение места и статуса государства в миросистеме.

Пятое противоречие миросистемы. Мир-экономика является поляризующей системой. Столетиями миросистема демонстрирует внешнее богатство и прогресс, которыми могла пользоваться небольшая доля населения мира. Пятое противоречие проявляется между «прогрессом» и упадком, между видимым ростом богатства и не менее реальным обнищанием. И. Валлерстайн задает вопрос: «Единственный способ разрядить возникающее недовольство – это отрицание, но как можно отрицать явления, которые столь публичны и чей публичный характер действительно является одной из насущных потребностей системы?» [10, р. 165]. И культура снова спасает порядок в миросистеме, но теперь формируя коллективную ориентацию на потребление. Официальной идеологией настоятельно продвигается мысль, что «неравенство в вознаграждении со временем уменьшается, что существующее неравенство является временным и переходным явлением на пути к более процветающему, более равноправному будущему» [10, р. 176]. Для защиты этой идеологии от

ее очевидного несоответствия реальности воздвигаются две линии обороны. Первая линия обороны – отрицание поляризации и формирование ложного восприятия реальности. И. Валлерстайн отмечает: «Рост уровня жизни был центральным мифом этой миросистемы» [10, р. 177]. На нескольких примерах он иллюстрирует как «арифметические уловки» при исследованиях процессов международного и национального уровней способствуют созданию этого мифа. Вторая линия обороны – легитимация поляризации. Универсализм декларирует правило о том, что все государства могут и должны развиваться. Но в реальности это не так, даже исповедуя идеологию модернизации, принимая помощь и подражая странам с передовыми экономиками, государство часто ведет экономику и страну к стагнации, к упадку. В таких случаях основной фактор неуспеха усматривается в культуре неудачника⁶. «Это жесткая система оправдания, поскольку она “обвиняет жертву” и тем самым отрицает реальность» [10, р. 178].

Шестое противоречие миросистемы. Мир-экономика историческая система, которая имеет свой жизненный цикл и должна однажды под грузом нарастающих противоречий прекратить свое существование. Противоречие заключается здесь в том, что капиталистическая доктрина отрицает распад и проповедует бесконечный рост капитала и бесконечное расширение системы. Упадок представляется как «временная иллюзия, вызванная кратковременной слабостью руководства, поскольку, по определению, упадок не может произойти, учитывая силу и превосходство доминирующей культуры (употребление II)». И. Валлерстайн указывает на две господствующие версии описания упадка. Первая версия упадка – «он происходит потому, что культура (употребление II) уступила место обманчивому мировому гуманизму в тщетной надежде создать мировую культуру (употребление I)». Вторая версия упадка – он «обусловлен недостаточным вниманием к культуре (употребление II), а следовательно, недостаточным признанием политических прав “низших” расовых групп или “женщин”» [10, р. 179].

Следует подчеркнуть, И. Валлерстайн не отрицает культурного опыта реальных людей и групп, он лишь указывает на его неотделимость от широкого контекста, в котором этот культурный опыт становится инструментом властных отношений. В предисловии к книге «Геополитика и геокультура» он выразил эту мысль еще более четко. Озабоченность «культурой» возникает в случае, когда других путей снятия противоречий не осталось, когда экономические и политические способы воздействия на систему больше не работают, и лишенные этих способов группы конструируют «культуру» как альтернативный способ своего влияния [10, р. 12].

Культура способна играть роль стабилизатора системы, адаптируя сознание к изменениям и направляя деятельность людей в необходимое для капиталистической мирэкономики русло. В современной миросистеме существуют три таких русла, три разновидности геокультуры: либерализм, консерватизм и радикализм (социализм) [10, р. 139–237]. Порожденные процессами Французской революции 1789 г. и наполеоновским периодом эти три направления идеологии содержали общие ценностные основания, но по-разному адаптировали людей к осознанию факта неизбежности изменений прогресса. «После 1848 года либерализм добьется культурной гегемонии в мир-системе и сформирует фундаментальное

⁶ Тип такого объяснения ярко представлен в книге «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу» [19].

28 Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 1. Постановка проблемы и разработка онтологии
Stages of Cultural Research in the World-Systems Approach. Part 1. The Formulation of the Problem and Ontology Development

ядро геокультуры» [20, с. 22]. В XIX в., сопровождая и легитимируя процесс глобального расширения мир-экономики, геокультура «присвоила и выпотрошила» все альтернативные идеологии [21, р. 53].

Концепция культуры в миросистеме И. Валлерстайна вызвала критику. Например, Р. Бойн отметил: «Это всего лишь рамочная концепция. Миросистемная теория подобна дому без стекол в окнах, без топлива в камине, без еды в шкафах и без кроватей, на которых можно спать. Даже если мы придадим основным опорам этой структуры статус неоспоримой реальности... из этого не следует, что понимание культуры будет исчерпано объяснением того, как она удерживает структуру от распада. Мало кто будет спорить с тем, что некоторые аспекты культуры можно анализировать таким образом, но это далеко не все, что есть в ней» [22, р. 61–62].

И. Валлерстайн ответил на критику, подчеркнув, что границы наших категориальных аппаратов и дисциплинарных рамок являются культурными паттернами – продуктами капиталистической исторической системы, и что он сам – И. Валлерстайн, в силу своего образования, полученного в этой системе, также является ее заложником [12]. Это «преодоление терминологии» и станет следующим этапом исследования культуры в миросистемном подходе.

Заключение. Результаты отечественных исследований российской экономики с опорой на эвристический потенциал теоретических конструкций миросистемного подхода, несомненно, имеют важное значение для понимания места России в глобальных цепочках создания стоимостей для включения ее истории и настоящего в контекст взаимосвязей с миросистемными процессами больших величин и большой длительности. Однако на современном этапе миросистемный анализ является более сложным, комплексным инструментом, который позволяет в качестве предмета рассматривать не только экономику и политику, но и культуру. Следует признать, что оптика исследования культуры требует дальнейшего совершенствования, но отказываться от инструментария миросистемного подхода в ситуации, когда российское государство делает ставку на культуру в формировании общероссийской гражданской идентичности, нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / пер. с англ. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
2. Осипов Н. Е. Читая И. Валлерстайна (Ответ-реплика на «протест») // Философия и общество. 2016. № 2. С. 39–50.
3. Осокина Н. В., Казанцева Е. Г. Современная мир-система и Россия. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2018.
4. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2. С. 3–29.
5. Wallerstein I., Aguirre Rojas C. A., Lemert C. Uncertain Worlds: World-Systems Analysis in Changing Times. NY: Routledge, 2016.
6. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Методология исследовательских программ / пер. с англ. А. А. Кудрявцева. М.: АСТ: Ермак, 2003. С. 5–254.
7. Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
8. Wallerstein I. Pedagogy and Scholarship // Review. World-Systems Analysis Essays in Methods and Practice. 2016. Vol. 39, № 1/4. P. 265–270.

9. Hopkins T. K., Wallerstein I. Patterns of Development of the Modern World-System // Review. 1977. Vol. 1, № 2. P. 111–145.
10. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
11. Wallerstein I. World-System Analysis: the Second Phases // Review. 1990. Vol. 13, № 3. P. 287–293.
12. Wallerstein I. Culture is the World-System: A Reply to Boyne // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society / ed. by M. Featherstone. London: SAGE Publications, 1990. P. 63–66.
13. Wallerstein I. What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research // Social Research. 1995. Vol. 62, № 4. P. 839–856.
14. King A. D. Introduction: Spaces of Culture, Spaces of Knowledge // Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity. London: Macmillan, 1991. P. 1–18.
15. Wallerstein I. The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture? // Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity. London: Macmillan, 1991. P. 92–106.
16. Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society Special Issue / ed. by M. Featherstone. London: SAGE Publications, 1990. P. 31–56.
17. Wallerstein I. The Essential Wallerstein. NY: New Press, 2000.
18. Wallerstein I. Cultures in Conflict? Who are We? Who are the Others? // J. of the Interdisciplinary Crossroads. 2004. Vol. 1, № 3. P. 505–521.
19. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона; пер. с англ. А. Захарова. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002.
20. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914 / пер. с англ. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
21. Korhonen J. Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives // World-Systems Analysis at a Critical Juncture / eds. by C. R. Payne, R. P. Korzeniewicz, B. J. Silver. NY; London: Routledge: Taylor & Francis Group, 2023. P. 42–53.
22. Boyne R. Culture and the World-System // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture and Society Special Issue / ed. by M. Featherstone. London: SAGE Publications, 1990. P. 57–62.

Информация об авторах.

Хлыновская Софья Александровна – преподаватель-исследователь по специальности «История философии», магистр философии (2018), преподаватель кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления (филиал РАНХиГС), ул. Нижегородская, д. 6, Новосибирск, 630102, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, миросистемный подход, философия и методология социальных наук, философия образования.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, философия и методология социальных наук, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.04.2025; принята после рецензирования 25.06.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2015), *The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*, Transl. by Protsenko, N. and Chernyaev, A., Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, Moscow, RUS.
2. Osipov, N.E. (2016), "Reading Immanuel Wallerstein (A Reply to "Protest")", *Philosophy and Society*, no. 2, pp. 39–50.
3. Osokina, N.V. and Kazantseva, E.G. (2018), *Sovremennaya mir-sistema i Rossiya* [The Contemporary World-System and Russia], Kuzbass State Technical Univ., Kemerovo, RUS.
4. Glaziev, S.Yu. (2016), "National Economy Structures in the Global Economic Development", *Economics and Mathematical Methods*, vol. 52, no. 2, pp. 3–29.
5. Wallerstein, I., Aguirre Rojas, C.A. and Lemert, C. (2016), *Uncertain Worlds: World-Systems Analysis in Changing Times*, Routledge, NY, USA.
6. Lakatos, I. (2003), "Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes", *The methodology of scientific research programmes*, Transl. by Kudryavtsev, A.A., AST, Ermak, Moscow, RUS.
7. Collins, R. (2002), *The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change*, Transl. by Rozov, H.S. and Vertgeim, Yu.B., Sibirskii khronograf, Novosibirsk, RUS.
8. Wallerstein, I. (2016), "Pedagogy and Scholarship", *Review*, vol. 39, no. 1/4, *World-Systems Analysis Essays in Methods and Practice*, pp. 265–270.
9. Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (1977), "Patterns of Development of the Modern World-System", *Review*, vol. 1, no. 2, pp. 111–145.
10. Wallerstein, I. (1992), *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
11. Wallerstein, I. (1990), "World-System Analysis: the Second Phases", *Review*, vol. 13, no. 3, pp. 287–293.
12. Wallerstein, I. (1990), "Culture is the World-System: A Reply to Boyne", *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society*, in Featherstone, M. (ed.), SAGE Publications, London, UK, pp. 63–66.
13. Wallerstein, I. (1995), "What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research", *Social Research*, vol. 62, no. 4, pp. 839–856.
14. King, A.D. (1991), "Introduction: Spaces of Culture, Spaces of Knowledge", *Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity*, Macmillan, London, UK, pp. 1–18.
15. Wallerstein, I. (1991), "The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture?", *Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity*, Macmillan, London, UK, pp. 92–106.
16. Wallerstein, I. (1990), "Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System", *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society*, in Featherstone, M. (ed.), SAGE Publications, London, UK, pp. 31–56.
17. Wallerstein, I. (2000), *The Essential Wallerstein*, New Press, NY, USA.
18. Wallerstein, I. (2004), "Cultures in Conflict? Who are We? Who are the Others?", *J. of the Interdisciplinary Crossroads*, vol. 1, no. 3, pp. 505–521.
19. Harrison, L. and Huntington, S. (eds.) (2002), *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, Transl. by Zakharov, A., Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow, RUS.
20. Wallerstein, I. (2016), *The Modern World-System, vol. IV. Centrist Liberalism Triumphant 1789–1914*, Transl. by Protsenko, N., Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, RUS.
21. Korhonen, J. (2023), "Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives", *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*, in Payne, C.R., Korzeniewicz, R.P. and Silver, B.J. (eds.), Routledge Taylor & Francis Group, NY, London, UK, pp. 42–53.
22. Boyne, R. (1990), "Culture and the World-System", *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society*, in Featherstone, M. (ed.), SAGE Publications, London, UK, pp. 57–62.

Information about the authors.

Sofia A. Khlynovskaya – Lecturer-Researcher in the specialty «History of Philosophy», Master (Philosophy, 2018), Lecturer at the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 6, Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, Russia. The author of more than 10 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, world-system approach, philosophy and methodology of social sciences, philosophy of education.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, philosophy and methodology of social sciences, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.04.2025; adopted after review 25.06.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 141.319.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-33-52>

Топология Дома: опыт феноменологического исследования границ пространства бытия человека

Елена Леонидовна Разова

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь,
lrazova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0009-2892-345X>*

Введение. Статья посвящена философско-антропологическому анализу феномена Дома как ответу на технологический вызов. Цель – раскрыть онтологический статус Дома как пространства человеческого бытия, границы которого эрозируют в условиях цифровизации. Научная новизна заключается в разработке концепции «антропного пространства» и рассмотрении Дома как топоса укорененности. Актуальность обусловлена антропологическим кризисом, связанным с делегированием технологиям функций мышления.

Методология и источники. Исследование основано на феноменологическом подходе. Анализ строится на концепциях М. Хайдеггера (обитание, забота), М. Шелера (телесность), М. Мерло-Понти (феноменология восприятия), П. Флоренского (дом как «синтетическое орудие») и Г. Башляра («поэтика пространства»). Метод философской герменевтики позволяет интерпретировать Дом через множественные семантики: эмпирическую, аксиологическую, социальную, культурную, психологическую и мифологическую.

Результаты и обсуждение. Показано, что Дом является пространством подлинной экзистенции, где собирается «четверица». Он выполняет функцию «внешнего тела» человека и общности, обеспечивая самостояние субъекта. Утрата Дома ведет к замещению экзистенции функционированием. Обсуждаются виртуализация и мобильность, разрушающие топологию Дома, лишая бытие укорененности.

Заключение. Делается вывод, что преодоление антропологического кризиса возможно через восстановление Дома как «ойкоса». Ответом на технологический вызов является встраивание технологий в пространство экзистенции, центром которого остается Дом. Сохранение человеческой сущности достигается через усилие обитания, заботы и творчества в границах Дома.

Ключевые слова: Дом, антропологический кризис, тело, вещь, бытие-в-мире, технологический вызов, обитание

Для цитирования: Разова Е. Л. Топология Дома: опыт феноменологического исследования границ пространства бытия человека // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 33–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-33-52.

Topology of the Home: an Experiment in Phenomenological Research into the Boundaries of Human Existence

Alena L. Razava

*Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus,
lrazova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0009-2892-345X>*

Introduction. The article is devoted to a philosophical-anthropological analysis of the phenomenon of the Home as a response to the technological challenge. The aim is to reveal the ontological status of the Home as a space of human existence, the boundaries of which are eroding in the context of digitalization. The scientific novelty lies in the development of the concept of “anthropic space” and the consideration of the Home as a topos of rootedness. The relevance is determined by the anthropological crisis associated with the delegation of cognitive and creative functions to technology.

Methodology and sources. The research is based on a phenomenological approach. The analysis draws on the concepts of M. Heidegger (dwelling, care), M. Scheler (corporality), M. Merleau-Ponty (phenomenology of perception), P. Florensky (the home as a “synthetic instrument”), and G. Bachelard (“the poetics of space”). The method of philosophical hermeneutics allows for the interpretation of the Home through multiple semantics: empirical, axiological, social, cultural, psychological, and mythological.

Results and discussion. It is shown that the Home is a space of authentic existence where the “fourfold” (Geviert) gathers. It performs the function of an “external body” (exobody) for both the individual and the community, ensuring the subject's autonomy. The loss of the Home leads to the replacement of existence with mere functioning. It is argued that virtualization and mobility destroy the topology of the Home, depriving human existence of its rootedness.

Conclusion. The conclusion is drawn that overcoming the anthropological crisis is possible through the restoration of the Home as an “oikos” (a humanized cosmos). The response to the technological challenge is the integration of technologies into the space of existence, the center of which remains the Home. The preservation of the human essence is achieved through the effort of dwelling, care, and creativity within the boundaries of the Home.

Keywords: Home, anthropological crisis, body, thing, being-in-the-world, technological challenge, dwelling

For citation: Razava, A.L. (2025), “Topology of the Home: an Experiment in Phenomenological Research into the Boundaries of Human Existence”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 33–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-33-52 (Russia).

Введение. Футурологи, философы, писатели, такие как К. Чапек, А. Азимов, Н. Бостром, Р. Курцвейл, прогнозируя технологическое будущее, полагали, что технологии, в частности искусственный интеллект, преодолев накопительный период развития, восстанут против человека, уничтожив человеческую цивилизацию. Но реальность предлагает куда более сложное и требующее осмысления предположение, а именно: не технология превзойдет могуществом человечество, но человечество, отдав на откуп технологиям ответственность за свое существование вплоть до мышления и творчества, само превратится в биологический придаток искусственных систем. Что, впрочем, вероятнее всего приведет к деградации и технологий, развитие которых обеспечивается тем самым человеком, ибо теряя собствен-

ную бытийственную сложность, человек едва ли сможет проектировать и развивать более сложные технические системы.

Вызов современности видится в том, что опыт предыдущего этапа человеческой истории, когда на вызов технологии давался технологический же ответ, более не может быть повторен. На предельный вызов технологии, в частности искусственного интеллекта, возможен лишь антропологический вызов. Действительно, так как отказаться от технологий или обернуть технологический прогресс вспять с очевидностью невозможно, единственным шансом для человека сохранить себя – это быть бóльшим человеком в соответствии со всеми прежними условиями. Это потребует от человека вернуть в пространство своего бытия все те сущностные основания, осознано восстановить все те границы, которые исходно определяли этот вот биологический вид как человека во всей его особенности и уникальности. Таким образом, мы сталкиваемся с антропологическим вызовом, где в центре не борьба с технологией, но борьба за человека.

Технологическая современность в первую очередь вторглась в то, что можно назвать «ближним миром» – мир тела, повседневного вещного окружения, в само пространство дома. Симптомом разрушения этого ближнего мира является виртуальная реальность, которая «отменяет» физическое тело, превращая его, скорее, в недостаток, избыточный и сковывающий биологический «багаж», препятствующий полноте слияния с виртуальностью. Виртуальность вытесняет также физическое окружающее пространство, форму которого задают вещи, с которыми человек взаимодействует в своих повседневных практиках через телесный контакт. В виртуальной реальности нет всего комплекса телесных ощущений и моторики, что непосредственно связано с угнетением когнитивных функций. Без контакта с реальными вещами теряется связь с реальностью, как минимум, существенно изменяется восприятие реальности, особенно восприятие пространства и физических объектов (тела, вещи), о чем пишут В. О. Шипулина и С. А. Смирнов [1, 2].

Еще один симптом – культура сверхпотребления, низведшая вещи до лишенных осознанной ценности и длительности объектов, используемых лишь для достижения социальных целей, что отмечал Ж. Бодрийяр в работе «Система вещей» [3]. Объекты потребления лишены функции хранителей памяти, истории рода, культуры, о чем писали историки повседневности, в частности Ф. Бродель в работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (1979) [4]. Окружая себя объектами, человек теряет связь с личной и коллективной историей.

Основной вызов представляет собой искусственный интеллект, особенно так называемые большие лингвистические модели (LLM), которым человек, порой без сомнения, передает функции мышления и творчества, выбирая упрощение своей жизни и растущий комфорт. Тема искусственного интеллекта и его влияния на культурные и социальные изменения широко исследуется – можно сослаться на работы таких авторов, как И. Ю. Замчалова и Д. В. Константинов [5, 6].

Сущностные основания и границы бытия человека, определяющие пространство, в котором через усилие, осознанную сложность как условие развития, через телесный контакт с физическим окружением разворачивает свою экзистенцию человек – именно они становятся актуальными для современного философско-антропологического исследования. Возможно, осознание этих оснований и границ, определение пространства человеческого бытия, его форм и структуры, позволить человеку вернуться к ним, сохранив свою человеческую сущность, не отказываясь, при этом, от самих технологий.

Являясь основной формой человеческого пространства, Дом есть тот феномен, рассмотрение которого дает понимание оснований и границ человеческой экзистенции.

Будучи не просто архитектурным сооружением, а топосом человеческого бытия, Дом дает возможность осознанно восстановить утраченную связь с миром. Здесь тело и вещь вновь обретает свою укорененность, переставая быть инструментальными объектами, становятся вновь формами бытия человека, соучаствуя в созидании обитаемого мира.

Таким образом, если прежний вызов был технологическим, то сегодняшний – вызов нашему бытию и нашей способности обитать. Возможно, ответ на вызов технологий лежит в осознании пространства человеческого бытия, формой которого является Дом как сущностная основа и условие бытия человека.

Методология и источники. Сам феномен дома может быть прочтен через различные семантики, определив целый ряд его значений: предметно-эмпирический (дом как материальная вещь), аксеологический (дом как ценность, критерий значимого/ценного), социальный (место общности, социальное тело), культурный (хранилище памяти индивида, семьи, рода), психологический (основание личной идентичности, место личностного становления), мифологический (начало и завершение странствий героя, образ космоса). Первичным среди этих форм является материальный дом, дом как вещь, рукотворное материальное пространство обитания человека.

Человеческая индивидуальная конечность преодолевается отнюдь не только продолжением рода, но именно сохранением того бытийственного тела, которое представляет собой Дом, где сохраняются, передаются, изменяются смыслы, созданные человеком. Хранят их, передают и изменяют те, кто обитает в Доме, объединенные общим этосом, который позволяет всей общности понимать эти смыслы так, как они творились (со-творялись) именно в со-бытии общности. В обитающую в Доме общность входят не только люди, но и вещи, наделенные смыслом и ценностью, животные, включенные в повседневные траектории обитателей Дома. Временность, историчность, ситуативность как модусы конечности, выделенные А. С. Гагариным [7, с. 15], преодолеваются в онтологии Дома.

Э. Гуссерль в работе «Идеи чистой феноменологии» (1913) писал об интенциональных объектах, данных лишь в сознании, являющихся объектами для познающего субъекта и посредниками для взаимодействия между субъектами, чье существование не зависит от субъектов и представляет собой интерсубъективный мир, мир вещей [8]. М. Шелер, развивая схожую идею в работе «Феноменология и теория познания» (1913–1914), отличал «предметы» и «вещи». Он утверждал, что «предметы» даются человеческому восприятию в акте переживания, а вещи обладают собственной онтологией, как и дух [9]. Шелер утверждает, что в любом индивидуальном предмете можно выявить сущность, и усматривается сущность интуитивно. Собственно в этом Шелер усматривал отличие феноменологии от естественнонаучного анализа: постижение мира происходит лишь в непосредственном «контакте с самим миром», с «основой всех вещей», через «благоговение человека перед тем, что рядом с ним» [9, с. 120].

Контакт с миром, постижение жизни через постижение сущности вещей, через проживание жизни посредством вещей – есть условие человеческого способа существования, человеческой экзистенции: «Изолировать и отгородить человека от непосредственного бытийного и жизненного контакта с основой всех вещей означает такое же страшное ограничение, равное прекращению подачи воздуха для его внутренней жизни, каким, с другой стороны, является

отгораживание человека от природы. Человеку, по Гете, нужно иметь три рода благоговения: благоговение перед тем, что выше него; перед тем, что ниже него; перед тем, что рядом с ним» [9, с. 120]. Шелер писал, что в открытости миру проявляется онтологическая свобода, и результат этой проявленности – творчество как имманентное свойство человека. Важно отметить, что, говоря о творчестве, не следует ограничиваться лишь художественным творчеством. Способность создавать формы, отличные от природных, и есть первичное проявление творчества. Первое, что создает человек – дом, в котором обитает, и вещи, наполняющие дом и позволяющие человеку вести образ жизни, отличающий его от животных, какими был схожими не были прочие их практики, повадки или реакции. Так Дом представляется особой формой бытия, творение которой есть результаты и условие становление человека человеком. Вслед за Шелером и его работой «Положение человека в космосе» (1928) можно расширить понятие тела от биологического до онтологического: человек через это тело, через свой дом, реализует духовные ценности, наделяя духовными смыслами и само жилище, и вещи в нем, а значит, через дом обретает ценности, смыслы, Бога [10].

М. Хайдеггер писал, что трансцендентные сознанию вещи являют себя в «своей нескрытости и потаенности» [11, с. 46]. Через взаимодействие с материальным, вещным окружением, физическим аспектом Дома (ибо не всякая вещь, не всякий предмет имеет равное значение и смысл, который обретает лишь через соучастие в бытии человека) становится понятным хайдеггеровское «бытие-в-мире» и «открытость миру».

Тема Дома, пространства человеческого существования, места бытия человека достаточно активно исследуется современными зарубежными авторами, социологами, антропологами, специалистами в области урбанистики. Наиболее комплексно феномен Дома рассматривают в своих работах М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Б. Латур, П. Слотердаик, Г. Башляр, А. Лефевр. Среди отечественных авторов можно назвать таких философов, как Л. Карсавин, П. Флоренский, В. Подорога, а также Б. В. Марков, Е. Л. Разова, А. С. Гагарин, С. Н. Рымарович, Л. В. Чеснокова.

Феномен дома можно прочесть через различные семантики, определив целый ряд его значений: предметно-эмпирический (дом как материальная вещь), аксеологический (дом как ценность, критерий значимого/ценного), социальный (место общности, социальное тело), культурный (хранилище памяти индивида, семьи, рода), психологический (основание личной идентичности, место личностного становления), мифологический (начало и завершение странствий героя, образ космоса). Первичным среди этих форм является материальный дом, дом как вещь, рукотворное материальное пространство обитания человека.

Дом есть экспликация внутреннего пространства, обитая в котором человек переживает феноменологический опыт: не имея достаточного опыта и готовности к осознанию пространства внутреннего, человек осознает его через пространство Дома. И встречное движение – выстраивая пространство Дома, человек творит свое внутренне пространство. Дом, таким образом, становится экзотелом человека, не просто средой обитания, но физическими (и не только физическими) границами мира внутреннего.

Результаты и обсуждение. С философской точки зрения Дом – это не просто здание, а пространство подлинного человеческого бытия. Такое понимание Дома предложил М. Хайдеггер в эссе «Строительство Жительство Мышление» (1951) [12], где он разли-

чает собственно строительство здания и обитание в доме. Обитание предполагает соединение в пространстве дома «четверицы» – земного и небесного, смертного и божественного. Сам дом и вещи, его наполняющие, и есть то место, где человек укореняется в бытии. В. Подорога в работе «Метафизика ландшафта» (1993), продолжая традицию Хайдеггера, описывает Дом как телесное, осязаемое пространство, продолжающее тело обитающих в нем людей, воплощающее движения и жесты тела человека, накапливая и храня его телесную память [13]. Рассматривая Дом как феномен культуры, как форму бытия нужно увидеть его и как живое событие, которое свершается на протяжении всего обитания в нем людей, событие, которое, возможно, именно в силу вовлеченности в него человека, вследствие почти непрерывного интеллектуального усилия, о котором пишет М. Мамардашвили [14], необходимого наряду с физическим усилием для поддержания Дома живым, а значит, пригодным для жизни человека. Дом есть пространство бытия человека, выраженное в физической форме самого архитектурного сооружения и вещей, его наполняющих. Чтобы это пространство было местом укорененности человека в бытии, требуется непрекращающееся усилие человека быть, обитать.

Хайдеггер называл один из модусов этого усилия «заботой» [11, с. 191 и далее]. Забота создает обитаемое пространство, связывая человека и окружающие его вещи. Это значит, что «ближний мир» и человек связаны неразрывно и непосредственно. Более того, мир не есть что-то отдельное от человеческого существования: среда, окружающая его, объективная реальность или некий контекст существования. Мир сам существует, осуществляется в бытии человека, а человек бытийствует в мире. Таким образом, бытие в неразрывной связи с пространством обитания, бытие-в-мире, реализуемое через обитание в Доме, есть сущностное определение человека. Забота есть очеловечивание, одомашнивание мира через обитание в нем, превращение пространства физического в пространство антропное как совокупность измерений бытия (телесного, вещного, социального, временного), преобразованную человеческой деятельностью (заботой, трудом, мышлением) в осмысленный, обитаемый космос, главной формой и моделью которого является Дом.

Первично Дом – это искусственная среда, в которой человек как биологическое существо может функционировать, получая пространство, которое обеспечивает его безопасность, пропитание и продление рода, благодаря чему страх смерти нивелируется заботой и служением общности друг другу от рождения до смерти. В Доме человек отчасти реализуется как животное, стремящееся обустроить свое логово, защитить его. Фактически Дом обеспечивает базовые потребности, определенные А. Маслоу в работе «Мотивация и личность» [15], единые как для человека, так и для животного, а именно физиологические (органические) потребности и потребность в безопасности. Принципиальное отличие человека от животного в том, что для реализации и этих потребностей и собственно самой сущности своего бытия, человек создает целый полноценный мир, аналог космоса, рукотворный и управляемый, антропное пространство, результат взаимодействия объективных условий, которые делают возможным человеческое бытие, и активного, созидательного проекта по формированию осмысленного мира. Это пространство получает в какой-то момент своей истории самостоятельное бытие, порой даже довлеющее над человеком, обитающим в нем. И в этом пространстве, в его фокусе – Доме, человеческая жизнь разворачивается как экзистенция, включающая в себя все живое и материальное окружение. Сам же Дом, будучи формой этого пространства, обладает

и особой топологией, которая есть результат обитания человека в нем, с одной стороны, и карта его повседневного существования, с другой. Обитая в Доме, проживая пространство своей экзистенции, человек познает мир, себя, бытие, обретает свои основания и границы, что позволяет ему реализовать его интенциональную сущность и устремиться к преодолению своих границ, к восхождению к Трансцендентному.

Важно отметить, что в данном контекст Дом рассматривается не как эмпирическая реальность каждого жилища, могущего выступать репрессивным и дисциплинарным аппаратом, местом принудительной идентичности, о чем много писал, в частности М. Фуко (например, в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) [16]). Дом здесь рассматривается как онтологическая возможность, как сущностная основа бытия человека, исследование же его девиантных реализаций еще предстоит выполнить.

Творя Дом, создавая пространство обитания, человек расставляет в его границах все по своим местам, принимая за карты физическое выражение этоса общности, обитающей в Доме. Другие физические тела – люди, вещи, растения, животные – все эти части общности становятся уместными, т. е. обретают смысл и предназначение, каковых не имели бы вне общности, вне Дома, вне целостности в ее границах.

Биологическое тело делает человека органичной частью биосферы, при этом, по сравнению с другим животными, во многом более уязвимой и несовершенной частью. Однако в силу этой уязвимости человек сотворил себе то тело, которое делает его принципиально отличным от любой иной формы жизни. Он создал для себя тело внешнее, свой дом. Постклассическая философия и, в частности феноменология, уделяет большое внимание исследованию человеческой телесности. Следует отметить, что интерес вызывает не только и не столько само тело как биологическая система, имеющая свою специфику, но в целом приравнивающая человека к другим живыми существами, а то, что, превосходя биологическую природу, делает тело человека сущностной основой именно человеческого его бытия. Так Э. Гуссерль в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» [8, с. 168] предлагает различать тело физическое (Körper), которое есть и у человека, и у животного, и «живое тело» (Leib), представляющее собой пространство физического ощущения и действия человека, имеющего интенциональную природу и, по сути, являющегося сущностной основой и условием возможности восприятия и сознания. М. Хайдеггер отмечал, что тело неразрывно связано с экзистенцией, участвуя во взаимодействии с вещами, задавая наше восприятие и понимание пространства и времени [11]. Наиболее концентрированно идею экзистенциальности тела выразил М. Мерло-Понти, который в работе «Феноменология восприятия» (1945) утверждал, что тело есть способ бытия человека в мире, что человек познает мир через проживание мира, через телесные практики [17]. Но, будучи основой и условием человека как вида, обладающего сознанием, тело тем не менее реализует эту свою роль лишь в пространстве, которое обеспечивает выживание человека и биологическое (тепло, безопасность), и социально-культурное (сохранение и передача знания). И пространство это – пространство Дома, без которого потенциал тела не может быть реализован, по крайней мере, полностью.

Проблема возникает, когда человек теряет связь со своим телом, превращая его не в основание экзистенции, а в объект, подвластный его воле, объект манипуляций, нечто вторичное и утилитарное. Человек перестает обитать в своем теле как в Доме, но пользуется

им как объектом потребления. Процесс деконструкции телесности хорошо представлен в работе А. Ф. Поломошнова и А. А. Молоканова [18]. Виртуализация пространства разрушает телесность экзистенции, разрушая тем самым пространственность как условие бытия человека. Виртуализация человека до цифрового аватара, даже при условии максимально реалистичной имитации физических ощущений от действий в виртуальной среде, не компенсирует пассивность и разъединенность с телом физическим, что негативно сказывается на когнитивных функциях, напрямую интегрированных с телесной моторикой. Вместе с телом, человек в виртуальном мире утрачивает пространство, а с ним и понятие «своего пространства», Дома. Так возникает реальная опасность утраты собственно человеческой идентичности, так как вне дома, а значит, вне общности, обитающей в доме, индивид снова становится уязвимой единицей, мало приспособленной для выживания как в мире природы, так и в мире социальном, так как вне общности, без Дома он не обладает тем самостоянием, что позволяет ему занять позицию субъекта, но быть лишь объектом.

Дом, физическое помещение, наполненное предметами обихода, орудиями, есть пространство и результат разворачивания телесного потенциала. И встречное движение – выстраивая пространство Дома, человек творит тело, впитывающее в себя привычные практики, жесты, позы, тем самым задавая форму проживания-познания мира. Об особом статусе дома, а так же того, что его наполняет, писал П. Флоренский в работе «Органопроекция» (1919). Он определял Дом как «синтетическое орудие» [19, с. 157], позволяющее человеку, биологически ограниченному, существовать как человек. При этом каждое орудие, объединенное с другим в Доме, есть продолжение тела человека. «По замыслу своему жилище должно объединять в себе всю совокупность наших орудий – все наше хозяйство. И если каждое орудие порознь есть отображение какого-либо органа нашего тела с той или другой его стороны, то вся совокупность хозяйства как одно организованное целое есть отображение всей совокупности функций органов в их координированности. Следовательно, жилище имеет своим первообразом все тело в его целом. Тут мы припоминаем ходячее сравнение тела с Домом души, с Жилищем разума. Тело уподобляется жилищу, ибо самое Жилище» [19, с. 158].

Таким образом, Дом – это продолженное тело, но не столько индивида, сколько общности, которая, объединена общим этосом, обитает в едином пространстве, что проанализировано в работе автора «Топология этоса: антропологическое прочтение феномена Дома» [20]. Важно отметить, что общность «не отменяет» индивида, не низводит его до несамостоятельной части целого, но обеспечивает возможность целостности, способной обладать самостоянием и выступать субъектом социальных процессов, культуры и истории, которая в состоянии удерживать континуальность традиции, ценностей, культурных практик, памяти и веры. Принадлежность к общности дает индивидуальному ее члену силу противостоять давлению внешнего мира, власти его дисциплинарных практик, принудительности и обязательности социального габитуса. В то же время принадлежность к общности, укорененность в этосе дает человеку силу идти в мир, открываться ему навстречу без страха утратить самостояние в анонимной массе.

Будучи физическим телом общности, Дом выполняет для общности роль тела социального. Тело индивида, чья форма, внешний вид, жесты и движения задаются обществом, его нормами и институтами, есть инструмент репрезентации индивида во внешнем социальном

окружении, о чем пишет М. Фуко в работах «Надзирать и наказывать» (1975) и «История сексуальности» (1976–1984) [16; 21]. В работе «Различение: социальная критика суждения» (1979) П. Бурдьё писал, что тело есть социальная память, проявляемая бессознательно в повседневных практиках. В этой же работе Бурдьё отмечает, что дом воплощает габитус, являясь физическим и символическим выражением социального положения [22]. Ж. Бодрийяр в работе «Система вещей», экстраполируя символическую функцию тела на Дом, говорит о нем как о системе знаков, задачей которых является уже не формирование пространства экзистенции, но представление человека в обществе [3]. Таким образом, выполняя роль социального тела человека, обеспечивая встроенность человека в социальное пространство, его коммуникацию с социальным миром, Дом предстает телом общности, посредством которого происходит выстраивание взаимодействия с другими общностями, репрезентация общности в социальном мире, формой которого является город (любое поселение).

Индивид через принадлежность к общности, облеченный ее телом-Домом, преодолевает в своей экзистенции собственные границы, не отрицая их, а значит, оставаясь человеком и сохраняя свою индивидуальность. Так, индивидуальная конечность преодолевается отнюдь не только продолжением рода, но именно сохранением того бытийственного тела, которое представляет собой Дом, где сохраняются, передаются, изменяются смыслы, созданные человеком во взаимодействии с другими людьми, обитающими в этом же Доме, где формируется и обеспечивается приватность, призванная сохранить индивида в его уникальности, о чем пишет в своих исследования Л. В. Чеснокова [23]. Объединенные общим этосом, который позволяет всей общности понимать эти смыслы так, как они творились (со-творялись) именно в со-бытии общности. В обитающую в Доме общность входят не только люди, но и вещи, наделенные смыслом и ценностью, животные, включенные в повседневные траектории обитателей Дома.

Дом – горизонт для тела человека, мир – горизонт для Дома. Дом, его пространственная форма, его «география», материальные вещи, наполняющие его, имеющие не только утилитарный, но и ценностный, и сакральный смысл, – все это есть тоже тело, тело феноменальное, которое только и может соприкасаться в повседневном опыте с горизонтом пространства мира внешнего.

Творя Дом, человек расставляет все по своим местам. Другие люди, вещи, растения, животные – все обретает смысл и предназначение, большее, чем вне Дома и без человека. Входя в пространство экзистенции, все оно становится частью пространства онтологического, частью целостности. Так экзистенция становится формой бытия через человека в виде пространства его Дома.

Говоря о пространстве дома, о его топологии, нельзя не говорить о вещном наполнении этого пространства, история которого во многом и составляет историю материальной культуры человека (подробное исследование понятия вещи с точки зрения истории культуры можно найти в статье А. Д. Шоркина [24]). Феномен вещи стал одним из ключевых для постклассической философии и философской антропологии. Важно подчеркнуть, что для понимания экзистенциального пространства Дома и роли в нем вещи, надо отличать объект и вещь. Первым такое разделение предложил М. Хайдеггер в эссе «Вещь» [25]. Он утверждал, что вещь – не объект, а событие, в котором собирается «четверица», где проявляется, делается для человека видимым бытие. М. Бубер в работе «Я и Ты» (1923) противопостав-

лял два типа отношений человека и вещи – «Я–Оно», где вещь является пассивным объектом, и «Я–Ты», где человек и вещь взаимодействуют в диалоге, благодаря чему проявляется сущность человека [26]. В. Подорога в «Метафизике ландшафта» писал, что вещь участвует в человеческой экзистенции, а взаимодействие человека и вещи порождает событие, тем самым устанавливается связь человека и мира, сознания и физической реальности [13]. Внутри пространства экзистенции человек окружен вещами, с которыми связан интимными отношениями заботы, осознанного выбора и инструментального применения. Такие вещи наполняют пространство бытия человека, обитая в доме вместе с людьми, они являются посредниками взаимодействия человека с миром. Такое отношение принципиально отлично от «предметного» отношения к вещам, воспринимаемым лишь как сырье или техника. Вещи формируют «здесь и сейчас» человеческое бытие. Обитание человека среди вещей есть повседневность, в которой человек существует не как изолированная единица, но взаимодействует с другими – людьми и вещами, которые говорят на собственном языке, понятном для человека, обитающего среди этих вещей.

Постклассическая философия отмечает, что вещь утрачивает свою экзистенциальную сущность, трансформируясь в объект, знак социального статуса, о чем пишет Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» [3]. Фактически, вещи перестают участвовать в экзистенции, используя лишь для социального различия, в силу чего за вещь остается роль репрезентации положения человека в системе социальных отношений, роль знака, а со временем и знака, лишенного содержания, симулякра. Знак, как и симулякр, лишены связи с бытием, более не вовлечены в экзистенцию. Такая современная инфляция вещи отражает и инфляцию самого Дома как пространства экзистенции, а вместе с ним и инфляцию собственно человеческой экзистенции, в силу чего человек утрачивает связь с бытием, превращаясь в то, что Хайдеггер именовал *das Man* – усредненный человек, пребывающий в текущем моменте, оторванный как от прошлого (традиция), так и от будущего (смысл), утративший свое пространство и свою укорененность в бытии. Знак современности – стремление человека к потреблению, вещиизму, чувственному наслаждению, отказ от историчности и страх перед будущим. Ограничение человека лишь сиюминутным существованием, отказ от укорененности в бытии, от собственной онтологии, от восхождения к трансцендентному, требующему осознания и преодоления собственных границ при сохранении укорененности в предельных основаниях своего человеческого способа бытия, человеческой экзистенции, ведет к утрате человечности, ибо приравнивает человека к объекту, лишенному памяти, истории, ценностей, значимому лишь в прикладном смысле как инструмент, объект, используемый кем-то для чего-то, без соотнесения цели и способа использования с сущностью, смыслом самого объекта. Этот смысл, сущность временная и изменчивая, вкладываются в человека через вовлечение его в социальные процессы, моду посредством информационного воздействия. Человек становится объектом. Фактически этот статус человека-объекта закрепляет объектно-ориентированная онтология, представленная работами Г. Хармана [27], которая возвращает вещам субъектность (вслед за Хайдеггером Харман определяет любую вещь как место встречи «четверицы»), оставляя за человеком уникальность способа существования среди других объектов и специфический модус взаимодействия с ними.

Даже если принять подход объектно-ориентированной онтологии в отношении онтологического статуса вещи, то в отношении человека верно то, что он не только способен воспринимать окружающие его вещи, но и вовлекать их в свою экзистенцию, возводя вещи из статуса «что» в статус «зачем» и «почему». Созданное, сотворенное получает ценность и смысл не только для отдельного человека, но и для других, кто воспринимает это творение схожим с творцом образом, ибо укоренен в тот же либо близкий, созвучный этос (понятие «этос» проанализировано в работе автора «Проблема определения понятия «этос». Философский аспект» [28]. Именно так возникает пространство со-бытия. Впрочем, следование моде как одинаковое ритуальное использование разными людьми одинаковых вещей, как подражание некоему кумиру не есть акт творения и понимания, ибо такая вещь и такой ритуал не есть ответ собственному этосу. Такое обращение с вещами не ведет к созданию своего мира, но есть попытка проживания через механическое подражание жизни другого человека, чужой жизни. Даже облакаясь в конкретную форму, мир лишен онтологии.

Созидание жизни с помощью вещи, взаимодействие с вещью как с помощником, необходимым для творения, – неотъемлемая характеристика отношений в границах пространства человеческой экзистенции. Так вещь, включенная в экзистенцию, становится не просто материальным следом человеческого существования, но местом встречи человека и физического мира, местом, которое расширяется до социального пространства города, до целостного космоса культуры, о чем в своих работах пишет В. И. Ионесов [29; 30]. Вещное наполнение Дома получает статус акторов, так как вещи есть накопители памяти, домашние животные – хранители человеческой эмоциональности и этики. Через них идет воспитание, вдохновение, передается знание и память, т. е. совокупно формируется идентичность общности. Вещи же в свою очередь обретают субъектность и онтологичность как органическая обязательная часть пространства бытия.

Дом как физическое здание, вещи, наполняющие дом, общность, внутри которой индивид обитает, – все это формирует не просто некую сумму или даже систему объектов, но создает космос, подобный, как элемент фрактала, космосу бытия. Л. П. Карсавин назвал такую целостность «симфонической личностью» (понятие, введенное Карсавиным в работе 1929 г. «О личности») [31, с. 13]). Люди, вещи, само физическое пространство Дома – все образует особую целостность «симфонической личности», обладает самостоянием за счет укорененности в общем этосе, за счет общего социального тела, физического пространства повседневного обитания и единой онтологической формы – Дома. Дом как именно онтологическая форма предстает основанием для определения нескольких отдельных индивидов себя как общности, как «Мы», а в постоянном взаимодействии с вещами («вещное инобытие» у Карсавина) и тварями – как «симфонической личности». Это происходит в силу единых границ и оснований экзистенции, становящейся общей, метаэкзистенцией обитателей дома, обладающей общими практиками, смыслами, традициями, памятью, не существующими в своей целостности по отдельности у каждого из членов такой общности. В понимании Карсавина, симфоническая личность несомненно куда больше, чем Дом, – это познаваемый тварный мир, получающий свою бытийность именно посредством человеческой личности. В таком определении не только человеческий Дом понимается как космос, но весь человеческий космос становится подобен Дому. В. Подорога в работе «Выражение и смысл.

Ландшафтные миры философии» (1995) писал, что «...мир – это то, что начинает быть одновременно с существованием самих смертных, образуя скрытый “топос бытия”, который никто из смертных “не знает”, хотя они и есть в качестве живущих на земле благодаря тому, что он направляет, отграничивает, собирает и хранит жизненные пространства в их неявленной, не дающейся в представлении власти над человеком» [32, с. 270].

М. Хайдеггер указывал, что создание дома, даже сам акт строительства, есть осмысление того места, которое человек занимает в мире, а сам Дом есть то пространство, где человек укореняется в бытии [12]. Целостность Дома как пространство экзистенции осмысливал Г. Башляр в его «Поэтике пространства» (1958), где он, анализируя архитектурные и структурные элементы дома как здания, видел в них символику внутреннего мира, мира души» человека [33]. Башляр, называя дом «убежищем души», писал что «дом – это наш уголок мира. Как часто говорят, это наш первомир. Дом – поистине космос, космос в полном смысле слова. Разве не прекрасен самый скромный дом, увиденный сквозь призму души [33, с. 27]. Символизм Дома исследовал и К. Г. Юнг, в частности, в последней своей работе «Человек и его символы» (1961) [34]. Он рассматривал Дом как архетип, в котором отражаются движения психики человека, сознательные и бессознательные аспекты личности. Э. Холл, который в работе «Скрытое измерение» исследовал влияние культурных норм на пространство Дома, показал, что формы его пространства есть своеобразный язык, на котором говорит культура, высказывая свои сущностные ценности [35]. Понимание Дома как пространства экзистенции легло в основу гуманистической архитектуры, одним из основателей которой был К. Александер [36], где проектирование и строительство жилого здания воплощает и отвечает человеческим потребностям, не ограниченным только физиологическими, но включающим и духовные, и интеллектуальные, и творческие.

Дом, таким образом, есть пространство, в котором и которое собирает тело человека, его ближнее окружение вещное и человеческое, в целостность, обладающую самостоянием субъекта, способную открыться миру, природному и социальному, открыться бытию навстречу своей судьбе быть человеком. «В данном контексте целостность человека – это не просто сумма его атрибутивных характеристик (физических, психических, социальных, культурно-исторических и др.). Она означает прежде всего причастность человека другой, более фундаментальной целостности (Космосу, Богу, Абсолюту, Миру, Природе, Бытию) [37, с. 45–46]. Особенность Дома как пространства обитания человека в том, что здесь существуют все признаки целостного космоса со своей пространственной структурой, временем, ландшафтом, со своими полюсами, территориями, которыми владеют различные силы, сакральными местами, дорогами и путями, местами, где по-разному движется время, и которые имеют разный возраст (передаваемые по наследству предметы мебели, старые части самого дома). На карте Дома проложены траектории повседневности его обитателей, центры, периферия, места сакральные и профанные, пути и остановки, выраженные в архитектуре и организации пространства и вещей каждого отдельного физического дома.

Дом обладает собственным отношением со временем, которое также облекается в его пространственные формы, задавая их и выражаясь в них. История Дома охватывает временные отрезки, превышающие длительность жизни человека, оперирует временем поколений, рода, имеет многоуровневый, многослойный характер. Время Дома включает в себя время

жизни человека, время поколений его семьи и рода, время самого здания и вещественного его наполнения. В дополнение включается и время памяти о Доме, хранимая даже тогда, когда Дом оставлен или утрачен. И даже время жизни природы (сада, парка, отдельного дерева, животных, обитающих в или при Доме как члены общности или домохозяйства, являются частью времени Дома.

Время Дома во многом время мифологическое, время творения, так как Дом – это место появления человека, его становления, его смерти, Дом утрачивается и обретается. Он выполняет функцию двигателя, который, будучи сам неподвижным, дает энергию развития человеку. В каком-то смысле у Дома и вовсе нет времени, он может восприниматься теми, кто в нем обитает или теми, кто его покинул и ностальгирует по нему, существующему где-то, как то, «что было/есть всегда». Тем самым время Дома оказывается близко пониманию времени античного космоса, где встречаются три времени (циклическое время природных ритмов, линейное конечное хронологическое время индивидуальной жизни и кайрос – время вечности). Эти три времени задают разнообразие форм домашнего космоса, формируя карту обитания человека, общности, нечеловеческих участников экзистенции – вещей и животных, определяя темп, скорость и ритм их со-бытия. При этом время, как и пространство в Доме, соразмерны человеку, а человек соответствует времени так же, как и является уместным в пространстве. По путям Дома человек движется в таком ритме, что успевает вслушаться и услышать, всмотреться и увидеть бытие дом, вещей, близких, свое собственное. Но в современном жилом помещении время ускорилося до неимоверности скорости, превращая дом в «машину для жилья» (термин Ле Корбюзье из его доклада «К архитектуре» (1923) [38]), вынужденно меняющуюся в своих формах, наполнении, функциональности, как любой высокотехнологический объект. Такое помещение более не предполагает обитания в хайдеггеровском понимании, осознанного и неспешного, в нем есть лишь инструментальность использования удобного «гаджета», который сменить так же легко, как любой другой «гаджет», стоит смениться моде, карьере, экономической ситуации. Задача современного жилища – экономить время и усилия, минимизируя включенность человека в собственные действия даже такие сущностные, как приготовление еды, наведение порядка, обустройство своего пространства. В жилье (впрочем, не только там) больше не нужно непосредственно взаимодействовать с вещами – телесный контакт с ними опосредуется гаджетами, а вовлеченность вещи в экзистенцию через заботу о вещи, ремонт ее или тем более собственноручное создание предметов обихода, мебели, тем более строительство самого дома, подается как анахронизм. Современное жилье есть продукт дизайна, ориентированного на коммерческий успех, рыночную конъюнктуру и социальный стандарт, его оценивают как объект инвестиций, планируя последующую перепродажу, не связывая с ним сколько-нибудь длительное свое пребывание. Более того, собственное жилье уступает место арендному, становится предпочтительным, так как может быть поменено на жилье иной ценовой категории, в более престижном районе, на жилье с другим дизайном, или более новое. Такое жилье как объект потребления или технологическое устройство можно наблюдать со стороны, находясь извне, и не важно, наблюдение ли это через витрину окон, на странице журнала или на экране, как произведение искусства или высокотехнологичное устройство. Жилое помещение может существовать совершенно без людей, что и происходит с дворцами, храмами, замками, ставшими

«памятниками архитектуры», или с творениями модных архитекторов и дизайнеров. Такое жилище – объект массового потребления и массовой культуры.

Превращение дома в технологическое устройство, в объект потребления, в знак социального положения, в пределе в симулякр, приводит к утрате дома как пространства обитания. В Доме бытие человека воплощается, обретает свою телесность, вернее, формы. Но только если оно – осознанно, помыслено, и прожито. Избыточность вещей, событий, информации современного информационного мира и мира потребления ведет к тому, что человек не в состоянии прожить все те вещи, что его окружают, в том числе и физическое пространство его обитания, место жительства, оставаясь безучастным и зачастую случайным свидетелем, временным пользователем или даже «держателем», номинальным владельцем. Так все то, что должно было наполнять его дом, обретая смысл в процессе со-бытия, сам дом остается пустым физическим или информационным симулякром (понятие «симулякра» рассмотрено в работе Ж. Бодрияра «Симулякры и симуляции» (1981) [39]. Дом, в котором не живут, но который снимают, где ночуют или временно пребывают, одежда, которую не носят, книги, которые не читают, информация, в которую не верят, мнения, которые не воспринимаются или, напротив, транслируются без рефлексии и понимания, вернее, жилое помещение, становится лишь местом временного пристанища – комфортное, не требующее заботы и усилий, выражающее социальный и экономический статус и уровень технологического развития. Мобильность, по мнению Дж Урри, есть основа современного общества, культуры, экономики. В его концепции, изложенной в книге «Мобильности» (2007), дом интерпретируется как «межпространство», место не-мобильности [40, с. 363]. Предельное выражение такого мобильного человека – цифровой кочевник, о котором пишут Ц. Макимото и Д. Маннерс в книге «Digital Nomad» (1997) [41], который не просто добровольно отказывается до физического дома, физических вещей, физического пространства, но утрачивает вместе с ними пространство экзистенции. У современного кочевника нет места, где он может встретиться со своим бытием, где обретает форму время, посему он не способен на самостояние, а значит, на восхождение, он лишь дрейфует среди эмоций, которые, не будучи осознанными, не преобразуются в чувства, среди впечатлений которые, не становясь семенем для творения нового, проходят бесследно [42]. В пространстве города, культуры, виртуального мира, где странствуют современные кочевники, остается «что» – объекты, которым суждено быть потребленными в качестве поставщиков впечатлений, инструментов создания условий для отдыха, комфорта, обеспечения биологических потребностей во сне и еде. Но утрачивается «зачем», та самая интенциональность, которая имманентно присуща человеческой экзистенции.

Безусловно, идеология и философия технооптимизма видит в цифровой среде новое пространство, в котором могут возникнуть новые формы общности (онлайн-сообщества), творчества (цифровые проекты), памяти (цифровые музеи, библиотеки). Но главной, пока не преодоленной проблемой такого виртуального пространства, претендующего на создание новой цифровой формы Дома, в том, что в нем невозможна сопричастность тела и вещи во взаимодействии, что исключает и тело, и вещь из этого пространства, а значит, аннулирует сущностные границы человеческой экзистенции, ее пространственность. Нематериальное бытие цифрового пространства изъято из времени, в нем вещи не стареют, не требуют заботы, а человек, меняясь с возрастом, не проживает иначе привычное пространство. Таким образом, цифровое пространство в текущем его состоянии лишь симулирует пространство бытия.

Пространство экзистенции подменяется пространством функционирования человека, который, наравне с другими техническими устройствами, должен быть эффективен, меньше потреблять ресурсов, больше производить прибавочной стоимости, быть заменимым, ремонтпригодным, легко и без лишних издержек встраиваемым в любые процессы, будь то процессы технологические, социальные или политические.

В Доме же нужно быть внутри, не только внутри помещения, но внутри самого обитания, его пространство и время нужно проживать, при этом его эстетика понятна только тем, кто в нем живет. Дом не принимает зрителей, любопытствующих и праздных, которые совершенно естественны для жилого помещения. Он принимает лишь деятельных и вовлеченных обитателей, которые, прибывая, обитая, творя в нем, творят себя и его. Но обитание в доме требует усилий и времени, нужных для заботы не только и не столько о себе, сколько о доме, вещах, не говоря уже о людях, без которых нет той общности, вокруг которой, равно как и вокруг вещей и сооружений, выстраивается Дом как пространство экзистенции.

Важно отметить, что Дом есть необходимое условие для путешествия, странствия человека от простого перемещения в физическом пространстве до духовного восхождения к Богу. Представляя собой человеческий космос (микрокосм), Дом есть связь всех сфер антропного пространства (индивидуального пространства тела, домашнего пространства общности, социального пространства города, космоса цивилизации), место встречи пространства экзистенции с трансцендентным. Дом определяет границу бытия общности и включенного в него индивида. Выход за границу своего бытийственного пространства есть реализация интенциональной сущности человека в преодолении себя, ставшего своей данностью ради встречи с Другим, с Иным, с Абсолютом. Дом как граница между человеком и миром, таким образом, есть условие реализации интенциональности, условие движения человека вовне, ибо интенциональное восхождение должно начинаться из того места, где человек осознает себя, свою сущность, свои границы, принимает их и делает попытку их преодоления. Также интенциональное движение – это движение к цели, в направлении того места, попав в которое человек обретает свои новые, иные основания и границы, которым суждено получить пространственную форму, т. е. стать новым Домом. Путешествие от или в направлении Дома наполнено смыслом и целью обретения своего бытия и творения того пространства, где это бытие будет высказано, увидено, прожито. Движение от Дома осуществляется для становления, это движение восхождения. Движение возвращения Домой есть движение строения мира из того, что взято из Дома и обретено в путешествии, о чем замечательно писали, анализируя мифы и сказки, М. Элиаде и Дж. Кэмпбелл [43; 44].

Все измерения антропного пространства собираются в Доме. Это тело индивидуального человека, которое достраивается до полноты своего потенциала в теле Дома. Это и пространство общности, разворачивающееся собственно в общем месте обитания, это и природа, в которую органично внедрен Дом, живущий по законам смены времен года, укорененный в почву. Обитатели дома могут жить лишь пользуясь природными дарами, пусть и выращенными в границах дома-поместья. Это и социальное пространство, форму которого задает город, где человек, получая самостояние субъекта через укорененность в этос и включенность в общность, может быть полноправным актором социальных процессов и отношений. Сам Дом есть артефакт культуры, его вещное наполнение есть искусственно созданные объекты, не возможные в природе.

Все пути человека, начинающиеся в Доме и лежащие во вне, есть пути к трансценденции, той сфере, что привносит в бытие человека динамику рождения, становления, путешествия, возвращения, жизненного пути, нацеленного на встречу с Абсолютом, Бытием, дабы расширить, прирастить сферу Дома и тех, кто вместе с человеком в этом Доме обитает, его общности.

При этом важно отметить, что речь идет о Доме как о сущностном условии человеческого бытия, отнюдь не предполагающем конкретные формы и условия его воплощения. Даже в очень скудном пространстве аскета может возникнуть пространство заботы, усердного внимания и общности, в которое вовлекаются самые скудные вещи, немногочисленные люди, простейшие формы жилища. Впрочем, проблему тех социальных, экономических и культурных ограничений, которые не позволяют Дому в этом его понимании реализоваться как неизменная данность, предстоит еще глубоко изучать.

Заключение. И в пространственном, и во временном измерении для обитателей Дом – тотален в том смысле, что вне его нет другого Дома, но есть мир, который – вне, за границами Дома, а посему необитаем, нечеловеческий, не свой. В этом смысле Дом, даже в деконструированный и виртуализированный современностью, сохраняет в себе представление об ойкосе – месте обитания, жилище человека, и ойкумене – обитаемой, очеловеченной части космоса, антропного пространства, а значит, сохраняет в себе человека. Тот антропологический вызов, который возник в связи с стремительным развитием цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта, может быть принят и преодолен только при одном условии: преодолении антропологического кризиса, возникшего с системной деконструкцией человека и человеческого пространства. Ответом может и должно быть очеловечивание человека и того мира, в котором он обитает, его новая domestizierung. Очень точно пишет Подорога, говоря, что «Модусы человеческого существования на земле – строить (bauen), жить (wohnen), мыслить (denken) – определяют опыт пространственности человека, развертывающийся в границах игры божественного и смертного, земного и небесного, в границах того, что Хайдеггер наперекор “поставу” определяет как мир “четверицы” (Geviert)» [32, с. 261]. Дом – пространство того труда, плоды которого есть преобразованное, очеловеченное бытие, космос в его микромодели, ойкос. Даже если труд этот – труд мысли, свершение его непременно осуществляется в пространстве, где мышление только и возможно, где мысль «дома», а плоды мышления обретают форму того пространства, где были созданы. Так, трудясь в доме, человек приближается к своему создателю, ибо творит бытие, свое бытие и пространства своего бытия, свой дом, который становится домом для других обитателей, людей, вещей, животных. В. Подорога писал о «творящем ландшафте», в котором, преобразованном в труде или осознанном в мысли, все значимо, все – соавтор творения: «Мысль не может существовать вне своего места, ей небезразлично собственное местоположение в структуре бытия» [32, с. 248]. Познавая, понимая, человек творит свой мир, мир, где он Дома, т. е. свой Дом. Создавая Дом, человек реализует свою креативность, творческую потенцию, которая и есть то, что делает его подобным Творцу. И не важно, каково воплощение этого Дома – сотворенного мира, где человек со-бытийствует со своими Другими, разделяя с ними этос. В таком пространстве есть место всему, в том числе и техническим системам, которые, будучи встроены в экзистенцию человека, творящего свой мир, будут не угрозой существованию этого мира и человечности человека, но условием восхождения человека к обретению смысла своего бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шипулин В. О. Биополитические технологии власти в эпоху цифры // Ученые записки НовГУ. 2023. № 3 (48). С. 255–260. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).255-260.
2. Смирнов С. А. Виртуальная реальность как превращенная форма // Философский журнал. 2023. Т. 16, № 1. С. 21–38. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Весь Мир, 2007.
5. Замчалова И. Ю. Искусственный интеллект: риски и перспективы культуры // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 5. С. 102–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-5-102.
6. Константинов Д. В. Искусственный интеллект: приближение антропологической катастрофы? // Вестн. Омского ун-та. 2024. Т. 29, № 4. С. 32–44. DOI: 10.24147/1812-3996.2024.4.32-44.
7. Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. Вып. 9. С. 7–26.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. Проект, 2009.
9. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 98–128.
10. Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 129–193.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Ad Marginem, 1997.
12. Хайдеггер М. Строительство. Жительство. Мышление / пер. Д. А. Колесниковой // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 1 (17). С. 157–173. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10011>.
13. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М.: Наука, 1993.
14. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
15. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2019.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
17. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999.
18. Поломошнов А. Ф., Молоканов А. А. Постмодернистская ревизия традиционной телесности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1. С. 40–46. DOI: 10.24158/fik.2023.1.5.
19. Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 149–162.
20. Разова Е. Л. Топология этоса: антропологическое прочтение феномена Дома // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 29–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-29-43.
21. Фуко М. История сексуальности. Т. IV. Признания плоти / пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.
22. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–565.
23. Чеснокова Л. В. Дом как «третья кожа»: локальные практики приватности // Вестн. Омского ун-та. 2023. Т. 28, № 4. С. 71–76. DOI: 10.24147/1812-3996.2023.28(4).71-76.
24. Шоркин А. Д. К истории пролиферации вещей // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2024. Т. 10, спец. вып. С. 154–166.

25. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 316–326.
26. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. А. Анваера. М.: АСТ, 2024.
27. Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015.
28. Разова Е. Л. Проблема определения понятия «этнос». Философский аспект // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 43–49. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-43-49.
29. Ионесов В. И. Веществование как исток: некоторые культурологические прояснения // Вестн. культуры и искусств. 2025. № 1 (81). С. 51–60.
30. Ионесов В. И. Предметный мир в диалоге человека и вещи: некоторые культурологические прояснения // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2024. № 4 (486). С. 12–22. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22.
31. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1 / сост. и вступ. ст. С. С. Хоружего. М.: Ренессанс, 1992.
32. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М.: Ad Marginem, 1995.
33. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства / пер. с фр. Н. В. Кислова и др. М.: РОССПЭН, 2004.
34. Юнг К. Г. Человек и его символы / пер. с англ. И. Н. Сенициной, С. Л. Удовика, В. В. Зеленского; общ. ред. и послесл. С. Н. Сеницина. М.: Серебряные нити, 2006.
35. Холл Э. Т. Скрытое измерение / пер. с англ. М. А. Руднева. М.: Прогресс, 1979.
36. Александер К., Исигава С., Силверстайн М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство / пер. с англ. И. Сыровой. М.: Студия Артемия Лебедева, 2014.
37. Моторина Л. Е. Человек как антропологическая целостность: методология исследования // Вестн. Финансового ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 44–49. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-4-44-49.
38. Ле Корбюзье. Архитектура XX века / пер. с фр. под ред. К. Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1977.
39. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015.
40. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012.
41. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester; NY: John Wiley & Sons, 1997.
42. Погребняк А. Рассеянность vs неуютность: о цифровой бездомности в связи с концепцией Шошаны Зубофф // Логос. 2024. Т. 34, № 6. С. 235–256. DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-235-256.
43. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ. Ш. А. Богиной и др. М.: Ладомир, 1999.
44. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. М.: АСТ, 1997.

Информация об авторе.

Разова Елена Леонидовна – кандидат философских наук (2004), доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, ул. Ожешко, д. 22, Гродно, 230023, Республика Беларусь. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, онтология, теория и история культуры.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.09.2025; принята после рецензирования 06.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.*

REFERENCES

1. Shhipulin, V.O. (2023), "Biopolitical Technologies of Power in the Digital Age", *Memoirs of Novgorod State Univ.*, no. 3 (48), pp. 255–260. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).255-260.
2. Smirnov, S.A. (2023), "Virtual Reality as a Transformed Form", *Philosophy J.*, vol. 16, no. 1, pp. 21–38. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38.

3. Baudrillard, J. (1999), *Le système des objets*, Transl. by Zenkin, S., Rudomino, Moscow, RUS.
4. Braudel, F. (2007), *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 1. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*, Ves' Mir, Moscow, RUS.
5. Zamchalova, I.Yu. (2023), "Artificial Intelligence: Risks and Perspectives for Culture", *Intellect. Innovation. Investments*, no. 5, pp. 102–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-5-102.
6. Konstantinov, D.V. (2024), "Artificial Intelligence: is Anthropological Catastrophe Coming?", *Herald of Omsk Univ.*, vol. 29, no. 4, pp. 32–44. DOI: 10.24147/1812-3996.2024.4.32-44.
7. Gagarin, A.S. (2009), "Phenomenological topic: meaning-of-life space existentials of human life", *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, iss. 9, pp. 7–26.
8. Husserl, E. (2009), *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch*, Transl. by Mikhailov, A.V., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
9. Scheler, M. (1994), "Der Mensch im Weltalter des Ausgleichs", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Transl. by Denezhkin, A.V., Malinkin, A.N. and Fillipov, A.F., in Denezhkin, A.V. (ed.), Gnozis, Moscow, RUS, pp. 98–128.
10. Scheler, M. (1994), "Die Stellung des Menschen im Kosmos", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Transl. by Denezhkin, A.V., Malinkin, A.N. and Fillipov, A.F., in Denezhkin, A.V. (ed.), Gnozis, Moscow, RUS, pp. 129–193.
11. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Ad Marginem, Moscow, RUS.
12. Heidegger, M. (2020), "Building, Dwelling, Thinking", Transl. by A. Kolesnikova, *J. of Frontier Studies*, no. 1 (17), pp. 157–173. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10011>.
13. Podoroga, V.A. (1993), *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoi kul'ture XIX–XX vv.* [Metaphysics of Landscape. Communicative Strategies in the Philosophical Culture of the 19th–20th Centuries], Nauka, Moscow, RUS.
14. Mamardashvili, M.K. (1990), *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy], Progress, Moscow, USSR.
15. Maslow, A.H. (2019), *Motivation and Personality*, 3rd ed., Transl., Piter, SPb., RUS.
16. Foucault, M. (1999), *Surveiller et punir. Naissance de la prison*, Transl. by Naumov, V., in Borisova, I. (ed.), Ad Marginem, Moscow, RUS.
17. Merleau-Ponty, M. (1999), *Phénoménologie de la perception*, Transl. by Vdovina, I.S. and Fokin, S.L. (ed.), Yuventa, Nauka, SPb., RUS.
18. Polomoshnov, A.F. and Molokanov, A.A. (2023), "Postmodernist Revision of Traditional Corporeality", *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 1, pp. 40–46. DOI: 10.24158/fik.2023.1.5.
19. Florenskii, P.A. (1993), "Organoprojection", *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought], Pedagogika-Press, Moscow, RUS, pp. 149–162.
20. Razava, A.L. (2023), "Topology of Ethos: Anthropology Study of the Phenomenon of Home", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 29–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-29-43.
21. Foucault, M. (2021), *Histoire de la sexualité, 4. Les aveux de la chair*, Transl., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
22. Bourdieu, P. (2004), "La Distinction. Critique sociale du jugement", *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: A Reader of Modern Classics], comp. and sci. ed. by Radaev, V.V., Transl. by Dobryakova, M.S. et al., ROSSPEN, Moscow, RUS, pp. 537–565.
23. Chesnokova, L.V. (2023), ""Home as a 'Third Skin': Local Privacy Practices"", *Herald of Omsk Univ.*, vol. 28, no. 4, pp. 71–76. DOI: 10.24147/1812-3996.2023.28(4).71-76.
24. Shorkin, A.D. (2024), "On the History of the Proliferation of Things", *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural studies*, vol. 10, special issue, pp. 154–166.

25. Heidegger, M. (1993), *"Das Ding", Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Respublika, Moscow, RUS, pp. 316–326.
26. Buber, M. (2024), *Ich und Du*, Transl. by Anvaer, A., AST, Moscow, RUS.
27. Harman, G. (2015), *The Quadruple Object*, Transl. by Morozov, A. and Myshkin, O., Gile Press, Perm, RUS.
28. Razava, E.L. (2023), *"The Problem of Defining the Concept of "Ethos". Philosophical Aspect"*, *Review of Omsk State Pedagogical Univ. Humanitarian Research*, no. 3 (40), pp. 43–49. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-43-49.
29. Ionesov, V.I. (2025), *"Rexistentia as an Origin: Some Culturological Clarifications"*, *Culture and Arts Herald*, no. 1 (81), pp. 51–60.
30. Ionesov, V.I. (2024), *"The Objective World in the Dialogue of Man and Thing: Some Culturological Clarifications"*, *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 4 (486), pp. 12–22. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22.
31. Karsavin, L.P. (1992), *Religiozno-filosofskie sochineniya. T. 1* [Religious and Philosophical Works. Vol. 1], Renessans, Moscow, RUS.
32. Podoroga, V.A. (1995), *Vyrazhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii* [Expression and Meaning. Landscape Worlds of Philosophy], Ad Marginem, Moscow, RUS.
33. Bachelard, G. (2004), *La Poétique de l'espace*, Transl. by Kislov, N.V. et al., ROSSPEN, Moscow, RUS.
34. Jung, C.G. (2006), *Der Mensch und seine Symbole*, Transl. by Sinitsina, I.N., Udovik, S.L. and Zelenskii, V.V., in Sinitsina, S.N. (ed.), *Serebryanye niti*, Moscow, RUS.
35. Hall, E.T. (1979), *The Hidden Dimension*, Transl. by Rudnev, M.A., Progress, Moscow, RUS.
36. Alexander, C., Ishikawa, S. and Silverstein, M. (2014), *A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction*, Transl. by Syrova, I., Studiia Artemiya Lebedeva, Moscow, RUS.
37. Motorina, L.E. (2018), *"A Man as Anthropological Integrity: Methodology of Research"*, *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial Univ.*, no. 4, pp. 44–49. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-4-44-49.
38. Le Corbusier (1977), *Vers une architecture*, Transl. by Topuridze, K., Progress, Moscow, USSR.
39. Baudrillard, J. (2015), *Simulacres et Simulation*, Transl. by Kachalov, A., POSTUM, Moscow, RUS.
40. Urry, J. (2012), *Mobilities*, Transl. by Lazarev, A.V., Praxis, Moscow, RUS.
41. Makimoto, T. and Manners, D. (1997), *Digital Nomad*, John Wiley & Sons, Chichester, NY, USA.
42. Pogrebnyak, A. (2024), *"Distraction vs Cosiness: on the digital homelessness in relation to the concept of Shoshana Zuboff"*, *Logos*, vol. 34, no. 6, pp. 235–256. DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-235-254.
43. Eliade, M. (1999), *Patterns in Comparative Religion*, Transl. by Bogina, Sh.A. et al., Ladomir, Moscow, RUS.
44. Campbell, J. (1997), *The Hero with a Thousand Faces*, Transl., AST, Moscow, RUS.

Information about the author.

Alena L. Razava – Can. Sci. (Philosophy, 2004), Associate Professor at the Department of Philosophy, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko str., Grodno 230023, Belarus. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, ontology, theory and history of culture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 29.09.2025; adopted after review 06.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-53-65>

Современные российские спортивные байопики как репрезентация селективного отношения к советскому прошлому

Кирилл Олегович Добронравов¹✉, Инга Евгеньевна Гончар²

^{1, 2}Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

¹✉kirilldobronravov07@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9663-8661>

²ingaomsk2000@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8262-3024>

Введение. Современные отечественные фильмы о спортивных достижениях СССР становятся важным инструментом конструирования коллективной памяти и национальной идентичности. Целью статьи является анализ репрезентации советского прошлого в этих кинолентах через призму стратегии селективного использования истории.

Методология и источники. В исследовании применяется междисциплинарный подход, сочетающий концепцию повествовательной формы исторической репрезентации Х. Уайта, теорию ретротопии З. Баумана и модель селективной актуализации советского прошлого, разработанную В. С. Авдониным и др. Источниковую базу составили фильмы «Легенда № 17», «Движение вверх», «Чемпион мира», «Мистер Нокаут» и «Роднина». Теоретической основой послужили работы О. Ю. Малиновой, М. Липовецкого, Т. Михайловой, А. А. Дупак и др. исследователей.

Результаты и обсуждение. Выявлено, что в анализируемых фильмах происходит деидеологизация советского прошлого и его трансформация во внеисторический «культурный код» воли к победе. Через оппозицию «свой-чужой» образы спортивных чиновников как «внутренних врагов» и нарратив «мирной войны» конструируется коллективная память, легитимирующая современное политическое противостояние. Показана эволюция этих стратегий от ранних к более поздним фильмам.

Заключение. Установлено, что российский кинематограф, выступая инструментом культурной политики, формирует ретротопический образ прошлого, который замещает неопределенное будущее и предлагает зрителю чувство исторической безопасности и национальной гордости, основанное на селективно отобранных и художественно переработанных спортивных достижениях СССР.

Ключевые слова: философия кино, российское спортивное кино, коллективная память, селективное использование, репрезентация

Для цитирования: Добронравов К. О., Гончар И. Е. Современные российские спортивные байопики как репрезентация селективного отношения к советскому прошлому // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 53–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-53-65.

© Добронравов К. О., Гончар И. Е., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Contemporary Russian Sports Biopics as a Representation of the Selective Attitude towards the Soviet Past

Kirill O. Dobronravov¹✉, Inga E. Gonchar²

^{1, 2}Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

¹✉kirilldobronravov07@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9663-8661>

²ingaomsk2000@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8262-3024>

Introduction. Contemporary Russian films about Soviet sports achievements are becoming an important tool for constructing collective memory and national identity. The aim of the article is to analyze the representation of the Soviet past in these films through the lens of the strategy of selective use of history.

Methodology and sources. The study employs an interdisciplinary approach, combining H. White's concept of the narrative form of historical representation, Z. Bauman's theory of retrotopia, and the model of selective actualization of the Soviet past developed by V.S. Avdonin et al. The source base includes the films "Legend No. 17", "Going Vertical", "World Champion", "Mr. Knockout", and "Rodnina". The theoretical framework is based on the works of O.Yu. Malinova, M. Lipovetsky, T. Mikhaylova, A.A. Dupak and other researchers.

Results and discussion. It is revealed that the analyzed films demonstrate the de-ideologization of the Soviet past and its transformation into a transhistorical "cultural code" of the will to win. Through the "us vs. them" opposition, the images of sports officials as "internal enemies" and the narrative of "peaceful war", a collective memory is constructed that legitimizes contemporary political confrontation. The evolution of these strategies from earlier to later films is shown.

Conclusion. It is established that Russian cinema, acting as an instrument of cultural policy, forms a retrotopian image of the past. This image replaces an uncertain future and offers the viewer a sense of historical security and national pride based on selectively chosen and artistically reinterpreted Soviet sports achievements.

Keywords: philosophy of cinema, Russian sports cinema, collective memory, selective use, representation

For citation: Dobronravov, K.O. and Gonchar, I.E. (2025), "Contemporary Russian Sports Biopics as a Representation of the Selective Attitude towards the Soviet Past", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 53–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-53-65 (Russia).

Введение. В последнее десятилетие в российском кинематографе все чаще снимаются фильмы о советских спортивных победах периода холодной войны. Эта тенденция связана со стремлением сформировать коллективный образ прошлого и национальную идентичность российского общества. После распада Союза возник кризис оснований, и население страны оказалось в состоянии «идеологического вакуума».

Однако такая устремленность к осмыслению прошлого на территории постсоветского общества отнюдь не уникальное явление. В своей работе «Ретротопия» британский социолог З. Бауман осмысляет ностальгию как «глобальную эпидемию» [1, с. 4], вписывая этот феномен культурной жизни в одну «из аффективных форм взаимодействия с "не-здесь"» [1, с. 3]. По его мнению, в современном мире «...ретротопии возникают одна за другой как представления об утопии, локализованной в потерянном/украденном/заброшенном, однако не умершем про-

шлом, вместо того чтобы осуществляться в еще не рожденном, а потому несуществующем будущем...» [1, с. 5]. В какой-то момент будущее перестало быть местом надежд и ожиданий, превратившись «в обитель кошмаров – страхов потерять работу вместе с прилагаемым к ней социальным положением» [1, с. 19]. Нестабильность в настоящем и туманные перспективы будущего формируют запрос на бегство. Подобно герою Ф. Кафки, наши современники готовы бежать куда угодно, «лишь бы прочь отсюда. Прочь отсюда, и все» [1, с. 37].

Когда официальные институты постепенно снимают с себя социальные обязательства, а атомизация общества продолжает нарастать, нам, по мнению З. Баумана, ничего не остается, кроме как грезить о прошлом. Кризис семьи, утрата привычного окружения, ускоренное моральное устаревание предметов, профессий и знаний, массовая миграция, а также накапливающийся страх перед технологиями подрывают надежды на будущее, усиливая интерес к прошлому. Такое прошлое, противопоставленное настоящему, идеализируется и становится в сознании людей местом подлинных человеческих качеств, солидарности и безопасности.

По мнению исследователей массовой культуры М. Липовецкого и Т. Михайловой, «в России ретротопии создают такую “когнитивную картографию” (Ф. Джеймисон), в которой надежное в своей завершенности прошлое замещает пугающее в своей непредсказуемости будущее» [2, с. 144]. Именно термин «когнитивная картография» Ф. Джеймисона позволяет говорить о кино со стороны общественной потребности в объяснительной конструкции, которая способна собрать сложную фрагментарную действительность в единую и целостную картину. Термин «когнитивная картография» понимается Джеймисоном как разметка, которую осуществляет субъект, пытаясь репрезентировать собственное положение в превосходящем вокруг социальном пространстве, т. е. наглядно разобраться в происходящем. Однако эта попытка всегда носит не полный характер и не может быть завершена в силу разворачивающегося характера социального настоящего.

Определяя идеологию в качестве «воображаемого отношения субъекта к реальным условиям его существования» [3], Луи Альтюссер имеет ввиду неспособность субъекта выбраться из искусственных идеологических конструкторов, которые создают воображаемое, т. е. неуязвимое для рефлексии пространство существования субъекта. При этом претензия субъективного взгляда на осмысление вечно ускользающего реального опирается также и на «систему соотношения своего статуса с позицией других (представителей иных социальных групп, других культур, граждан других государств)» [3]. Поэтому оппозиция «свой» и «чужой» становится ядром любой идеологической матрицы. «Они» часто выступают козлами отпущения, имманентной причиной распадов, разладов и кризисов. И несмотря на то, что субъект остается в пространстве воображаемого, он достигает психологической цели. Так, проиллюстрированная Джеймсоном когнитивная картография, связанная с теорией заговора, хоть и скрывается от репрезентации, но объясняет происходящее. Такие когнитивные картографии, построенные по принципу ретротопий, «обеспечивают зрителя комфортным чувством исторической безопасности» [2, с. 144], при этом легитимизируя современное положение дел в государстве и обществе.

По меткому выражению О. Ю. Малиновой, сегодня можно говорить о конкуренции режимов памяти между соперничающими на международной арене странами [4, с. 31]. Победа в спортивных соревнованиях, военных действиях, дипломатических интригах и науч-

ных открытиях становится излюбленной темой в кино, телевизионных сюжетах и non-fiction литературе. Однако именно образ спортивного противостояния в силу состязательной природы спорта оказывается занимательным предметом для анализа.

Исторически англоязычный термин sport происходит от французского desport и латинского disportus, что переводится не иначе как «развлечение» или «зрелище» [5]. Спорт является исторической формой состязания, о его агональном характере, который «по-прежнему правит миром», нидерландский философ Йохан Хейзинга написал: «В случае спорта – это игра, все более жесткая в своей растущей серьезности, но при этом все так же считающаяся игрою; в другом случае – серьезное занятие, вырождающееся в игру, но продолжающееся считаться серьезным» [6, с. 276]. Став функцией достижения общности, спорт начал расширять поле своего влияния за пределы спортивной арены.

Помимо состязаний за пьедестал почета в отечественных кинолентах спортивные победы несут в себе и военный дискурс: спортивная арена превращается в поле для «мирной войны», «спорт политизируется, становится еще одной площадкой соперничества стран» [7, с. 393], а жанр «байопика» – фильма-биографии, основанного на реальных событиях, придает кинолентам «образ транслятора достоверной истории» [8, с. 129].

В политическом дискурсе России отношение к советскому наследию менялось: авторы монографии «Советское прошлое в политической риторике современной России» выделяют «три стратегии презентации советского прошлого в дискурсе российской власти: *Ельцинское десятилетие* – как дискурсивную макростратегию «*борьбы*» властных акторов с советским прошлым; *первое путинское* и *медведевское десятилетие* – как макростратегию «*отдаления*» советского прошлого и второе *путинское десятилетие* (с 2012 г.) – как макростратегию его «*селективной актуализации*» [9, с. 52]. Кино, посвященное победам советского спорта, сегодня транслирует обозначенную стратегию «*селективной актуализации*». Кроме того, как отмечала Л. Н. Мазур, «кинематограф играет особую роль в процессе формирования и конструирования исторической памяти, создавая “живые” образы, приобщая зрителей к тому, что происходит на экране, как свидетелей и очевидцев» [10, с. 253]. Благодаря тому, что спорт характеризуется накалом до последней секунды игры, пока не определится победитель, по аналогии с решающей битвой или дуэлью он традиционно собирает большое количество зрителей. Создатели фильмов о спорте сохраняют драматизм борьбы, создавая сильный эмоциональный эффект напряжения, который публика невольно переживает. За счет этого транслируемая история становится частью опыта и биографии зрителя, каждый становится сопричастным увиденной истории. Исследуя картины этого жанра о достижениях советских спортсменов, можно проследить, как сконструировано и транслируется «прошлое» и проявляется отношение к нему через транслируемую идейно-образную систему.

Методология и источники. Стратегия селективного отношения к советскому прошлому в кинолентах анализируется с опорой на идею «ретротопии» З. Баумана, семиотический подход Р. Барта, анализ дискурсивных практик М. Фуко, критический дискурс-анализ Т. ван Дейка, концепцию конкуренции режимов памяти О. Ю. Малиновой, формы исторической репрезентации Х. Уайта, а также периодизацию презентации советского прошлого в дискурсе российской власти и его стратегии селективной актуализации, предложенную В. С. Авдониным, А. Ю. Долговым, Д. В. Ефременко, Ю. Г. Коргунюком, Е. Ю. Мелешки-

ной, О. А. Толпыгиной, И. В. Фоминым. Теория ретротопии З. Баумана оформила концептуальную рамку в работе с отечественным кино, снятым по мотивам реальных событий, а нарративные и символические стратегии в рамках формирования и фильтрации образа «Своего» в оппозиции с образом «Иного», «Большого Другого», «Чужого» выступили как способы функционирования дискурса власти М. Фуко. Источником для анализа выступила фильмография картин отечественного кинематографа последних 10 лет, снятых «по мотивам реальных событий» периода холодной войны при поддержке Фонда кино и Министерства культуры РФ: «Легенда № 17» (Н. Лебедев), «Движение вверх» (А. Мегердичев), «Чемпион мира» (А. Сидоров), «Мистер Нокаут» (А. Михалков) и «Роднина» (К. Статский).

Эта тема исследования представляет интерес для широкого круга ученых. Такие авторы, как А. А. Дупак [7], Е. М. Исаев, И. В. Пожидаева [8], А. Апостолов [11; 12], А. И. Туманов [13; 14], В. М. Липицкая [15], Е. Бояршинова [16], Н. Я. Головецкий, А. Ю. Половиткин, А. И. Туманов [17], В. Е. Анисимов, Э. В. Гафиятова, Е. Д. Калининкова [18] и другие также анализировали современные российские спортивные драмы с точки зрения репрезентации советского прошлого. Однако в существующих исследованиях киноленты рассматриваются недостаточно полно с позиции концепции репрезентации селективного прошлого, а фильмы, вышедшие после 2020 г., в некоторых работах вовсе не представлены. Интересно проследить, произошли ли изменения в транслируемом нарративе современных кинолент за последние пять лет по сравнению с предыдущими изученными работами: «Легендой № 17» и «Движением вверх». В своем анализе, следуя за Е. М. Исаевым и И. В. Пожидаевым, мы опираемся на концепцию повествовательной формы исторической репрезентации Х. Уайта [8]. Спортивные драмы мы рассматриваем как способ взглянуть на то, как репрезентируются исторические события советского прошлого в современной российской действительности.

Результаты и обсуждение. Фильмы, взятые для анализа, были сняты при поддержке «Фонда кино» и Министерства культуры, некоторые из них имеют кассовый успех, что объясняется в том числе ностальгией зрителя по советскому прошлому – запрос на фильмы об ушедшем прошлом все еще существует и не теряет своей актуальности. Несмотря на то, что СССР распался более 30 лет назад, наследие Союза сохранилось и живет в социокультурном пространстве, а его ценности до сих пор переживаются людьми. Кроме того, «фильмы о спортивных подвигах советского прошлого становятся источником гордости за общее национальное прошлое и вызывают чувство патриотизма у зрителей, когда современная обстановка не позволяет в полной мере достигать высот в большом спорте» [17].

Спортивные истории, анализируемые нами, основаны на реальных событиях 1960–80-х гг.: ледовое противостояние «Суперсерия СССР – Канада» 1972 г. («Легенда № 17»), баскетбольная битва на Олимпиаде в Мюнхене 1972 г. («Движение вверх»), шахматный поединок 1978 г. на чемпионате мира («Чемпион мира»), путь становления на боксерском ринге и Олимпиада в Токио 1964 г. («Мистер Нокаут»), спортивное упорство и ледовое побоище на зимней Олимпиаде 1980 г. в США («Роднина»).

Перечисленные фильмы не претендуют на полную достоверность, хотя в начале всегда заявляется, что они основаны на реальных событиях. Сам жанр «байопика» или «патриотического блокбастера» [13], стал активно осваиваться с 2000-х гг., на жанровых моделях зарубежного кино [19, с. 544]. Во всех кинолентах за основу берется «классическая нарратив-

ная схема голливудского кино» [7, с. 392]: нам представлен сложный путь становления героя, который преодолевает трудности, межличностные конфликты, взаимодействует с обществом и государством и в конце, несмотря ни на что, добивается триумфа и становится победителем и героем. В истории спортсменов выделяется фрагмент, наиболее удобный для построения сюжета, что укладывается в концепцию селективного отношения к прошлому. Какие-либо факты биографии и истории вовсе игнорируются либо хронологически и содержательно меняются в угоду транслируемого нарратива и концепции фильма.

Так, например, главные противостояния в фильмах «Мистер Нокаут» и «Роднина» перерастают в экшен: бой за золото на Олимпиаде в Токио 1964 г. превращается в тяжелую схватку, где Валерий Попенченко (Виктор Хориняк) из последних сил сражается за победу, однако на самом деле противник был повержен в первые минуты. В «Родниной» стандартная предстартовая разминка на зимней Олимпиаде 1980 г. в США становится ледовым побоищем – баттлом между советскими и американскими спортсменами. На самом деле такого быть не могло: на льду одновременно разминаются спортсмены из разных стран, а спортивные правила строго регламентированы.

Последние фильмы («Чемпион мира», «Мистер Нокаут» и «Роднина») продолжают нарративную линию их предшественников («Легенда № 17», «Движение вверх»). Она выстроена вокруг дихотомии «свой–чужой» – борьбы между социалистическим и капиталистическим лагерем, а также конструктом деидеологизации советского прошлого и его селективной репрезентации. В ход идут специальные художественные приемы:

– *объективизация, акцент на внешности противника, «использование анималистской метафоры»* [11, с. 171]: в «Легенде № 17» канадцы ассоциируются со стаей быков в корриде через ретроспективу детских воспоминаний Валерия Харламова (Данила Козловский). У зрителя возникает чувство, что противник подобен агрессивным животным, которые готовы убить человека. Виктор Корчной (Константин Хабенский) в «Чемпионе мира» одет ярко, нестандартно и вызывающе в противовес сдержанному стилю Анатолия Карпова (Иван Янковский). В «Родниной» американские фигуристы и их тренер постоянно жуют жвачку, подобно жвачным животным. Зрителю демонстрируется образ «чужого», противника с избирательной стереотипностью;

– *дегуманизация противников и болельщиков, непрофессиональное поведение СМИ, создание тяжелой психологической атмосферы*: канадский журналист клятвою дает обещание на пресс-конференции «съесть вечерний выпуск своей газеты в случае победы Советов» («Легенда № 17»); Корчной приносит на турнир счетчик Гейгера, обвиняет Карпова в нечестной игре, подбрасывает змею в его номер в отеле («Чемпион мира»); в «Родниной» соперницы подкидывают стекло в коньки, обосновывая этот поступок вводом войск СССР в Чехословакию, болельщики с трибун освистывают пару советских фигуристов на чемпионате Европы, та же ситуация происходит и на зимней Олимпиаде 1980 г. в Америке, где болельщики освистывают советских спортсменов, держат плакаты с надписями «USSR, go home», но уже из-за ввода войск СССР в Афганистан. При этом в «Мистере Нокауте» на Олимпиаде 1964 г. подобных ситуаций нет, за исключением небольшого конфликта в Польше, произошедшего в телефонных кабинках, когда поляки посмеялись над Валерием (Виктор Хориняк), так как он – русский и попросил их не шуметь;

– *апеллирование к пропагандистскими штампам по отношению к СССР и его идеологизированная оценка*: Союз воспринимается через призму стереотипов о жестоком, тотали-

тарном государстве, в то время как противник представлен более объективно, без идеологических штампов: во время встречи Анатолия Карпова и Роберта Фишера (Пекка Странг), американский шахматист говорит Анатолию, что «если в СССР узнают о наших переговорах, тебя отправят в ГУЛАГ». Встреча гражданина СССР «не со своим» воспринималась со стороны соперника как тяжкое преступление, зрителю транслируется жесткость мышления в противовес адекватному восприятию «других» советскими спортсменами. Однако ни в «Мистере Нокауте», ни в «Родниной» этого уже нет;

– *трансгуманизм, технологическое и техническое превосходство стран западного блока*: это представлено наличием современного медицинского оборудования, препаратов и изделий (эффективные обезболивающие в «Легенде № 17» и «Движении вверх», контактные линзы и прогрессивная медицина в «Движении вверх»), новыми методами тренировок и прогрессивным обеспечением западных спортсменов. Бездушные технологии противника противопоставляются духу отечественной команды. В ранних фильмах конструируется образ технологически отсталого СССР по сравнению с передовыми западными странами. Однако уже в последних работах, как «Чемпион мира», «Мистер Нокаут» и «Роднина», образ отстающего СССР не прослеживается в связи с утверждением новых положений и обновления стратегии проводимой государством культурной политики, где отмечена одна из важных задач – «защита исторической правды и сохранение исторической памяти Российского государства» [20]. Таким образом, этот прием больше не использовался авторами в последних картинах по сравнению с «Легендой № 17» и «Движением вверх»;

– *конструирование образа внутреннего врага*, в том числе его репрезентация через собирательный образ чиновника как олицетворение советской диктатуры и бесчеловечности режима. Он совершает подлости, угрожает или вовсе не желает из-за трусости и страха наказания за проигрыш, чтобы спортсмен участвовал в соревнованиях. Ярким примером является угроза генсека СССР Леонида Ильича Брежнева (Александр Филиппенко) в фильме «Чемпион мира» «отпустить на дно» Анатолия Карпова и председателя Спорткомитета СССР в случае проигрыша. Люди, действующие от лица советской идеологии, демонстрируют концепт деидеологизации, который прослеживается во всех рассматриваемых картинах.

Все анализируемые спортивные фильмы эксплуатируют модель военного противостояния. Как отмечает Е. М. Исаев и И. В. Пожидаева – «спортивное соревнование есть не что иное, как метафора войны» [8, с. 134] с «чужими», говорящими на другом языке, являющимися носителями другой культуры. А. А. Дупак, исследуя образ советского человека в современном российском кино, разделяет ключевых персонажей фильмов, в том числе и о спортивных достижениях, на 3 группы: герои, оппоненты и помощники, и именно «оппоненты рассматривают все происходящие события в контексте холодной войны. Именно они являются носителями военного дискурса: все события воспринимаются ими в рамках политического противостояния СССР с другим странами» [7, с. 393]. Однако в «Мистере Нокауте» уже открыто и прямо заявляется, что «спорт – это тоже война», а руки боксера – это «наши ракеты и танки» (реплика тренера Григория Кусикьянца). Здесь происходит трансформация: носителем военного дискурса являются не чиновники, а сам тренер, мыслящий спорт как поле боя. События фильма ушли не так далеко от окончания Великой Отечественной войны, тренер на ней воевал, герой Валерий Попенченко потерял на войне отца. Глав-

ные соперники Валерия – немцы, а после победы Валерия на чемпионате Германии в ФРГ зрителю демонстрируются кадры со следующими заголовками газет: «Немцы проиграли как в 1945». Сюжет истории строится на еще не заживших ранах от войны и попытках доказать миру, что СССР – лидер и эту позицию он сдавать не будет.

Анализируя нарративные изменения, нужно отметить, что среди исследуемых фильмов «Роднина» – первое кино, где главный герой – женщина. Ее партнеры представлены достаточно поверхностно, особенно Александр Зайцев. При этом тренер Вячеслав Жуков является важной фигурой в формировании спортсменки и на протяжении всего фильма он играет значимую роль для нее. Во всех предшествующих кинолентах главный герой всегда был мужчиной, женщины же имели второстепенную роль девушки, жены или матери. Так «современное российское кино наделяло мужчину преимущественно социально значимыми ролями, а женщину – семейными» [7, с. 394]. Отмеченный в исследовании А. А. Дупак консервативный поворот гендерной политики России нарушается, однако до конца не ясно, продолжится ли этот путь или это исключение из правил.

Также резкий поворот по сравнению со всеми фильмами происходит в обосновании мотивации героя Валерия Попенченко (Виктор Хориняк): завоевывать спортивные медали, он желает этого вовсе не ради Родины, а ради его возлюбленной Тани: «Так что все эти победы, медальки для нее». При этом в самом последнем фильме «Роднина» стимул побеждать ради Родины вновь возвращается. Это ярко иллюстрирует диалог с Ирой во время тренировки: «Ира, ты несешься вперед сломя голову, как будто на защиту Родины!» – «Именно так!».

Возвращаясь к концепции селективного использования советского прошлого, нужно сказать, что, начиная с 2012 г., как раз перед выходом первого спортивного байопика «Легенда № 17», в политическом дискурсе России было обозначено более активное дифференцированное его использование. Исключив из него идеологическую коннотацию, был поставлен акцент на духовных качествах народа, на его национальном характере и коде, присущем ему на протяжении всей истории России, а не только периода СССР. Произошла идейная перекодировка советского прошлого [9, с. 63–64, 72, 75]. Это дополнительно иллюстрирует вышедший 09.11.2022 Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [21], где подчеркивается, что традиционные ценности русского народа являются нравственным ориентиром, формирующим мировоззрение граждан России, влияют на жизнь и творчество выдающихся людей в нашей стране и «находят свое самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [21]. Таким образом, историческое развитие понимается как пространство реализации традиционных ценностей, которые становятся метафизическим ядром Российского общества.

Как отмечал М. Фуко, «производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур» [22, с. 51]. Одна из процедур контроля – «исключение», которое может содержать в себе «разделение и отбрасывание» [22, с. 51–52]. Отрицательная трактовка советской идеологии в кинолентах подчиняется идее исключения идеологической коннотации в политическом дискурсе, который транслируют киноленты. Поведение и поступки главных героев зиждятся не на основе ценностей советской идеологии, а на внутренней мотивации победить соперника, которая не зависит от идеологии. Это наглядно отражается, как было ранее отмечено, в сформированном

неагативном образе спортивных бюрократов, символизирующих советскую идеологию: трусость, костность, подлость, угрозы. В «Легенде № 17», «Движении вверх», «Чемпионе мира» это представлено еще умеренно, однако в «Мистере Нокауте» отрицательный образ чиновников доведен до высшей степени, с которыми открыто конфликтует тренер Косикьянц (Сергей Безруков) из-за недопуска Валерия Попенченко на чемпионат ФРГ: «Что ты сказал, тварь? Я уже был там на танке, когда ты, сопля зеленая, под себя ходил и титьку мамкину сосал... Враги народа, гнилье!». Безликие чиновники от фильма к фильму олицетворяют бесчеловечную бюрократическую советскую систему, которая препятствует духу героев совершать победы. При этом в «Родниной» можно проследить деградацию образа спортивного чиновника: герой Марата Башарова, хоть и проявляет трусость и нерешительность в решающие для спортсменов моменты, все же он почти не препятствует им.

Одной из угроз, отмеченной в «Основах государственной культурной политики», является «подрыв культурного суверенитета РФ, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей со стороны недружественных государств и организаций». Кинематограф как инструмент реализации культурной политики предотвращает эти угрозы и формирует духовность как способ противостояния им через образы и истории спортсменов. Спортивное преимущество становится формой конкуренции за обладание статусом доминирующей сверхдержавы.

Выбрав один шаблон конструкции сюжета, спортивные фильмы идут намеченным путем выборочной репрезентации прошлого, чтобы сформировать за более чем 10 лет устойчивый образ «своих» и «чужих», однозначный образ героя и деидеологизированное советское прошлое. При этом зачастую герои и истории поданы картонно и однобоко, игнорируются более глубокие рассуждения на спорные вопросы, они затрагиваются лишь поверхностно. Абстрактное заявление обыграть непобедимого противника в начале фильма становится лейтмотивом. Как отмечает Липицкая, в данном жанре фильмов формирование личности советских спортсменов полностью находится вне контекста идеологии, однако «бытие советского человека – это всегда со-бытие с эпохой» [15, с. 436], и его ценности строились на ценностях, декларируемых советской системой. И все же задача победить соперника во всех картинах является в большей степени внутренней мотивацией героев и спортивных тренеров. Это представлено как то, что присуще спортсменам изначально, независимо от условий воспитания личности в рамках советских ценностей: прослеживаются личные стимулы, например, получить разрешение на лечение сына за границей («Движении вверх»). Так «невидимое в советской культуре репрезентируется как прототип будущего – т. е. постсоветского сегодняшнего, настоящего» [2, с. 128] с исключительно семейными и личными интересами. Слабо проявляется и идеологическое обоснование побеждать, это упоминается вскользь. В «Движении вверх» лишь мимолетно транслируется идейная оппозиция, которая практически не обосновывается на протяжении всего фильма: «Победы советского спорта есть победы во имя добра и мира во всем мире!» против «Мы играем не только за золото, мы играем за весь свободный мир, за ценности демократии». В последующих фильмах похожие идейные оппозиции и вовсе отсутствуют.

Несмотря на интерес публики к жанру байопика, стоит отметить, что зрительская аудитория утомилась патетическими спортивными драмами, о чем свидетельствуют падающие кассовые сборы. Особенно выделился последний фильм «Роднина» (2025 г.), который потерпел провал в прокате: при бюджете в 425 млн руб. он собрал около 200 млн руб., даже не

самоокупившись [23]. А. И. Туманов также отмечает, что падению интереса способствовала несовершенная система государственных субсидий: «кинематографисты с целью гарантированно получить поддержку сами себя ограничивают в выборе тематики и обращаются преимущественно к комедиям или патриотическим блокбастерам» [14, с. 138], в результате чего снимаются однотипные фильмы, сюжет которых построен по уже выверенному шаблону.

Заключение. В проанализированных нами фильмах выводы, сделанные упомянутыми выше исследователями, продолжают развиваться в современных кинолентах, однако элемент «мирной войны» и военный дискурс обостряется в «Мистере Нокауте». Впервые меняется пол главного героя – им становится фигуристка Ирина Роднина. При этом отношения «свой-чужой» постепенно меняются в сторону упрощения и сведения их к плоскому образу (как пример, американская пара фигуристов в «Родниной»). Акцент на «своих» смазан, и мотивация героев побеждать меняется и получает большой разброс: от «кольца с бриллиантом ради любимой» в «Мистере Нокауте» до абстрактного патриотизма в «Родниной», где зрителю вовсе не демонстрируют, почему же ценности «наших» лучше «чужих».

Стратегия селективного использования советского прошлого продолжает использоваться, однако можно сказать, что после «Чемпиона мира» в «Мистере Нокауте» и «Родниной» она теряет единый концепт, демонстрируемый в предшествующих картинах, что можно объяснить тем, что к съемкам картин подошли другие авторы. В целом зрителю преподносится превосходство отечественных ценностей над западными, которое имеет внеисторический характер, однако репрезентация этой идеи становится все более плоской и односторонней.

Стоит обратить внимание также и на соотношение исторического комментария к событиям, о которых повествуют рассмотренные фильмы. Как правило, авторы ограничиваются небольшими вставками о дальнейшей судьбе героев или набором фактов из истории спорта, а также комментарием к месту и времени происходящих в фильме событий. Такой текст ведет зрителя по хронологии истории, создавая иллюзию документальности, в связи с чем закрепляет смысл за образным рядом. Нейтральность белых букв на черном фоне контрастирует с излишне эмоционально-насыщенной хроникой, что образует объективность и правдоподобность событий на экране. Такую же роль играют вставки из аудио-, фото- и видеохроник того периода, которые мы видим или слышим вместе с современниками событий.

Более выраженное изменение происходит в фильмах «Мистер Нокаут» и «Роднина»: в конце авторы используют музыку гимна СССР к последним кадрам с хроникой (гимна России). Этот художественный прием создает ощущение в преемственности проблем: сегодня происходят те же самые события, по-прежнему существуют «свои» и «чужие», и наши спортсмены продолжают упорно бороться на своем «поле боя» за ценности, отстаиваемые народом и страной.

В кинолентах, проанализированных нами, конструирование коллективной памяти через обращение к достижениям советского прошлого является доминирующим на этапе «селективного использования» истории. Кинематограф становится инструментом культурной политики по формированию национальной идентичности. Он не только конструирует в коллективной памяти понятный образ прошлого, но и легитимизирует продолжающееся противостояние «своих» и «чужих», формируя образ России, которая способна победить даже превосходящего по силам и технологиям противника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019.
2. Липовецкий М., Михайлова Т. Больше чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127–147.
3. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / пер. с фр. С. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/ (дата обращения: 24.10.2024).
4. Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2020. С. 26–39.
5. Мельников С. Античный «спорт» // Логос. 2013. № 5 (95). С. 159–170.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
7. Дупак А. А. Образ советского человека в российском кино: социологический анализ // Вестн. СПбГУ. Социология. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 385–402. DOI: 10.21638/spbu12.2019.406.
8. Исаев Е. М., Пожидаева И. В. Популярная история в современной России: мифы, образы и представления о прошлом в спортивном историческом фильме // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Т. 11, № 4. С. 128–136.
9. Советское прошлое в политической риторике современной России / В. С. Авдонин и др. / под ред. Ю. Г. Коргунюка, Е. Ю. Мелешкиной. М.: ИНИОН РАН, 2024.
10. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
11. Апостолов А. Враг у ворот. Советский вратарь: кино, культура, политика // Логос. 2014. № 5 (101). С. 163–192.
12. Апостолов А. Пассивная пассионарность. Зритель и медиа в отечественных фильмах о хоккее // Логос. 2014. № 6 (102). С. 149–178.
13. Туманов А. И. Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 3. С. 35–49. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.4.
14. Туманов А. И. Социально-политические особенности и перспективы становления российского кинематографа в призме отечественного и мирового опыта киноиндустрии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 137–151. DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.10.
15. Липицкая В. М. Советский спор(т): попытки гальванизации эйдосов в нововременных кинокартинах о выдающихся советских спортсменах // Идеи и идеалы. 2024. Т. 16, № 2, ч. 2. С. 430–440. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.2-430-440.
16. Бояршинова Е. Хоккей против футбола // Логос. 2013. № 5 (95). С. 274–281.
17. Головецкий Н. Я., Половиткин А. Ю., Туманов А. И. Экономическое и политическое значение спортивного кино в киноиндустрии страны // Вестн. евразийской науки. 2023. Т. 15, № 1. URL: <https://esj.today/PDF/14ECVN123.pdf> (дата обращения: 31.05.2025).
18. Анисимов В. Е., Гафиятова Э. В., Калинникова Е. Д. Реализация идеи патриотизма в кинодискурсе на примере российского патриотического кино // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 96–124. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-96-124.
19. Познин В. Ф. Становление российского жанрового кино в начале XXI в. // Вестн. СПбГУ. Искусствоведение. 2023. Т. 13, № 3. С. 535–556. DOI: 10.21638/spbu15.2023.308.
20. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001> (дата обращения: 31.05.2025).
21. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (дата обращения: 31.05.2025).

22. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.

23. Фильм «Роднина». 2025 // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/5089019/box/> (дата обращения: 31.05.2025).

Информация об авторах.

Добронравов Кирилл Олегович – кандидат философских наук (2023), доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, ул. Красный путь, д. 36, Омск, 644072, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия искусства, культурно-философская антропология, исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры.

Гончар Инга Евгеньевна – студентка (4-й курс) кафедры театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, ул. Красный путь, д. 36, Омск, 644072, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: ценностные ориентации современной российской молодежи, влияние глобализации на культуру и идентичность, исследование кино в контексте общих закономерностей существования культуры.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.10.2025; принята после рецензирования 25.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2019), *Retrotopia*, Transl. by Silaeva, V.L., VCIOM, Moscow, RUS.
2. Lipovetsky, M. and Mikhaylova, T. (2021), "More than Nostalgia: Late Socialism in TV Series of the 2010s)", *New Literary Observer*, no. 3, pp. 127–147.
3. Althusser, L. (2011), "Idéologie et appareils idéologiques d'Etat", Transl. by Ryndin, S., *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3 (77), available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/ (accessed 24.10.2024).
4. Malinova, O.Yu. (2020), "Memory regime as a tool of analysis: problems of conceptualization", *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [Memory Politics in Modern Russia and Eastern European Countries. Actors, institutions, narratives], in Miller, A.I. and Efremenko, D.V. (eds.), *Izd-vo Evropeiskogo un-ta v SPb., SPb., RUS*, pp. 26–39.
5. Melnikov, S. (2013), ""Sport" in Antiquity", *Logos*, no. 5 (95), pp. 159–170.
6. Huizinga, J. (2011), *Homo Ludens*, Transl. by Sil'vestrov, D.V., *Izd-vo Ivana Limbakha, SPb., RUS*.
7. Dupak, A.A. (2019), "The image of the Soviet man in Russian films: a sociological analysis", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Sociology*, vol. 12, iss. 4, pp. 385–402. DOI: 10.21638/spbu12.2019.406.
8. Isaev, E.M. and Pozhidaeva, I.V. (2016), "Popular History in Modern Russia: Myths, Images and Ideas of the Past in Sports Historical Film", *Humanitarian Vector. Ser. Philosophy. Cultural Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 128–136.
9. Avdonin, V.S. et al. (2024), *Sovetskoe proshloe v politicheskoi ritorike sovremennoi Rossii* [The Soviet Past in the Political Rhetoric of Modern Russia], in Korgunyuk, Yu.G. and Meleshkina, E.Yu. (eds.), *INION RAN, Moscow, RUS*.
10. Mazur, L.N. (2013), "The image of the past: historical memory formation", *Izvestia. Ural Federal Univ. J. Ser. 2. Humanities and Arts*, no. 3 (117), pp. 243–256.
11. Apostolov, A. (2014), "Enemy at the Gates. Soviet Goalkeeper: Cinema, Culture, Politics", *Logos*, no. 5 (101), pp. 163–192.
12. Apostolov, A. (2014), "Passive Passionarity: the Spectator and the Media in Russian Movies on Hockey", *Logos*, no. 6 (102), pp. 149–178.

13. Tumanov, A.I. (2021), "Role of National Cinema in the Formation of National Identity", *Science. Culture. Society*, vol. 27, no. 3, pp. 35–49. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.4.
14. Tumanov, A.I. (2022), "Socio-political features and prospects of the formation of Russian cinema in the prism of domestic and world experience of the film industry", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, vol. 28, no. 3, pp. 137–151. DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.10.
15. Lipitskaya, V.M. (2024), "Soviet Sport: Attempts of Galvanizing Eidos in Modern Films about Outstanding Soviet Athletes", *Ideas and Ideals*, vol. 16, iss. 2, pt. 2, pp. 430–440. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.2-430-440.
16. Boyarshinova, E. (2013), "Hockey vs Soccer", *Logos*, no. 5 (95), pp. 274–281.
17. Goloveckij, N.Ja., Polovitkin, A.Yu., and Tumanov, A.I. (2023), "Economic and political significance of sports cinema in the country's film industry", *The Eurasian Scientific J.*, vol. 15, no. 1, available at: <https://esj.today/PDF/14ECVN123.pdf> (accessed 31.05.2025).
18. Anisimov, V.E., Gafiyatova, E.V. and Kalinnikova, E.D. (2022), "Realization of the Patriotism Idea in Film Discourse Based on Russian Patriotic Cinema", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 1, pp. 96–124. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-96-124.
19. Poznin, V.F. (2023), "The Formation of Russian Genre Cinema at the Beginning of the 21st Century", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Arts*, vol. 13, no. 3, pp. 535–556. DOI: 10.21638/spbu15.2023.308.
20. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.02.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" (2021), *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official internet portal of legal information], available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001> (accessed 31.05.2025).
21. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" (2022), *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official internet portal of legal information], available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (accessed 31.05.2025).
22. Foucault, M. (1996), "L'ordre Du Discours", *Volya k istine: po tu storonu vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Power, Sexuality. Works of different years], Transl. by Tabachnikova, S., Kastal, Moscow, RUS, pp. 47–96.
23. Film "Rodnina" (2025), *KinoPoisk*, available at: <https://www.kinopoisk.ru/film/5089019/box/> (accessed 31.05.2025).

Information about the authors.

Kirill O. Dobronravov – Can. Sci. (Philosophy, 2023), Associate Professor at the Department of Theater Art and Sociocultural Processes, Dostoevsky Omsk State University, 36 Krasny Put str., Omsk 644072, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: philosophy of art, cultural-philosophical anthropology, study of specific cultural phenomena in the context of the general laws of the existence of culture.

Inga E. Gonchar – Student (4th year) at the Department of Theater Art and Sociocultural Processes, Dostoevsky Omsk State University, 36 Krasny Put str., Omsk 644072, Russia. The author of more than 10 scientific publications. Area of expertise: the value orientations of modern Russian youth, the impact of globalization on culture and identity, the study of cinema in the context of the general patterns of cultural existence.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.10.2025; adopted after review 25.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.334.3

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-66-76>

Социальные функции религиозных институтов в современной городской среде: опыт России и Китая

Павел Петрович Дерюгин^{1✉}, Вэй Линде²

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²weilingdie214@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-1282-8804>

Введение. В городской среде религиозные общины остаются важными участниками социальной жизни. Они создают атмосферу сопричастности, заботы и формируют нравственные ориентиры жителей. В статье исследуется интегрированность религиозных институтов в ткань мегаполисов Москвы и Шанхая и выполняемые ими социальные функции в условиях цифровизации, индивидуализации и фрагментации городского опыта. Цель работы – выявление механизмов адаптации религиозных организаций к урбанистическим вызовам. Научная новизна заключается в сравнительном анализе религиозной активности в двух разных культурно-политических контекстах.

Методология и источники. Методологическая рамка включает концепции Э. Дюркгейма, Р. Беллаха, Р. Чиприани и П. Бергера, позволяющие рассматривать религию не только как институт, но и как пространство духовного и эмоционального сопереживания. Эмпирическая база основана на анализе нормативных актов, приходских отчетов и социологических публикаций за 2018–2023 гг.

Результаты и обсуждение. Показано, что религиозные организации реализуют три ключевые функции: поддержку уязвимых (через помощь, обучение, сопровождение), социальную интеграцию (через культурные события, добровольчество, образовательные практики) и регуляцию поведения (через распространение этических норм и символов предсказуемости). Эти функции не всегда выражены очевидно, но часто проявляются в простых действиях – раздаче еды, тихой молитве, совместном труде.

Заключение. В обоих городах религия действует как живой посредник между личным и общественным. Она помогает сохранять формы близости, которые становятся все более редкими в городском шуме. Именно это повседневное присутствие и делает религиозные институты устойчивыми акторами в современном мегаполисе.

Ключевые слова: религиозные организации, городская жизнь, нравственные ориентиры, социальная поддержка, культурное посредничество, урбанизация

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01448 «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае»).

© Дерюгин П. П., Вэй Линде, 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Дерюгин П. П., Вэй Линде. Социальные функции религиозных институтов в современной городской среде: опыт России и Китая // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 66–76. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-66-76

Original paper

Social Functions of Religious Institutions in the Contemporary Urban Environment: the Experience of Russia and China

Pavel P. Deriugin¹✉, Wei Linde²

¹*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

^{1, 2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²weilingdie214@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-1282-8804>

Introduction. In urban settings, religious communities remain significant actors in social life. They foster a sense of belonging, offer moral guidance, and create spaces of care and solidarity. This article explores how religious institutions are integrated into the fabric of metropolitan life in Moscow and Shanghai, and what social functions they perform under the conditions of digitalization, individualization, and fragmentation of urban experience. The aim of the study is to identify mechanisms through which religious organizations adapt to contemporary urban challenges. The scientific novelty lies in the comparative analysis of religious activity across two distinct cultural and political contexts.

Methodology and sources. The theoretical framework draws on the works of É. Durkheim, R. Bellah, R. Cipriani, and P. Berger, who conceptualize religion not only as a social institution, but also as a space of spiritual and emotional co-experience. The empirical basis includes legal documents, parish reports, and sociological studies from 2018 to 2023.

Results and discussion. The study identifies three main functions of religious organizations: support for vulnerable groups (through aid, education, and guidance), social integration (through cultural events, volunteering, and educational initiatives), and behavioral regulation (through the transmission of ethical norms and symbols of predictability). These functions are not always explicit but are often embodied in everyday practices – food distribution, silent prayer, or collaborative work.

Conclusion. In both cities, religion acts as a living mediator between the personal and the collective. It sustains forms of closeness that are increasingly rare in the urban landscape. This everyday presence makes religious institutions resilient and enduring actors in the modern metropolis.

Keywords: religious organizations, urban life, moral values, social support, cultural mediation, urbanization

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-28-01448 “National Specifics and Compliance with State Requirements of Branch Sociology in China”).

For citation: Deriugin, P.P. and Wei, Linde (2025), “Social Functions of Religious Institutions in the Contemporary Urban Environment: the Experience of Russia and China”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 66–76. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-66-76 (Russia).

Введение. Все чаще в городской повседневности – в транспорте, на рынках, в тихих дворах и шумных районах – можно заметить знаки религиозного присутствия: храмовую

музыку, кадило в руках священника, буддийскую цитату на стене чайной. Несмотря на процессы секуляризации и смену культурных кодов, религия не исчезает из городской среды. Она меняется, приспосабливается, вплетается в новые формы городской жизни. Особенно интересно наблюдать за тем, как это происходит в мегаполисах, принадлежащих к разным политическим системам и цивилизационным традициям.

Москва и Шанхай – не просто крупнейшие города России и Китая. Это живые лаборатории, в которых религия находит новые способы быть значимой. Поддержка уязвимых, интеграция общин, передача норм и ценностей – эти социальные функции, некогда казавшиеся неизменными, сегодня обретают иные выражения, тонкие формы присутствия, встроенные в ритмы мегаполиса.

Настоящее исследование посвящено тому, как религиозные институты реализуют свои социальные функции в этих двух городах. Сравнительный подход позволяет не только выявить общее и специфическое, но и уловить сами механизмы адаптации: как религиозное встраивается в урбанистические структуры, как оно отзывается на вызовы цифровизации, индивидуализации и культурной фрагментации.

Теоретическая рамка включает идеи Э. Дюркгейма о социальной интеграции, концепцию гражданской религии Р. Беллаха, представления Р. Чиприани о диффузной религиозности и взгляды П. Бергера на двойную социализацию. Также используются отечественные подходы к анализу религиозности и ее общественных функций. Вместе они помогают рассматривать религию не как архаичную систему, а как активного участника городской жизни – иногда заметного, иногда почти невидимого, но всегда вплетенного в повседневную ткань мегаполиса.

Методология и источники. Настоящее исследование основано на анализе вторичных источников, охватывающих широкий спектр материалов: от научных публикаций последних лет до отчетов религиозных организаций и международных аналитических обзоров. Выбор литературы не случаен – он отражает стремление зафиксировать не только академическое представление о роли религии, но и конкретные институциональные практики, воплощенные в деятельности московских и шанхайских религиозных общин. Особое внимание уделено публикациям за 2018–2023 гг., поскольку именно в этот период происходили ключевые сдвиги в регулировании религиозной сферы как в России, так и в Китае.

При выборе случаев для анализа учитывалось не только значение Москвы и Шанхая как мегаполисов, но и их статус как центров, в которых сосредоточены разнообразные формы религиозного присутствия – от традиционных храмов до новых инициатив, взаимодействующих с городской властью. В этом смысле они выступают не только как географические единицы, но и как культурно-институциональные пространства, в которых можно наблюдать взаимодействие религии с урбанистическим порядком.

Методологически работа строится на качественном сравнительном анализе, направленном на выявление как универсальных, так и уникальных черт функционирования религиозных институтов в разных политико-культурных контекстах. В процессе анализа особое внимание уделялось тому, как религиозные акторы интерпретируют свои функции и каким образом это отражается в их публичной активности. Сравнение велось по ряду ключевых параметров: институциональная интеграция, формы социальной поддержки, регулятивная роль и трансляция ценностей.

Признание ограниченности анализа на основе вторичных данных становится важной частью исследовательской позиции: официальные отчеты не всегда отражают внутреннюю динамику сообществ, а академические интерпретации могут акцентировать лишь определенные аспекты. Тем не менее многообразие источников – от отчетов департаментов до глобальных аналитических обзоров – позволяет частично компенсировать этот дефицит и приблизиться к более объемному пониманию религиозного присутствия в городской среде.

Результаты и обсуждение. Одна из ключевых социальных функций религиозных институтов в условиях мегаполиса – поддержка уязвимых слоев населения. Под этим понимается не только материальная помощь, но и эмоциональная, правовая, а также духовная поддержка, способствующая снижению социальной напряженности и укреплению солидарности внутри общины [1, 2]. Такая помощь часто оказывается в тишине, без пафоса, но с постоянством и вниманием, которые особенно ценны в городской среде, где одиночество и отчуждение становятся частью повседневного опыта. Религиозные организации, как правило, не заменяют собой государственные институты, но встраиваются в ткань повседневности, восполняя пробелы и создавая «места доверия» для тех, кто оказался на границе социальной видимости.

В Москве религиозные организации оказывают помощь нуждающимся в самых разных формах – от адресной благотворительности до участия в общественном диалоге. Здесь действует сеть из десятков приходов, предоставляющих бесплатные обеды нуждающимся. В 2022 г. в храме Христа Спасителя прошла выставка, посвященная проектам поддержки лиц без определенного места жительства [3, 4]. Эта работа, будучи формально структурированной, сохраняет человеческий масштаб: помощь осуществляется не анонимно, а через личное общение, через узнавание нуждающегося не как «получателя услуг», а как конкретного человека с историей, страхами и надеждами. Подобные инициативы позволяют храму не только выполнять социальную функцию, но и становиться пространством сопричастности, где сочетаются ритуал, забота и практическая поддержка [5, 6]. В данном случае речь идет не только о материальной поддержке, но о создании для уязвимых людей минимальной стабильности, дающей им возможность передохнуть, осмыслить ситуацию, почувствовать себя не изгоями, а участниками мира, где есть место сопереживанию. Монастырь здесь выступает как тихий посредник между улицей и обществом, формируя безопасную зону, где вновь можно быть услышанным.

На микроуровне приходские инициативы, как в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Ясенево, включают бесплатные курсы переподготовки для безработных, где обучают основам бухгалтерского учета и информационных технологий, что подчеркивает роль приходов как активных акторов городской социальной политики [7]. Важно, что эти курсы не ограничиваются передачей технических знаний – они создают поддерживающую среду, в которой вновь обретаются ритм, мотивация и ощущение смысла. Для многих участников важным оказывается не только навык, но и сам факт вовлеченности, возможности прийти в храм не как в сакральное пространство, а как в место, где открыта дверь и есть человеческий отклик. Здесь забота выражается не только в помощи, но и в признании ценности каждого в сложной, быстро меняющейся городской реальности.

В Шанхае религиозная деятельность реализуется преимущественно в институционализированной форме, а помощь уязвимым группам населения составляет важную часть социальной вовлеченности храмов. В 2022 г. фонд «Байсы» при монастыре Цзиньняньсы организовал мас-

штабную раздачу гуманитарной помощи в период всплеска пандемии: продуктовые и медицинские наборы были направлены медицинскому персоналу, работникам коммунальных служб, постояльцам домов престарелых и одиноким пожилым людям [8]. Когда привычный ритм городской жизни оказался нарушен, а институты – перегружены, подобные инициативы придали религиозному пространству новое символическое измерение: храм стал не только местом веры, но и точкой проявления заботы, порядка и утешения. Материальная помощь, исходящая от монастыря, оживила традиционную этику милосердия и сделала ее зримой и ощутимой в контексте современной городской повседневности. Эти действия несли в себе жест устойчивости, возвращая горожанам чувство сопричастности и практической заботы.

18–19 октября 2025 г. в Шанхае состоялись ежегодные Дни христианской благотворительности, организованные христианскими общинами города – от сбора средств для детских домов до адресной помощи пожилым жителям отдаленных районов [9]. Такая активность раскрывает потенциал христианских общин как точек координации, где социальное и духовное взаимодействуют без жесткого разграничения. Волонтерская вовлеченность прихожан позволяет не только расширить охват помощи, но и сформировать устойчивые горизонтальные связи между людьми, ранее не связанными друг с другом ничем, кроме общего пространства города.

Буддийский храм Лунхуа с января 2015 г. учредил негосударственный благотворительный фонд, деятельность которого сосредоточена на четырех направлениях: образовательная помощь, поддержка малоимущих и людей с ограниченными возможностями, гуманитарная забота и противоэпидемические меры [10].

Эти инициативы, несмотря на свою институциональную форму, строятся на регулярной, адресной и уважительной помощи, что придает им устойчивый характер. Регулярность и ненавязчивость этих действий становятся их сильной стороной. Не громкие акции, а повторяющаяся забота, встроенная в повседневную жизнь, создает то, что можно назвать «этическим климатом» – пространством, в котором человек чувствует себя не забытым, не случайным, а принятым. В условиях городской перегрузки, когда отношения становятся все более функциональными, подобные инициативы возвращают в город человеческое измерение.

Эти примеры подтверждают наблюдение П. Бергера о том, что даже в условиях модернизации религия продолжает играть важную роль в системах социальной поддержки, особенно в периоды нестабильности и кризиса [11, 12]. В этом контексте социальные практики религиозных общин приобретают особую ценность: они не просто помогают, а поддерживают идею о том, что никто не должен оставаться один – даже в городе, где одиночество часто воспринимается как норма.

Вторая ключевая функция религиозных институтов в городской среде – социальная интеграция, понимаемая как вовлечение различных социальных групп в систему норм, ценностей и практик, укрепляющих чувство общности и преодолевающих социальную фрагментацию [13, 14]. В многообразной и анонимной городской среде, где повседневность все чаще фрагментирована, подобные формы вовлечения позволяют человеку снова почувствовать себя частью чего-то большего. Религиозные инициативы в этом контексте действуют как социальные сцепки: они не только предлагают нормы, но и создают сценарии встреч, ритуалов, совместных действий, в которых можно участвовать без предварительной принадлежности.

В Москве этот процесс развивается в разных формах – от молодежных клубов до крупных культурных событий. Так, православный молодежный клуб «Ковчег» объединяет свыше 200 участников и ежегодно реализует около 50 социальных проектов: от визитов в дома престарелых и благотворительных ярмарок до образовательных квестов, способствующих формированию устойчивого чувства принадлежности и развитию горизонтальных связей между молодыми горожанами [15]. Важно подчеркнуть, что подобная деятельность не сводится к досугу или волонтерству – она выполняет глубинную социальную функцию. Молодые люди получают возможность не просто помогать, но быть частью сообщества, где их усилия имеют значение, а участие не требует ни идеологической, ни духовной унификации. Это своего рода тренировочная площадка для гражданской субъектности, происходящая в среде, насыщенной символами, ритуалами и личными контактами.

Культурные события, такие как Фестиваль православной культуры на Воробьевых горах, собравший в 2022 г. около 8000 участников, создают пространство для межпоколенческого диалога и символического переосмысления религиозной идентичности в городском контексте. Такие фестивали работают не только как культурные витрины, но и как площадки сопереживания. Здесь религиозная принадлежность не проверяется, а проживается через совместные действия – концерты, мастер-классы, чаепития, детские зоны. Это позволяет сблизиться поколениям, которым не всегда удается найти общий язык в других пространствах города.

Совместно с Департаментом труда и социальной защиты населения Москвы религиозные организации проводят интеграционные программы для мигрантов: курсы русского языка, лекции о культурных нормах и бесплатные юридические консультации, реализуя тем самым концепцию Р. Беллаха о религии как инструменте гражданской интеграции [2]. Особенность этих программ в том, что они не только обучают, но и дают человеку чувство признания – включения в культурное поле, где он не просто адаптируется, а участвует. Священнослужитель, объясняющий нормы повседневной жизни, или юрист, работающий при приходе, оказываются зачастую первыми представителями гостеприимного общества, с которыми сталкивается мигрант. Это делает религиозные структуры незаменимыми участниками инфраструктуры приема.

В Шанхае, несмотря на более жесткое регулирование религиозной сферы, интеграционные инициативы также занимают важное место. Так, фестиваль «День Лотоса», ежегодно организуемый Шанхайским буддийским обществом, привлекает тысячи участников из разных районов города и сочетает культурные выставки, лекции на этические темы и экологические кампании, что способствует диалогу между религиозными и светскими ценностями. Формат праздника при всей своей традиционности вписан в городскую эстетику – он объединяет людей разных возрастов, не требуя от них ни религиозного рвения, ни глубоких знаний. Это открытая форма вовлечения, где общение становится важнее вероисповедания. События подобного рода создают те точки соприкосновения, которые в остальное время редки.

Христианские общины, включая Shanghai Community Church, проводят дни открытых дверей, на которых жители разных конфессий могут познакомиться с основами христианской этики, принять участие в благотворительных акциях и межкультурных форумах. Идея открытости здесь реализуется не только буквально, но и символически: участие в таких встречах не требует предварительного согласия с доктриной. Горожане приходят за атмо-

сферой, за возможностью быть услышанными, а не за обращением в веру. Это сближает религиозную практику с городскими ценностями открытости и гибкости.

Важной формой интеграции остается религиозное образование: воскресные школы при храмах в обеих столицах строят работу вокруг универсальных ценностей – милосердия, уважения, трудолюбия. Такая деятельность согласуется с концепцией Р. Чиприани о «диффузной религии», при которой границы между религиозной и социальной активностью становятся все более проницаемыми [16]. Детям, посещающим воскресные школы, религиозный опыт нередко представляется как часть общего воспитания – не столько догма, сколько образ жизни. Через рассказы, совместные игры, помощь пожилым, праздники и стихи формируется не строгое следование нормам, а способность к сочувствию, заботе, совместному действию.

Таким образом, и в Москве, и в Шанхае религиозные институты создают условия для горизонтального общения, межпоколенческой передачи ценностей и вовлечения новых групп в городское сообщество. Они действуют не сверху, а через повседневные формы включения, в которых важна не столько идентичность, сколько участие. Это делает их особенно значимыми в контексте городской жизни, где социальная близость все чаще требует посредников.

Несмотря на различия в институциональной среде, интеграционная функция религии в мегаполисах остается одним из универсальных механизмов преодоления социальной фрагментации. Ей сопутствует и другая значимая задача – социальная регуляция, т. е. поддержание общественного порядка, утверждение устойчивых норм поведения и укрепление моральных ориентиров, обеспечивающих стабильность городской жизни [13, 17]. В городском контексте, где нормы расплываются, а общие ценности все чаще подменяются временными интересами, религия выполняет роль символического стабилизатора. Она не только артикулирует, но и воспроизводит ожидания относительно «правильного» поведения, оформляя их в доступные для горожан формы: через ритуал, пример, участие. При этом речь идет не о морализаторстве, а о выстраивании предсказуемости – того самого основания, на котором, по Дюркгейму, держится общественный порядок.

В Москве религиозные организации включены в эти процессы как через участие в муниципальных социальных программах, так и через собственные инициативы, направленные на популяризацию традиционных ценностей и формирование этических ориентиров в повседневности. Эта деятельность затрагивает не только тех, кто уже принадлежит к религиозной общине, но и более широкие круги населения, вступающие во взаимодействие с церковью через больницы, школы, центры социального обслуживания. Таким образом, религиозные структуры становятся «точками повседневного контроля», но в мягкой форме – они не наказывают, а напоминают, не навязывают, а структурируют.

В проекте «Социальное партнерство города Москвы» более 300 приходов Русской православной церкви сотрудничают с Департаментом социальной защиты, организуя патронаж пожилых, профилактику алкоголизма и мероприятия по укреплению семейных отношений [4, 18]. Содержательно эта работа формирует образ нормальной семьи, ответственного родителя, достойного гражданина. Приход выступает здесь не только как ресурсная точка, но и как носитель культурной модели, в которой личное благополучие неотделимо от соблюдения определенных моральных стандартов. Патронаж над пожилыми, например, воспроизводит модель заботы как общественного долга, формируя горизонтальную нормативность, пронизанную религиозным этическим кодом.

Важное место занимают совместные программы, ориентированные на профилактику асоциального поведения молодежи: так, в 2021–2022 гг. при поддержке Департамента образования проходили семинары «Моральные ориентиры молодежи» с участием священнослужителей, специалистов по ненасильственному общению и авторов образовательных квестов о городской истории [7]. Эти мероприятия не только информируют, но и нормализуют. Через совместную активность, обсуждение моральных дилемм выстраиваются границы приемлемого. Молодой человек не получает наказание за девиацию, но включается в ситуацию, где этика становится частью игры, проекта, события. Таким образом, церковные инициативы работают как механизмы «этического перевода» – они интерпретируют абстрактные ценности в применимые форматы повседневной городской социализации.

Передача ценностных установок продолжается и в рамках системы воскресных школ – их в столице насчитывается около 450, что соответствует веберовскому пониманию религии как источника легитимации общественного порядка [17]. В этом пространстве религия выступает как форма моральной дисциплины – ненасильственной, но регулярной. Ребенок в воскресной школе не просто запоминает заповеди, он учится внутреннему ритму жизни: быть пунктуальным, уважать старших, держать слово. Эти «тихие» нормы не всегда проговариваются напрямую, но именно они впоследствии обеспечивают согласованность поведения, предсказуемость отношений и готовность к ответственности.

В Шанхае же регулятивная функция религии реализуется в условиях строгих государственных рамок. Законодательство предписывает всем официально зарегистрированным объединениям включать в свою деятельность элементы «социалистических ценностей» – патриотизм, коллективизм, правопослушание [19]. Здесь нормативная роль религии институционализована буквально: она встроена в формальные обязательства. Однако религиозные организации не просто транслируют государственные лозунги, а адаптируют их к локальному контексту. В результате возникает своеобразный гибрид этики и идеологии, где храмовая активность выступает как площадка «социальной лояльности». В этом ключе буддийские храмы, включая монастырь Цзиньаньсы, регулярно проводят лекции о социальной ответственности, правосознании и нравственных нормах, формируя моральную дисциплину и укрепляя этические ориентиры в городской среде [20]. Регулярные лекции, сопровождаемые совместными практиками (уборка парка, уход за растениями, общественные медитации), становятся формой «повседневной социализации». Люди участвуют в этих практиках не потому, что обязаны, а потому что они просты, предсказуемы и понятны. В условиях высокой плотности городской жизни именно такие «регламентированные добродетели» обеспечивают минимальный уровень согласия, на котором зиждется социальный порядок.

Заключение. Сравнивая практики религиозных организаций в Москве и Шанхае, мы сталкиваемся не столько с различиями конфессиональных догматик или политических режимов, сколько с разными способами вплетения религиозного в городскую ткань. Там, где московские приходы выступают как официальные партнеры государства и канализируют социальную помощь через признанные форматы, шанхайские храмы действуют мягче – через язык нравственности, дисциплины, заботы. Но в обоих случаях речь идет о попытке удержать чувство порядка в сложной, быстрой и подвижной городской среде.

Религия здесь – это не абстрактная система верований, а распорядок, жест, касание, взгляд. Это чаепитие после службы, уборка парка, разговор в храмовом дворе, краткая молитва в тишине метро. В этих повторяющихся и понятных действиях религиозные общины возвращают горожанам предсказуемость – ценность особенно важную в условиях постоянной нестабильности. Возможно, именно поэтому даже самые формализованные инициативы сохраняют свой человеческий масштаб: они узнаваемы, они встроены в ритмы города, они не требуют доказательств.

Вместе с тем это исследование оставляет за кадром многое. Мы почти не слышим голосов самих участников – тех, кто приходит, остается, уходит. Мы видим официальные формы, но не всегда улавливаем нюансы их повседневной проживаемости. Мы фиксируем институциональное, но еще не вскрываем интуитивное.

Продолжение этой работы видится в погружении – в наблюдение, в разговор, в телесное соучастие. Не только изучать религию как структуру, но быть рядом, когда зажигаются свечи, когда кто-то склоняется в поклоне, когда кто-то впервые приводит ребенка в воскресную школу. Это расширение оптики – не только про города и конфессии, но и про способы быть вместе.

В конечном счете религиозные институты продолжают жить в мегаполисе не потому, что им кто-то разрешил или запретил, а потому что они умеют слушать и быть услышанными. Они выживают не вопреки модерности, а благодаря способности оставаться ее тихим спутником – в тех формах, где забота, ритуал и присутствие приобретают новое, не всегда заметное, но устойчивое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. NY: Free Press, 1996.
2. Осипова Н. Г., Елишев С. О. Религия: социологический анализ. М.: Перспектива, 2022.
3. Продуктовая помощь (г. Москва и Московская обл.) // Московская патриархия. URL: http://anastasia-uz.ru/index/blagotvoritelnye_obedy_pri_khramakh_g_moskvy/0-103 (дата обращения: 04.11.2025).
4. В храме Христа Спасителя прошла выставка, посвященная проблемам бездомных // Московская (городская) епархия Русской православной церкви. 26.05.2022. URL: <https://moseparh.ru/v-xrame-xrista-spasitelya-proshla-vystavka-posvyashhennaya-problemam-bezdomnykh.html> (дата обращения: 04.11.2025).
5. Забаев И. В., Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской православной церкви // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 139–153. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139.
6. Носова В. А. Социальная работа Русской православной церкви // ACADEMY. 2018. Т. 1, № 6 (33). С. 101–103.
7. Религия в современной России: контексты и дискуссии / М. М. Мchedлова и др. М.: РУДН, 2019.
8. Обзор участия Шанхайского благотворительного фонда «Байсы» в борьбе с пандемией // Благотворительный фонд «Байсы». 07.07.2022. URL: http://www.360doc.com/content/22/0707/10/29234429_1038922209.shtml (дата обращения: 04.11.2025).
9. Шанхайская христианская церковь активно провела «Дни христианской благотворительности и милосердия – 2025» // Китайский христианский совет. 28.10.2025. URL: <https://www.ccctspm.org/index.php/sernewsinfo/19594> (дата обращения: 04.11.2025).
10. 19 произведений живописи и каллиграфии выставлены на аукцион: благотворительный аукцион храма Лунхуа в Шанхае собрал 4,4 млн юаней // Цзоу Цзявэнь. 16.01.2024. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_26030784 (дата обращения: 04.11.2025).

11. Berger P. L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. NY: Doubleday, 1967.
12. Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века. Доклады Института Европы РАН. № 173. М.: Изд-во «ОГНИ ТД», 2006.
13. Durkheim É. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris: Alcan, 1912.
14. Bellah R. N. *Civil Religion in America* // *Daedalus*. 1967. Vol. 96, № 1. P. 1–21.
15. Пронина Т. С. Религия как источник культурной идентичности в современной России // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 1. С. 130–139.
16. Cipriani R. *Diffused Religion: Beyond Secularization*. London: Routledge, 2021.
17. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr, 1922.
18. Ажнакина Н. Б. Социальное служение религиозных организаций в современной России: дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. Н. П. Огарёва. Пенза, 2006.
19. Положение о делах религий КНР: Постановление № 686 от 1 февраля 2018 г. Пекин: Государственный совет КНР, 2018. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5225861.htm (дата обращения: 04.10.2025).
20. Лункин Р. Н. Религиозный фактор в жизни современной России (эксперты об экстремизме) // Современная Европа. 2011. № 4. С. 132–137.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Вэй Линде – аспирантка (социология) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор шести научных публикаций. Сфера научных интересов: социология семьи, социология религии.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.08.2025; принята после рецензирования 30.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Durkheim, E. (1996), *The Elementary Forms of Religious Life*, Free Press, NY, USA.
2. Osipova, N.G. and Elishev, S.O. (2022), *Religiya: sotsiologicheskii analiz* [Religion: a sociological analysis], Perspektiva, Moscow, RUS.
3. "Food aid (Moscow and the Moscow region)" (n.d.), *Moscow Patriarchate*, available at: http://anastasia-uz.ru/index/blagotvoritelnye_obedy_pri_khramakh_g_moskvy/0-103 (accessed 04.11.2025).
4. "In the Temple Of Christ An exhibition dedicated to the problems of the homeless was held in St. Saviour's Cathedral" (2022), *Moskovskaya (gorodskaya) eparkhiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Moscow (City) Diocese of the Russian Orthodox Church], 26.05.2022, available at: <https://moseparh.ru/v-xrame-xrista-spasitelya-proshla-vystavka-posvyashhennaya-problemam-bezdomnykh.html> (accessed 04.11.2025).
5. Zabaev, I.V., Prutskova, E.V. and Markin, K.V. (2022), "Church Social Work from the Point of View of Russians and Social Workers of the Russian Orthodox Church", *Khristianskoye Chteniye*, no. 3, pp. 139–153. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139.

6. Nosova, V.A. (2018), "Social work of the Russian Orthodox Church", *ACADEMY*, vol. 1, no. 6 (33), pp. 101–103.
7. Mchedlova, M.M. et al. (2019), *Religiya v sovremennoj Rossii: konteksty i diskussii* [Religion in Modern Russia: Contexts and discussions], RUDN, Moscow, RUS.
8. "Review of the participation of the Shanghai Charitable Foundation "Baisi" in the fight against the pandemic" (2022), *Blagotvoritel'nyi fond "Baisi"* [Charitable Foundation "Baisi"], 07.07.2022, available at: http://www.360doc.com/content/22/0707/10/29234429_1038922209.shtml (accessed 04.11.2025), CHN.
9. "The Shanghai Christian Church actively held the "Days of Christian Charity and Mercy – 2025"" (2025), *Kitaiskii khristianskii sovet*. [Chinese Christian Soviet Conference], 28.10.2025, available at: <https://www.ccctspm.org/index.php/sernewsinfo/19594> (accessed 04.11.2025), CHN.
10. "19 Works of Painting and Calligraphy Put Up for Auction: the Charity Auction at Longhua Temple in Shanghai Raised 4.4 Million Yuan" (2024), *Zou Jiawen*, 16.01.2024, available at: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_26030784 (accessed 04.11.2025), CHN.
11. Berger, P.L. (1967), *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*, Doubleday, NY, USA.
12. Furman, D.E. and Kaariainen, K. (2006), *Religiosity in Russia in the 90s of the XX – beginning of the XXI century. Reports of the Institute of Europe*, no. 173, Izd-vo "OGNI TD", Moscow, RUS.
13. Durkheim, É. (1912), *Les formes élémentaires de la vie religieuse*, Alcan, Paris, FRA.
14. Bellah, R.N. (1967), "Civil Religion in America", *Daedalus*, vol. 96, no. 1, pp. 1–21.
15. Pronina, T.S. (2015), "Religion as a Source of Cultural Identity in Modern Russia", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser. Gumanitarnye Nauki*, vol. 157, no. 1, pp. 130–139.
16. Cipriani, R. (2021), *Diffused Religion: Beyond Secularization*, Routledge, London, UK.
17. Weber, M. (1922), *Wirtschaft und Gesellschaft*, Mohr, Tübingen, GER.
18. Azhnakina, N.B. (2006), "Social service of religious organizations in modern Russia", *Can. Sci. (Philology) Thesis*, Ogarev Mordovia State Univ., Penza, RUS.
19. *Polozhenie o delakh religii KNR: Postanovlenie № 686 ot 01.02.2018* (2018) [Regulations on Religious Affairs of the People's Republic of China: Resolution No. 686 dated 01.02.2018], State Council of the People's Republic of China, Beijing, CHN, available at: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5225861.htm (accessed 04.10.2025).
20. Lunkin, R.N. (2011), "The religious factor in the life of modern Russia (experts on extremism)", *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 132–137.

Information about the authors.

Pavel P. Deriugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 190034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Wei Linde – Postgraduate (Sociology) Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 190034, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise sociology of family, sociology of religion.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.08.2025; adopted after review 30.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 316

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-77-93>

Формирование спортивного бренда в условиях национальной специфики: эмпирический анализ кейса Армянской хоккейной лиги

**Ангелина Романовна Лебедева¹, Наталия Павловна Кирсанова²✉
Александр Сергеевич Гонашвили³, Владимир Александрович Глухих⁴**

¹Армянская хоккейная лига, Ереван, Армения

^{2,3}Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), Санкт-Петербург, Россия

⁴Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹lebedevagelyaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0092-347X>

²✉kirsanovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6250>

³a.s.gonashvili@univevrazes.website, <https://orcid.org/0000-0002-4205-7035>

⁴vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>

Введение. Целью статьи является исследование формирования спортивного бренда на примере Армянской хоккейной лиги (АХЛ). АХЛ представляет собой пример перспективного спортивного проекта, который стремится не только популяризировать хоккей в Армении, но и укрепить национальную идентичность через спорт. При этом текущий имидж АХЛ требует серьезного анализа и доработки, так как лига сталкивается с рядом проблем: ограниченные ресурсы, слабая медийная узнаваемость, отсутствие сформированной фан-базы, а также необходимость соответствия международным стандартам.

Методология и источники. Исследование фокусируется на роли культурного контекста, цифровой стратегии и на институциональных факторах в развитии спортивной организации.

Результаты и обсуждение. В статье рассматривается процесс построения и продвижения бренда в условиях региональной специфики и глобальной конкуренции. В исследовании делается вывод о высоких темпах роста АХЛ и ее лидирующих позициях среди аналогичных лиг, подчеркивается ключевая роль регионального маркетинга и социально-экономического контекста в укреплении позиций спортивной организации на национальном и международном уровнях.

Заключение. Авторами было выявлено, что применение экономических показателей, таких как ROI (показатель рентабельности инвестиций) и CPL (средняя стоимость привлечения одного потенциального клиента), позволяет утверждать, что цифровая активность АХЛ эффективна и дает устойчивый результат.

Ключевые слова: спорт, спортивный бренд, Армянская хоккейная лига, SWOT-анализ, Return on Investment (ROI), Cost per Lead (CPL)

© Лебедева А. Р., Кирсанова Н. П., Гонашвили А. С., Глухих В. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Формирование спортивного бренда в условиях национальной специфики: эмпирический анализ кейса Армянской хоккейной лиги / А. Р. Лебедева, Н. П. Кирсанова, А. С. Гонашвили, В. А. Глухих // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 77–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-77-93.

Original paper

Formation of a Sports Brand in the Context of National Specifics: An Empirical Analysis of the Case of the Armenian Hockey League

**Angelina R. Lebedeva¹, Natalia P. Kirsanova^{2✉},
Aleksandr S. Gonashvili³, Vladimir A. Glukhikh⁴**

¹Armenian Hockey League, Yerevan, Armenia

^{2,3}University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

³Saint Petersburg State Institute of Technology, St Petersburg, Russia

⁴Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹lebedevagelyaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0092-347X>

^{2✉}kirsanovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6250>

³a.s.gonashvili@univevrazes.website, <https://orcid.org/0000-0002-4205-7035>

⁴vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>

Introduction. The purpose of this article is to study the formation of a sports brand using the example of the Armenian Hockey League (AHL). The Armenian Hockey League (AHL) is an example of a promising sports project that aims not only to promote hockey in Armenia, but also to strengthen national identity through sports. At the same time, the current image of the AHL requires serious analysis and improvement, as the league faces several challenges: limited resources, low media awareness, a lack of a dedicated fan base, and the need to meet international standards.

Methodology and sources. The study focuses on the role of cultural context, digital strategy, and institutional factors in the development of a sports organization.

Results and discussion. The article examines the process of building and promoting a brand in the context of regional specificity and global competition. The study concludes that the AHL has a high growth rate and holds a leading position among similar leagues, and highlights the key role of regional marketing and socio-economic context in strengthening the position of a sports organization at the national and international levels.

Conclusion. The authors have found that the use of economic indicators such as ROI and CPL allows us to conclude that AHL's digital activity is effective and yields sustainable results.

Keywords: sports, sports brand, Armenian Hockey League, SWOT analysis, Return on Investment, Cost per Lead

For citation: Lebedeva, A.R., Kirsanova, N.P., Gonashvili, A.S. and Glukhikh, V.A. (2025), "Formation of a Sports Brand in the Context of National Specifics: An Empirical Analysis of the Case of the Armenian Hockey League", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 77–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-77-93 (Russia).

Введение. Современный мир характеризуется высокой конкуренцией, в которой успех организации или проекта напрямую зависит от силы, узнаваемости и привлекательности его бренда [1]. Бренд перестал быть исключительно инструментом маркетинга – сегодня он представляет собой мощный стратегический ресурс, способный формировать доверие, привлекать аудиторию, обеспечивать устойчивость на рынке и выстраивать долгосрочные взаимоотношения с целевыми группами.

В условиях глобализации и цифровизации особую значимость приобретает развитие локальных брендов, которые отражают уникальную идентичность региона и его культурное наследие [2]. Это особенно актуально для стран с развивающейся спортивной системой, где формирование собственного бренда может стать не только способом привлечения внимания, но и инструментом укрепления национальной идентичности. Брендинг в спорте – это не только имидж лиг и команд, но также способ активизации болельщиков, привлечения спонсоров и формирования устойчивой спортивной экосистемы [3].

В Армении, где спорт традиционно занимает важное место в жизни общества, хоккей пока находится на этапе становления. Армянская хоккейная лига представляет собой пример перспективного спортивного проекта, который стремится не только популяризировать хоккей в Армении, но и укрепить национальную идентичность через спорт [4]. При этом сегодняшний имидж АХЛ требует серьезного анализа и доработки: лига сталкивается с рядом проблем – ограниченные ресурсы, слабая медийная узнаваемость, отсутствие сформированной фан-базы, а также необходимость соответствия международным стандартам. Тем не менее в этих вызовах кроется и ряд возможностей. Развитие спортивного бренда АХЛ может способствовать не только росту интереса к хоккею, но и улучшению имиджа лиги, расширению партнерской базы и выходу на новые целевые аудитории. Разработка и реализация эффективной брендинговой стратегии становится важнейшим условием устойчивого развития организации. В мировой практике примеры таких стратегий можно наблюдать в деятельности НХЛ, КХЛ и европейских хоккейных лиг, где брендинг играет центральную роль в позиционировании лиг и команд.

Методология и источники. Формирование спортивного бренда представляет собой важный комплексный процесс, охватывающий не только визуальную идентичность организации, но и ее философию, ценности, поведенческие модели и коммуникационную политику. В условиях усиливающейся конкуренции в спортивной индустрии бренд становится не только инструментом коммерческого продвижения, но и ключевой составляющей идентичности клуба или организации, определяя ценности, уровень вовлеченности аудитории, инвестиционную привлекательность и коммерческий успех.

Одним из базовых подходов к построению сильного бренда в спорте является Brand Identity Planning Model, разработанная Д. Аакером в 1996 г., которая подчеркивает необходимость выстраивания идентичности через четыре аспекта: бренд как продукт, организация, человек и символ [5]. Применение данной модели позволяет сформировать цельный образ, в который включены визуальные атрибуты, ценности, отношения с потребителями и культурный контекст. Формирование бренда проходит через несколько взаимосвязанных этапов, каждый из которых требует стратегического подхода и продуманной коммуникации. В научной и практической литературе принято выделять последовательность ключевых этапов, проходя которые спортивная организация может выстроить сильный, устойчивый бренд.

Результаты и обсуждение. Первый этап формирования бренда связан с определением его миссии и ключевых ценностей. Исследования показывают, что успешные спортивные бренды обладают ярко выраженной идентичностью, которая вызывает определенные эмоции и ассоциируется с культурными аспектами [6]. Например, футбольный клуб «Барселона» строит свою идентичность на концепции «Més que un club» («Больше, чем клуб»),

подчеркивая социальную и политическую значимость команды. В контексте хоккейных лиг данный аспект также играет важную роль. Как отмечают Э. Райс и Д. Траут, без миссии бренд не может выполнять стратегическую функцию и не формирует эмоциональную ценность [7].

Вторым этапом выступает разработка визуальной и вербальной идентичности бренда: логотип, цветовая палитра, слоган, стиль коммуникации, униформа, mascots и другие атрибуты, отличающие команду или лигу на фоне конкурентов. Эти элементы должны быть согласованы с позиционированием и отражать культурные и спортивные особенности региона. По мнению У. Олинса, бренд начинается с визуального образа, который говорит о сути быстрее, чем слова [8]. Для спортивных брендов, особенно молодых лиг, таких как Армянская хоккейная лига, это позволяет сформировать узнаваемость и закрепиться в сознании аудитории.

На данном этапе бренд определяется в рамках конкурентной среды и выбирает свою нишу. Это включает в себя анализ конкурентов, выявление уникального торгового предложения (УТП), сегментацию аудитории и формулирование позиционирующего заявления. Как указывается в [9], успешные бренды в спорте позиционируют себя не только через исторические и спортивные достижения, но и через уникальные ценности, стиль игры, отношение к фанатам и участие в социальных инициативах.

Далее следует формирование стратегии продвижения. Одними из важнейших элементов современного брендинга являются PR и цифровая коммуникация. Сегодня бренд невозможно представить без активного присутствия в социальных сетях, на видеоплатформах и в медиа. Инструменты цифрового PR (сторителлинг, инфлюенс-маркетинг, видеоконтент, различные интерактивы) позволяют бренду не только быть узнаваемым, но и выстраивать постоянный диалог с болельщиками. Исследования Дж. Гледдена и Д. Фанка показывают, что активное вовлечение болельщиков через цифровые платформы значительно повышает их лояльность и эмоциональную привязанность к бренду [6]. Кроме того, в спортивной среде активно используется стратегия вовлеченного маркетинга – организация фан-активностей, конкурсов, акций и прямых трансляций. Это позволяет бренду выйти за рамки спортивных событий и стать частью повседневной жизни аудитории. Важную роль в этом процессе играют инновационные технологии, такие как геймификация, виртуальная реальность и персонализированный контент [10].

Спортивный бренд также является экономическим активом. Спортивные бренды должны эффективно использовать возможности монетизации, включая продажу атрибутики, билетов, эксклюзивного контента и участие в партнерских программах [11]. Спонсорство также играет важную роль, поскольку сотрудничество с известными компаниями способствует расширению аудитории и повышению уровня доверия к клубу. Примером может служить стратегия НХЛ, в рамках которой команды сотрудничают с брендами на уровне формы, арены, контента, мероприятий, формируя комплексное ценностное предложение для спонсоров. Формирование успешной системы монетизации требует учета локальных условий и предпочтений аудитории. Как указывает Е. Л. Варганова, грамотное сочетание бренда, маркетинга и локальной идентичности способно превратить даже молодой проект в сильный культурный феномен [12].

Работа с болельщиками и общественностью также является ключевым аспектом в создании спортивного бренда. Исследования показывают, что участие команды в социальных

инициативах, благотворительных акциях и молодежных программах значительно повышает уровень доверия и лояльности аудитории [13].

Любой спортивный бренд уязвим к информационным рискам, таким как скандалы, поражения, конфликты с фанатами. Поэтому важным этапом является управление репутацией. Как показывает Crisis Brand Management Model, в спорте важно быстро реагировать на негатив, формировать прозрачную политику и активно использовать PR-инструменты для восстановления доверия [14].

Бренд – не статичная структура. Его необходимо обновлять, адаптировать и развивать, чтобы соответствовать трендам, ожиданиям аудитории и технологическим изменениям – регулярное обновление визуальной и контентной стратегий, редизайн, внедрение новых инициатив, цифровых инструментов и форматов коммуникации обеспечивают его соответствие современным требованиям и ожиданиям целевой аудитории. Для этого проводится оценка эффективности реализованной стратегии, в том числе с использованием различных метрик (ROI, CPL и т. д.). Полученные данные позволяют корректировать стратегию и адаптировать бренд к изменяющимся условиям. Его долгосрочная устойчивость является показателем стратегической зрелости компании. Согласно концепции Adaptive Branding in Sports, устойчивые бренды – это бренды, которые готовы к изменениям без потери своей идентичности [15]. Особенно это важно для молодых лиг, стремящихся укрепить позиции в долгосрочной перспективе.

Таким образом, формирование спортивного бренда представляет собой комплексный и тщательно спланированный процесс, требующий применения различных дисциплин, таких как маркетинг, PR, дизайн и цифровые технологии. Также необходимо учитывать поведенческие, экономические и социокультурные аспекты. Успешные спортивные бренды базируются на глубоком понимании своей целевой аудитории, использовании современных технологий и постоянном развитии. Зарубежные исследования в области спортивного маркетинга подчеркивают важность последовательности в продвижении бренда, эмоциональной связи с болельщиками и адаптации к изменениям на рынке. Рассмотрим пример реализации этих стратегий на кейсе Армянской хоккейной лиги – перспективного и активно развивающегося спортивного бренда в регионе.

Развитие хоккея в Армении сталкивается с рядом вызовов и возможностей, обусловленных культурными особенностями страны. Несмотря на то, что в ней хоккей традиционно не входит в число популярных видов спорта, интерес к нему постепенно возрастает, что связано с целенаправленными стратегиями продвижения и возрождения интереса к зимним видам спорта. Культурная специфика Армении напрямую влияет на восприятие хоккея как вида спорта, на стратегию позиционирования бренда АХЛ и коммуникационные практики. Рассмотрим основные аспекты армянской культуры и их влияние на продвижение хоккея, а также роль брендинга в данном процессе.

Армения обладает богатым спортивным наследием, однако исторически в стране развивались такие виды спорта, как футбол, шахматы, борьба и тяжелая атлетика. Эти виды получили поддержку еще в советский период и продолжают оставаться доминирующими. Как отмечает исследователь С. С. Филиппов, культурный контекст оказывает прямое влияние на структуру спортивных предпочтений, так как понимание спорта неразрывно связано

с историческим наследием нации, героическими сюжетами и коллективными воспоминаниями [16]. Данные спортивные направления также традиционно пользовались наибольшим интересом со стороны государства и общественности. В советский период хоккей не получил широкого распространения в связи с климатическими условиями и отсутствием ледовых арен, что благоприятствовало бы развитию зимних видов спорта.

Только в начале 2000-х гг. начал формироваться современный интерес к хоккею, тогда и были предприняты попытки создать команды и организовать местные турниры. Однако для стабильного развития хоккея в Армении необходимо формирование сильного бренда, который будет способен конкурировать с другими популярными видами спорта. Армянская хоккейная лига выступает не только организатором турниров, но и культурным медиатором, способствующим формированию позитивного образа хоккея в массовом сознании [17].

Для успешного продвижения хоккея в стране необходимо создать в первую очередь узнаваемый и привлекательный бренд, способный соответствовать культуре и национальным особенностям. Важными аспектами в его формировании являются национальная идентичность, позиционирование хоккея как сплоченного вида спорта, что соответствует культурным ценностям, а также формирование имиджа хоккея через истории армянских игроков и успехи национальной сборной.

В армянской культуре особо важную роль в принятии решений занимает семья, особенно если это касается выбора вида спорта для ребенка. Родители стремятся отдать предпочтение тем видам, которые считаются престижными, приносят признание и связаны с национальной гордостью. Поэтому позиционирование хоккея как «спорта сильных и целеустремленных», что соответствует традиционным армянским представлениям, является важным стратегическим шагом. Также необходимо развивать хоккейную инфраструктуру как неотъемлемую часть общего развития спорта в стране. В рамках маркетинговых и PR-стратегий АХЛ уже применяются визуальные элементы, способствующие формированию имиджа армянских хоккеистов как носителей традиционных ценностей – силы, чести, дисциплины.

Одним из факторов культурной поддержки становится армянская диаспора. Выходцы из Армении, проживающие в странах с развитой хоккейной культурой (Россия, США, Канада), формируют культурные мосты и могут выступать амбассадорами. Наиболее ярким примером здесь является Зак Богосян – хоккеист НХЛ армянского происхождения, способный стать символом для молодого поколения. Потенциал культурной дипломатии и международной идентификации используется АХЛ для укрепления бренда и привлечения новой аудитории. Эффективное продвижение также требует адаптации маркетинговых стратегий с учетом национальных особенностей. Например, использование национальной символики и языка в визуальных коммуникациях и мероприятиях, проведение семейных фестивалей и хоккейных дней с включением фольклора и традиционной музыки, продвижение истории сборной Армении, ее достижений на международной арене и возвращения после 15-летнего перерыва, визуальное позиционирование хоккея как современной формы мужества и национального духа – все эти меры позволят привлечь широкую аудиторию и популяризировать хоккей в стране. Анализируя культурную составляющую, можно выделить несколько устойчивых трендов (см. табл. 1).

Таблица 1. Культурные факторы и их влияние на развитие хоккея в Армении
Table 1. Cultural factors and their impact on the development of hockey in Armenia

Фактор	Воздействие на хоккей в Армении
Традиционный спорт	Конкуренция со стороны более популярных направлений
Семейные установки	Влияние на выбор детьми спортивной секции
Дiaspora	Внешний ресурс культурной легитимации
Национальная гордость	Возможность интеграции хоккея в патриотический дискурс
Инфраструктурные ограничения	Препятствия, требующие долгосрочного преодоления

Включение культурного компонента в бренд-стратегию АХЛ становится неотъемлемым элементом PR-деятельности. PR здесь выполняет функцию связующего звена между культурными традициями и современными форматами коммуникации. Такие культурные нарративы, как «возрождение», «армянская доблесть» и «новое поколение героев», используются в контексте лиги, в том числе в видеороликах, промоакциях, пресс-релизах и мероприятиях.

Особое значение в развитии хоккея в Армении приобретает формирование визуально-культурной идентичности бренда АХЛ, основанной на национальных символах и культурных кодах. Учитывая историческую привязанность армянского общества к визуальным образам, фольклору и культурной самобытности, использование элементов традиционной армянской орнаментики, цветов флага и локальных символов в дизайне формы, логотипов и медиаконтента способствует не только узнаваемости бренда, но и формированию эмоциональной связи с аудиторией.

Как отмечают эксперты по спортивному маркетингу, культурная аутентичность визуального стиля лиги усиливает восприятие ее как органичной части национальной идентичности [10]. В случае АХЛ это особенно актуально, так как лига позиционируется не просто как спортивная структура, но как проект, возрождающий хоккейную культуру в стране. Формирование визуальной идентичности должно учитывать ценности армянского общества: уважение к истории, коллективизм, семья и патриотизм.

Практическая реализация стратегии может включать: оформление ледовых арен в национальном стиле; использование армянского шрифта в айдентике; разработку уникальных символов (талисманов), отсылающих к национальным архетипам; создание специальной коллекции формы, посвященной армянским праздникам или культурным событиям.

Таким образом, визуально-культурная составляющая бренда становится не просто эстетическим элементом, а важным каналом коммуникации с аудиторией и эффективным инструментом культурной интеграции хоккея в общественное сознание. Продвижение хоккея в Армении требует гармоничного сочетания культурного контекста и современных маркетинговых инструментов. Успешная реализация данной стратегии способствует закреплению хоккея как значимой составляющей армянской спортивной культуры, а также повышению устойчивости АХЛ как бренда на региональном и международном уровнях.

Профессиональное развитие хоккея в Армении сталкивается с рядом экономических и организационных задач, связанных как с общими проблемами, так и с особенностями региона. Армянская хоккейная лига сейчас находится лишь на стадии формирования, и для ее успешного и динамичного развития необходимо решить фундаментальные проблемы, связанные с финансированием со стороны государства, управлением организации, недостаточно развитой инфраструктурой, а также популяризацией хоккея в стране, что сдерживает его устойчивое развитие.

Основная и самая важная проблема, с которой сталкивается АХЛ, – недостаточное финансирование. Хоккей – это вид спорта, требующий значительных финансовых вложений как в инфраструктуру, так и в развитие игроков. Поддержание хоккея на высоком уровне предполагает объемные затраты на содержание ледовых арен, тренажерных залов, оборудование и экипировку, заработную плату спортсменов и тренеров. Недостаток инвестиций со стороны государства и частных лиц ограничивает возможности лиги в эффективном развитии и продвижении. Команды в большей степени полагаются на личные вложения и спонсорство, чего иногда оказывается недостаточно для поддержания высокой конкурентоспособности и повышения уровня игры. Преодоление этих трудностей будет возможно только при условии объединения усилий правительственных структур, частного сектора и гражданского общества.

Для решения проблемы нестабильного финансирования спортивной организации можно предложить различные способы популяризации данного вида спорта, чтобы привлечь финансирование со стороны государства и бизнеса. Изначально у спортивной лиги была разработана стратегия по привлечению разнообразных источников финансирования, таких как спонсорские средства, гранты, пожертвования от частных лиц, организация мероприятий и продажа товаров и услуг. Это могло помочь уменьшить зависимость от одного источника и обеспечить стабильное финансирование на долгосрочной основе. Однако двух лет функционирования хоккейной лиги оказалось недостаточно для формирования устойчивого доверия местного бизнеса. В связи с этим единственным решением на сегодняшний день является продолжение финансирования со стороны основателей, а также выстраивания отношений с представителями различных сообществ в Армении.

Армянская хоккейная лига активно работает над привлечением благотворительных организаций и фондов, которые заинтересованы в поддержке спорта и здорового образа жизни. Таких организаций в стране очень мало, и зачастую они ориентированы на образование или медицину, спорт для них является непрофильной деятельностью. Тем не менее лиге удалось принять участие в ряде благотворительных мероприятий и установить партнерские отношения с благотворительными организациями.

В мае каждого года традиционно заканчивается сезон внутренних чемпионатов, и для хоккеистов АХЛ разработан план активного участия в жизни благотворительных фондов – так они помогут этим фондам и улучшат имидж лиги.

Армянская хоккейная лига работает над установлением долгосрочных партнерских отношений с организациями, владеющими ледовыми аренами в Армении, которые разделяют ее ценности и миссию. В настоящее время в стране функционируют всего две ледовые арены. Первая принадлежит мэрии Еревана. К сожалению, руководство не проявило заинтересованности в развитии хоккея. В связи с этим АХЛ была вынуждена переместиться на вторую арену, принадлежащую учебному учреждению ЗАО «Газпром». У данной ледовой арены есть своя неудобная специфика: она не может функционировать круглогодично, в связи с чем растапливается в мае на полгода. Это создает большие сложности в развитии хоккея, потому что лига не имеет возможности проводить межсезонные сборы для спортсменов. Таким образом, перед лигой стоят две проблемы:

– за лето сохранить и поддержать спортивную форму хоккеистов, в том числе учеников детской спортивной школы;

– в период отсутствия чемпионата сохранить партнерские отношения со школой ЗАО «Газпром» и возобновить сотрудничество в следующем сезоне, осенью.

Решением первой проблемы является организация и проведение спортивных сборов за пределами Армении. Так, лига планирует организовывать детские хоккейные сборы в Батуми летом. Финансирование данного мероприятия осуществляется родителями учеников детской школы, заинтересованных в поездке. Такие сборы должны проводиться на протяжении всего лета, как это делается в странах, где хоккей популярен.

Что касается взрослых играющих хоккеистов, то единственным способом поддержания их спортивной формы является организация сборов за границей. Ближайшее направление – это Грузия. Однако не все хоккеисты Армении в состоянии самостоятельно оплатить свою поездку, в связи с этим лига вновь сталкивается с проблемой финансирования.

Несмотря на то, что у лиги разработан четкий финансовый план на будущее, включающий в себя оценку текущих и будущих расходов, прогнозирование доходов и разработку стратегий по обеспечению финансовой стабильности, вопрос поступления денежных средств сложно контролировать.

Также при анализе Армянской хоккейной лиги были выявлены следующие проблемы:

– отсутствие четкой ответственности: без формального руководителя возникла путаница в распределении ответственности и принятии решений. Это привело к затягиванию процессов, неопределенности в принятии решений и конфликтам между сотрудниками;

– неэффективность принятия решений: коллективное принятие решений часто затрудняется из-за разногласий и различных точек зрения участников. Без ясного лидерства возникали затруднения в достижении консенсуса и эффективного решения проблем;

– низкая степень организованности и координации: отсутствие формального руководителя привело к недостаточной организованности и координации деятельности лиги. Это сильно сказывается на эффективности работы, выполнении задач и достижении результата;

– конфликты и недовольство: из-за отсутствия четкого лидерства и распределения власти возникают конфликты между сотрудниками лиги и недовольство ситуацией, что негативно сказывается на атмосфере в коллективе и работе организации в целом;

– низкий уровень популяризации хоккея и маркетинга: в условиях высококонкурентного спортивного рынка недостаточная реклама и ограниченное количество зрителей и фанатов хоккея препятствуют росту и популярности лиги.

На основании проведенного анализа текущего состояния организации понятно, что в ней отсутствует четкая структура и порядок. Несмотря на наличие определенных кадров, процедур и документов, их реальная реализация требует тщательной доработки. Отсутствие структурированности затрагивает все аспекты работы АХЛ – от управления персоналом до организации спортивных мероприятий. Неясные рамки ответственности и недостаточное понимание ролей приводят к дублированию работы, упущению сроков и путанице в решении задач. Также наблюдается отсутствие четких процессов, что затрудняет выполнение задач и управление проектами. Отсутствие стандартов и процедур ведет к хаотичному выпол-

нению задач, неопределенности и неэффективности в работе коллектива. Отсутствие структуры и порядка выполнения процессов негативно сказывается на эффективности и результативности работы лиги. Для решения данных проблем необходимо назначить формального руководителя, разработать регламент управления, включающий процедуры принятия решений и отчетности, а также ввести формальное распределение обязанностей среди сотрудников. Также следует применять методы быстрого принятия решений (например, голосование среди ответственных лиц или матрицу решений), разработать четкие критерии оценки решений. Создание календаря мероприятий и задач позволит сотрудникам понимать сроки и приоритеты, а внедрение таких систем управления, как Trello, Asana, дает возможность контролировать выполнение этих задач. А проведение регулярных планерок или опросов среди сотрудников позволит избежать конфликтов и выявить и устранить возможные проблемы. Также необходима разработка комплексной маркетинговой стратегии, направленной на повышение узнаваемости бренда АХЛ, привлечение новых болельщиков и популяризацию хоккея в Армении. Развитие сотрудничества с международными спортивными лигами и организациями для обмена опытом, блогерами, спортивными медиа может повысить статус и привлекательность лиги.

Экономические и организационные проблемы АХЛ ограничивают ее развитие, однако они решаемы с помощью комплексного подхода. Развитие инфраструктуры, привлечение финансирования, создание профессиональной организационной структуры, внедрение эффективных маркетинговых стратегий способны существенно улучшить состояние лиги и способствовать ее продвижению и росту. Своевременные действия в данных направлениях помогут сделать АХЛ более привлекательной и конкурентоспособной в глазах как игроков, так и болельщиков.

Авторами был проведен SWOT-анализ Армянской хоккейной лиги (см. табл. 2), который отражает ключевые внутренние и внешние факторы, влияющие на развитие бренда.

Таблица 2. SWOT-анализ АХЛ
Table 2. SWOT-analysis of the AHL

Сильные стороны	Возможности
Формирование национального хоккейного бренда. Поддержка со стороны диаспоры и международных партнеров. Рост хоккейной инфраструктуры. Активное развитие молодежных программ. Монополия в стране. Высокий уровень привлекательности и имидж	Участие в чемпионатах мира по хоккею с шайбой. Осведомленность общественности в сфере хоккея. Привлечение инвестиций со стороны правительства и международных организаций. Участие в международных турнирах в разных странах. Формирование новой маркетинговой стратегии. Развитие спортивного маркетинга и брендинга за счет цифровых платформ
Слабые стороны	Угрозы
Отсутствие финансирования и инвестиций со стороны правительства и иных организаций. Низкая узнаваемость бренда. Неэффективная цифровая стратегия. Небольшая аудитория болельщиков. Отсутствие сотрудничества с благотворительными организациями	Приостановление деятельности лиги из-за отсутствия финансирования. Отсутствие поддержки со стороны государства. Высокая конкуренция с другими видами спорта в стране. Ухудшение экономического состояния и инфраструктуры. Нестабильность интереса аудитории

К основным сильным сторонам относятся рост популярности хоккея в стране и активная цифровая стратегия. Среди слабых сторон – ограниченное финансирование и инфраструктурные барьеры. Угрозы связаны с нестабильной экономической ситуацией и низкой

вовлеченностью региональных аудиторий, а возможности заключаются в расширении молодежных программ, международной интеграции и партнерских проектах с диаспорой.

Однако развитие хоккея в Армении невозможно рассматривать вне контекста правовой базы и государственного регулирования, оказывающего непосредственное воздействие на деятельность спортивных организаций, включая Армянскую хоккейную лигу. Несмотря на рост интереса к хоккею и активизацию усилий со стороны частных инициатив, институциональная среда по-прежнему остается слабо сформированной, что существенно ограничивает возможности масштабного развития бренда АХЛ.

На уровне нормативно-правовой базы хоккей, как и другие виды спорта, регулируется Законом Республики Армении «О физической культуре и спорте» (принят Национальным собранием 09.10.2001), а также различными нормативными актами и программами, разрабатываемыми Министерством образования, науки, культуры и спорта. Однако в настоящее время отсутствует специальная государственная программа, направленная на развитие зимних видов спорта, включая хоккей. Это затрудняет системное финансирование лиги, ограничивает возможности строительства инфраструктуры и сдерживает реализацию программ по подготовке молодежи и тренерских кадров.

Взаимодействие АХЛ с государственными органами находится на начальном этапе. В отличие от федераций по шахматам или борьбе, которые традиционно пользуются приоритетной поддержкой, хоккей не входит в перечень видов спорта, имеющих стратегическое значение для национального имиджа. Это снижает шансы лиги на получение целевых грантов, несмотря на ее активные усилия по популяризации спорта в стране.

На международной арене Армения остается членом Международной федерации хоккея (ИИХФ), что предоставляет лиге возможности для участия в программах спортивной дипломатии и интеграции в мировое хоккейное сообщество. Однако полноценное участие в международных инициативах требует повышения организационной зрелости и наличия стабильной государственной поддержки.

В текущих условиях важнейшей задачей становится институционализация деятельности АХЛ: развитие механизмов взаимодействия с государством, подготовка заявок на международное финансирование интересов АХЛ в соответствующих органах власти. Положительным примером может служить включение лиги в проведение Панармянских игр и признание лиги организацией, которая уполномочена на проведение чемпионатов Армении. Это свидетельствует о потенциале укрепления ее правового статуса и институциональной устойчивости.

Таким образом, институционально-правовая поддержка является одним из ключевых факторов, определяющих будущее АХЛ как бренда. Формирование устойчивого сотрудничества между лигой и государственными структурами может стать движущей силой для нового этапа развития хоккея в стране и повышения авторитета спортивной организации на национальном и международном уровнях.

Развитие спортивного бренда в наше время невозможно без анализа текущего состояния лиги, ее популярности среди целевой аудитории, конкурентоспособности на рынке и эффективности маркетинговых стратегий. Проведем анализ ключевых метрик развития Армянской хоккейной лиги как бренда: численность команд, охваты, цифровые коммуникации, коммерческая активность и сравнение с похожими лигами. Анализ сопровождается расче-

тами ROI (показатель рентабельности инвестиций, который оценивает, насколько выгодно вкладывать деньги в ту или иную маркетинговую кампанию или проект. Рассчитывается по формуле: $ROI = ((\text{доход от вложений} - \text{сумма вложений}) / \text{сумма вложений}) \times 100 \%$) и CPL (маркетинговый показатель, обозначающий среднюю стоимость привлечения одного потенциального клиента (лида), т. е. пользователя, который проявил интерес и оставил свои контактные данные. Его рассчитывают, разделив общие затраты на рекламу на количество полученных лидов за определенный период). Это позволяет оценить как экономическую эффективность бренда, так и эффективность цифрового продвижения.

АХЛ за последние два года продемонстрировала значительный рост по всем показателям. С момента основания единственной команды «Львы» количество участников в регулярном чемпионате увеличилось до четырех, включив команды «Перцы», «Пюник» и БКМА. Также появилась команда сборной Армении, которая и представляла страну на чемпионате мира. В сезоне в основном проводится 50–60 матчей, что свидетельствует о расширении лиги и повышении в стране интереса к хоккею.

Посещаемость матчей АХЛ варьируется от 100 до 150 зрителей, в зависимости от участвующих команд. На турнирах и чемпионатах число зрителей достигает 1500–2000 чел., что указывает на растущий интерес болельщиков к этому виду спорта в стране. Эта положительная динамика подтверждается не только статистикой посещений, но и активной цифровой вовлеченностью.

Как было отмечено ранее, лига активно использует цифровые платформы для продвижения и взаимодействия с аудиторией. Суммарное количество подписчиков в различных социальных сетях составляет: Instagram¹ – 7100 подписчиков (4 аккаунта); Facebook¹ – 3800 подписчиков (2 аккаунта); Telegram – 1570 подписчиков; Youtube² – 1860 подписчиков; Tiktok: 1350 подписчиков.

В среднем охват публикаций варьируется от 4 до 7 тыс. для обычных постов и достигает 30–100 тыс. для постов, связанных с турнирами и важными событиями. Особой популярностью пользуются короткие видеоролики (reels), что указывает на предпочтение аудиторией визуального контента.

Доступ на матчи АХЛ предоставляется бесплатно, что способствует привлечению широкой зрительской аудитории. На текущий момент лига не имеет внешних спонсоров, финансирование осуществляется лишь президентом организации. Доходы от реализации атрибутики составляют приблизительно 100 тыс. руб. ежемесячно, что говорит о значительном интересе болельщиков к поддержке команд через приобретение сувенирной продукции.

Несмотря на ограниченное финансирование, АХЛ демонстрирует положительный ROI. Среднемесячные расходы на digital-продвижение (включая съемки, рекламу и таргетинг) составляют около 50 тыс. руб. При этом продажи атрибутики и медиаподдержка обеспечивают частичное покрытие затрат. Это свидетельствует о том, что даже при ограниченном бюджете лига способна добиваться эффективного результата за счет продуманной стратегии. Для наглядной оценки эффективности цифрового продвижения АХЛ представлена табл. 3, содержащая финансовые показатели и комментарии к ним.

¹ Социальные сети, запрещенные на территории Российской Федерации с 21 марта 2022 г. Принадлежат экстремистской организации.

² Роскомнадзор ограничил работу хостинга в Российской Федерации в связи с нарушением законодательства.

Таблица 3. ROI цифрового продвижения АХЛ
Table 3. ROI of AHL digital promotion

Показатель	Значение	Комментарий
Ежемесячные расходы	50 000 руб.	Контент, реклама
Доходы от атрибутики	100 000 руб.	Средний показатель
ROI	0,5 (50 %)	$ROI = (П - З) / З$
Косвенный эффект	Рост узнаваемости бренда	Увеличение охвата и вовлеченности

Также для оценки эффективности целесообразно рассчитать показатель CPL – стоимости привлеченного подписчика (лида) (см. табл. 4).

Таблица 4. CPL по соцсетям АХЛ
Table 4. CPL for AHL social media

Платформа	Затраты на продвижение (оценка), руб.	Количество подписчиков	CPL (руб./лид)
Instagram	25 000	7100	~3,52
Facebook	10 000	3800	~2,63
Telegram	5000	1570	~3,18
YouTube	5000	1860	~2,69
TikTok	5000	1350	~3,70

Показатели CPL для АХЛ находятся в пределах 2,6–3,7 руб., что является экономически эффективным результатом для спортивного non-profit-бренда на начальной стадии развития.

Для оценки конкурентоспособности целесообразно провести сравнительный анализ с аналогичными по уровню развития хоккейными лигами, такими как турецкая и грузинская. Эти лиги также находятся на стадии активного развития и сталкиваются с характерными для данной сферы вызовами и проблемами. Несмотря на то, что хоккей в Турции и Грузии имеет более длительную историю, чем в Армении, именно АХЛ показывает самые высокие темпы роста интереса аудитории.

В Турции хоккейная лига существует с 1993 г. и включает в себя 8 команд, но средняя посещаемость матчей остается на уровне 200–350 чел., а на финальных стадиях – около 3000 зрителей.

В Грузии, где хоккейная лига была основана в 2007 г. и насчитывает всего одну команду, на обычных матчах посещаемость колеблется в диапазоне от 100 до 150 чел., а на финальных играх может достигать 2000 зрителей.

В Армении лига существует всего два года, но при этом наблюдается значительный интерес со стороны болельщиков. Результат посещаемости матчей является наивысшим среди всех трех лиг. Таким образом, даже при отсутствии длительной истории АХЛ привлекает значительно больше зрителей, что говорит о высоком потенциале лиги в будущем.

Несмотря на то, что у турецкой лиги почти в четыре раза больше подписчиков, а в грузинской лиге официально только одна команда, они практически не ведут социальные сети: посты публикуются нерегулярно, отсутствует контент-стратегия, освещение матчей на низком уровне, видеоконтент совсем не используется. В контексте продвижения своих ресурсов АХЛ демонстрирует более прогрессивный подход по сравнению с другими лигами. Ключевым преимуществом является акцент на видеоконтент, онлайн-трансляции, подробное освещение матчей и мероприятий, что значительно увеличивает охваты и привлекает новую аудиторию.

Кроме того, в отличие от Турции, где билеты на матчи стоят от 5 до 15 долл., в Армении вход на игры остается бесплатным, несмотря на большие затраты. Однако высокий интерес зрителей к чемпионатам позволяет в будущем рассматривать монетизацию посещаемости как один из способов финансирования лиги.

Заключение. Спортивный брендинг – это комплексная система, сочетающая в себе эмоциональные, культурные, визуальные и поведенческие компоненты, интегрированные в единую маркетинговую стратегию. Его ключевые характеристики включают высокий уровень вовлеченности аудитории, эмоциональную привязанность болельщиков, символическую насыщенность, динамичность и необходимость постоянного адаптационного процесса, влияние digital-коммуникации, социальное и культурное влияние. Эти особенности определяют специфику управления брендом в сфере спорта, отличая ее от традиционного коммерческого маркетинга.

Подводя итог, следует отметить, что Армянская хоккейная лига уже сейчас демонстрирует высокие темпы развития как спортивная организация и как бренд. Применение экономических показателей, таких как ROI и CPL, позволяет утверждать, что цифровая активность АХЛ эффективна и дает устойчивый результат. Конкурентное сравнение также подтверждает, что лига занимает лидирующие позиции среди развивающихся хоккейных проектов. В совокупности с ростом вовлеченности, узнаваемости и коммерческой активности это создает устойчивый фундамент для дальнейшего спортивного роста и развития бренда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мещеряков Т. В., Окольников И. Ю., Никифорова Г. Ю. Бренд как коммуникативный капитал // Проблемы современной экономики. 2011. № 1 (37). С. 149–153.
2. Акинина Р. Д., Гонашвили А. С., Кирсанова Н. П. Социокультурная динамика восприятия итальянских брендов в России // Дискурс. 2021. Т. 7, № 3. С. 52–64. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-3-52-64>.
3. Костиков В. Ю. Брендинг в спорте: концептуальные основы // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15, № 1 (144). С. 54–63. DOI: [10.17922/2071-3665-2016-15-1-54-63](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2016-15-1-54-63).
4. Титов В. В., Хаметов Э. Ш. Спорт как инструмент формирования национально-государственной идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 214–221.
5. Aaker D. A. Building Strong Brands. NY: Free Press, 1996.
6. Gladden J. M., Funk D. C. Understanding Brand Loyalty in Professional Sport: Examining the Link Between Brand Associations and Brand Loyalty // Int. J. of Sports Marketing and Sponsorship. 2001. Vol. 3, iss. 1. P. 54–81. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSMS-03-01-2001-B006>.
7. Райс Э., Траут Д. Маркетинговые войны / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
8. Olins W. The Brand Handbook. London: Thames and Hudson Limited, 2008.
9. Handbook in sport marketing / Chadwick S., Chanavat N., Desbordes M. (eds.). 2nd ed. London: Routledge, 2017.
10. Rein I. J. The Elusive Fan: Reinventing Sports in a Crowded Marketplace. NY: McGraw-Hill, 2006.
11. Гореликов В. А., Братков К. И. Маркетинговые продукты в спорте как инструменты конкурентной борьбы в индустрии спорта // Современная конкуренция. 2020. Т. 14, № 4 (80). С. 25–39. DOI: [10.37791/1993-7598-2020-14-4-25-39](https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-4-25-39).
12. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2003.
13. Alferova A. The Social Responsibility of Sports Teams // Emerging Joint and Sports Sciences. 2024. URL: <https://emergingpub.com/index.php/ejss/article/view/27/14> (дата обращения: 08.08.2025).

14. Coombs W. T. Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding. 2nd ed. LA: SAGE Publications, 2007.

15. Karg A., Funk D. Strategic Sport Marketing. 4th ed. London: Routledge, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003117483>.

16. Филиппов С. С. Менеджмент физической культуры и спорта: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.

17. Лебедева А. Р., Саввина А. Е., Канев В. А. Анализ рекламного продвижения на примере Армянской хоккейной лиги // Труды Евразийского научного форума: сб. науч. ст. СПб.: Ун-т при МПА ЕврАзЭС, 2025. Ч. V. С. 143–151.

Информация об авторах.

Лебедева Ангелина Романовна – SMM-менеджер Армянской хоккейной лиги, пр. Саят-Новы, д. 19/1, оф. 128, Ереван, 95049, Армения. Сфера научных интересов: социология спорта, брэндинг.

Кирсанова Наталия Павловна – кандидат социологических наук (2006), доцент (2022), декан факультета бизнес-коммуникаций Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 40 научных публикаций, в том числе двух монографий. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, социология образования, цифровизация образования.

Гонашвили Александр Сергеевич – кандидат социологических наук (2022), доцент кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), Московский пр., д. 26, Санкт-Петербург, 190013, Россия; помощник проректора по научной работе Университета при МПА ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 140 научных публикаций, в том числе двух монографий. Сфера научных интересов: социология спорта, экономическая социология, социология неравенства, межкультурные коммуникации.

Глухих Владимир Александрович – кандидат философских наук (1984), доцент (1991), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, этносоциология.

Вклад авторов.

Лебедева Ангелина Романовна – концепция исследования, написание исходного текста, развитие методологии, участие в разработке материалов для исследования, сбор эмпирических материалов, доработка текста.

Кирсанова Наталия Павловна – развитие методологии, участие в разработке материалов для исследования, доработка текста.

Гонашвили Александр Сергеевич – развитие методологии, итоговые выводы.

Глухих Владимир Александрович – подготовка текста.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.09.2025; принята после рецензирования 31.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Meshcheryakov, T.V., Okolnishnikova, I.Yu. and Nikiforova, G.Yu. (2011). "Brand as a type of communicative capital", *Problems of modern economics*, no. 1 (37), pp. 149–153.
2. Akinina, R.D., Gonashvili, A.S. and Kirsanova, N.P. (2021), "Sociocultural Dynamics of Perception of Italian Brands in Russia", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 3, pp. 52–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-52-64.
3. Kostikov, V.Yu. (2016), "Branding in Sport: a Conceptual Framework", *Social Policy and Sociology*, vol. 15, no. 1 (144), pp. 54–63. DOI: 10.17922/2071-3665-2016-15-1-54-63.
4. Titov, V.V. and Khametov, E.Sh. (2019), "Sport as a tool of formation of national-state identity", *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 3, pp. 214–221.
5. Aaker, D.A. (1996), *Building Strong Brands*, Free Press, NY, USA.
6. Gladden, J.M. and Funk, D.C. (2001), "Understanding Brand Loyalty in Professional Sport: Examining the Link Between Brand Associations and Brand Loyalty", *Int. J. of Sports Marketing and Sponsorship*, vol. 3, iss. 1, pp. 54–81. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSMS-03-01-2001-B006>.
7. Ries, A. and Trout, J. (2004), *Marketing Warfare*, Transl., Alpina Business Books, Moscow, RUS.
8. Olins, W. (2008), *The Brand Handbook*, Thames and Hudson Limited, London, UK.
9. Chadwick, S., Chanavat, N. and Desbordes, M. (eds.) (2017), *Handbook in sport marketing*, 2nd ed., Routledge, London, UK.
10. Rein, I.J. (2006), *The Elusive Fan: Reinventing Sports in a Crowded Marketplace*, McGraw-Hill, NY, USA.
11. Gorelikov, V.A. and Bratkov, K.I. (2020), "Marketing products in sports as competitive instruments in the sports industry", *J. of Modern Competition*, vol. 14, no. 4 (80), pp. 25–39. DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-4-25-39.
12. Vartanova, E.L. (2003), *Mediaekonomika zarubezhnykh stran* [Media Economy of Foreign Countries], Aspect Press, Moscow, RUS.
13. Alferova, A. (2024), "The Social Responsibility of Sports Teams", *Emerging Joint and Sports Sciences*, available at: <https://emergingpub.com/index.php/ejss/article/view/27/14> (accessed 08.08.2025).
14. Coombs, W.T. (2007), *Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding*, 2nd ed., SAGE Publications, LA, USA.
15. Karg, A. and Funk, D. (2014), *Strategic Sport Marketing*, 4th ed., Routledge, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003117483>.
16. Filippov, S.S. (2025), *Menedzhment fizicheskoi kul'tury i sporta* [Management of physical culture and sports], 6th ed., Yurait, Moscow, RUS.
17. Lebedeva, A.R., Savvina, A.E. and Kanev, V.A. (2025), "Review of advertising promotion by example of the Armenian Hockey", *Scientific Works of the Eurasian Scientific Forum*, Univ. associated with IA EAEC, SPb., part. V, pp. 143–151.

Information about the authors.

Angelina R. Lebedeva – SMM-Manager of the Armenian Hockey League, 19/1 Sayat-Nova ave., office 128, Yerevan 95049, Armenia. Area of expertise: sociology of sports, branding.

Nataliya P. Kirsanova – Can. Sci. (Sociology, 2006), Docent (2022), Dean of the Faculty of Business Communications, University associated with IA EAEC, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: intercultural communication, sociology of education, digitalization of education.

Aleksandr S. Gonashvili – Can. Sci. (Sociology, 2022), Associate Professor at the Department of Sociology, Saint Petersburg State Institute of Technology, 26 Moskovsky ave., St Petersburg 190013, Russia; Assistant Vice-Rector for Research, University associated with IA EAEC, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg, 194044, Russia. The author of more than 140 scientific publications. Area of expertise: sociology of sport, economic sociology, sociology of inequality, intercultural communications.

Vladimir A. Glukhikh – Can. Sci. (Philosophy, 1984), Docent (1991), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, ethnosociology.

Author's contribution.

Angelina R. Lebedeva – research concept, writing of the source text, development of methodology, participation in the development of research materials, collection of empirical materials, revision of the text.

Natalia P. Kirsanova – development of methodology, participation in the development of research materials, revision of the text.

Aleksandr S. Gonashvili – development of methodology, final conclusions.

Vladimir A. Glukhikh – text preparation.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.09.2025; adopted after review 31.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья
УДК 316.4.063.3; 479.24(470.345)
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-94-107>

Особенности интеграции азербайджанской диаспоры в региональном сообществе (на примере Республики Мордовия)

Ольга Николаевна Барина¹✉, Ольга Николаевна Кузина²

^{1, 2}Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

¹✉ bolgarri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3527-455X>

²olga-kyzina86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6601-5117>

Введение. В настоящее время особую значимость приобретают исследования, направленные на изучение интеграции диаспор в принимающем сообществе. Цель статьи – изучение особенностей интеграции представителей азербайджанской диаспоры через призму социально-культурных, общественно-политических поведенческих практик этнического сообщества. Объект исследования – члены азербайджанской диаспоры, которые проживают в Республике Мордовия, включая граждан РФ азербайджанской национальности и азербайджанцев, не имеющих российского гражданства и ВНЖ в РФ. Исследуемая проблематика статьи основана на данных за 2024 г., проводится сопоставление с данными за 2017 г.

Методология и источники. Социально-культурные особенности интеграции характеризуются степенью вовлеченности представителей азербайджанской диаспоры в жизнедеятельность общества. В рамках данной статьи особенности интеграции измеряются рядом показателей: использование родного (национального) языка в коммуникациях и степень владения русским языком, социальная идентичность диаспоры, ценностные ориентации и др. В исследовании степени общественно-политической интеграции азербайджанской диаспоры сделан акцент на участии азербайджанцев в социально значимых мероприятиях.

Результаты и обсуждение. Исследование базируется на результатах социологического опроса, проведенного в 2024 г. ГКУ РМ «НЦСЭМ» среди представителей азербайджанской диаспоры (n = 274, целевая выборка). Для сопоставления результатов задействованы сведения аналогичного исследования, проведенного в 2017 г. (n = 100, целевая выборка). Раскрыта специфика социально-культурных и общественно-политических установок представителей азербайджанской диаспоры.

Заключение. Об успешности интегративных процессов представителей азербайджанской диаспоры, проживающих на территории Мордовии, свидетельствует ряд факторов: активно формирующаяся общероссийская идентичность, вовлеченность в коммуникативное общение посредством использования русского языка, схожесть базовых ценностей, участие в значимых общественно-политических мероприятиях и пр. При значительном уровне интеграции азербайджанская диаспора демонстрирует высокую степень внутренней сплоченности.

Ключевые слова: азербайджанская диаспора, мигранты, азербайджанцы, интеграция, социальная идентичность

© Барина О. Н., Кузина О. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Баринова О. Н., Кузина О. Н. Особенности интеграции азербайджанской диаспоры в региональном сообществе (на примере Республики Мордовия) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 94–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-94-107.

Original paper

Peculiarities of Integration of the Azerbaijani Diaspora in the Regional Community (on the Example of the Republic of Mordovia)

Olga N. Barinova¹✉, Olga N. Kuzina²

^{1, 2}*Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia*

¹✉ bolgarri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3527-455X>

²olga-kyzina86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6601-5117>

Introduction. Currently, research aimed at studying the integration of diasporas in the host community is becoming particularly important. The purpose of the article is to study the features of integration of representatives of the Azerbaijani diaspora through the prism of socio-cultural, socio-political behavioral practices of the ethnic community. The object of the study is members of the Azerbaijani diaspora who live in the Republic of Mordovia, including citizens of the Russian Federation of Azerbaijani nationality and Azerbaijanis who do not have Russian citizenship and a residence permit in the Russian Federation. The research topic of the article is based on data for 2024, compared with data for 2017.

Methodology and sources. The socio-cultural features of integration are characterized by the degree of involvement of representatives of the Azerbaijani diaspora in the life of society. In this article, the features of integration are measured by a number of indicators: the use of the native (national) language in communications and the degree of proficiency in the Russian language, the social identity of the diaspora, value orientations, etc. The study of the degree of socio-political integration of the Azerbaijani diaspora focuses on the participation of Azerbaijanis in socially significant events.

Results and discussion. The study is based on the results of a sociological survey conducted in 2024 by the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring State Institution of the Republic of Mordovia among representatives of the Azerbaijani Diaspora (n = 274, target sample). In order to compare the results, information from a similar study conducted in 2017 (n = 100, target sample) is used. The specifics of socio-cultural and socio-political attitudes of representatives of the Azerbaijani diaspora are revealed.

Conclusion. A number of factors attest to the success of the integration processes of representatives of the Azerbaijani diaspora living in the territory of Mordovia: actively forming all-Russian identity, active involvement in communication through the use of the Russian language, similarity of basic values, participation in significant socio-political events, etc. With a significant level of integration, the Azerbaijani diaspora demonstrates a high degree of internal cohesion.

Keywords: Azerbaijani diaspora, migrants, Azerbaijanis, integration, social identity

For citation: Barinova, O.N. and Kuzina, O.N. (2025), "Peculiarities of Integration of the Azerbaijani Diaspora in the Regional Community (on the Example of the Republic of Mordovia)", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 94–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-94-107 (Russia).

Введение. В Мордовии – полиэтническом регионе, вопросы развития и интеграции этнических групп становятся актуальными из-за изменений в демографии, возрождения традиций и роста этнической мобильности. Исследование азербайджанской диаспоры – одной
Особенности интеграции азербайджанской диаспоры в региональном сообществе (на примере Республики Мордовия) 95
Peculiarities of Integration of the Azerbaijani Diaspora in the Regional Community (on the Example of the Republic of Mordovia)

из старейших в регионе, может выявить проблемные аспекты этноконфессиональных взаимодействий внутри региона. В конце XX – начале XXI вв. численность азербайджанской диаспоры в Мордовии стабилизировалась, достигнув к 2021 г. 627 чел. [1]. Аналогичная тенденция наблюдается и в России в целом. В 2002 г. в ней проживали 621 тыс. азербайджанцев, в 2010 г. их число сократилось до 603 тыс., а к 2021 г. составило 474 тыс. чел. [2].

Азербайджанские мигранты попадали в Мордовию из таких городов, как Дербент, Тбилиси, ряда населенных пунктов Армении, Азербайджанской республики: городов Али-Байрамлы, Баку, Сумгаит, Шамкир, Шеки; Агдамский, Белоканский, Варднинский, Газахский, Гекчайский, Дивичинский, Закаталинский, Карабахский, Кедабекский, Кельбаджарский, Кубинский, Лачинский, Ленкоранский, Мардакертский, Масаллинский, Нахичеванский, Орджоникидзевский, Сабирабадский, Саатлинский, Сердобский, Хачмазский, Ширирский районы и др. [3, с. 52].

Среди основных причин (данные социологических опросов 2024 г.) миграционной мотивации азербайджанцев отмечены экономические: устройство на работу (46 %), получение профессионального образования (34 %), по рекомендации тех, кто уже проживает в Мордовии (26 %) [4, с. 316].

Географическое расселение азербайджанцев в регионе неравномерно. По данным переписи населения за 2021 г., в городской местности проживает 416 представителей этнической группы, в сельской их численность составляет 211 чел. [1, с. 3]. При этом азербайджанцы пребывают преимущественно в ГО Саранск, г. Рузаевке, в сельской местности на территориях муниципальных районов (Атюрьевского, Большеигнатовского, Ковылкинского, Ромодановского и др.) [5, с. 285].

В контексте демографической структуры этнической группы азербайджанцев, проживающих на территории Республики Мордовия, наблюдается выраженный гендерный дисбаланс. Среди 627 представителей диаспоры преобладают мужчины – 423 чел., женщин примерно в 2 раза меньше (204 чел.) [1, с. 3].

Большая часть азербайджанцев Мордовии (73 %) непосредственно включена в трудовые отношения: 54 % являются наемными работниками, 19 % – предпринимателями [6, с. 7].

В условиях глобализации миграция ускорилась по многим причинам, что делает диаспоры все более важными в современном мире [7, с. 297]. Возрастание социальной, профессиональной мобильности с применением различных форм информационных и транспортных коммуникаций ведет к росту числа людей, ведущих экономически активный образ жизни не только в стране проживания, но и в стране исхода.

Активизация миграционных потоков в последние годы актуализирует исследование связанных с ними процессов этнической интеграции.

В научной среде термин «интеграция» означает объединение нескольких элементов в единую систему посредством установления между ними новых связей. Процесс интеграции мигрантов, как полагают С. А. Сарыглар, С. Г. Максимова, это «полное включение мигранта в различные сферы жизни принимающего сообщества, двусторонний процесс, основанный на беспрепятственном функционировании в обществе прав, свобод и обязанностей мигрантов и местного населения» [8, с. 15].

Применительно к полиэтническому обществу процесс интеграции может осуществляться разными путями.

96 Особенности интеграции азербайджанской диаспоры в региональном сообществе (на примере Республики Мордовия)
Peculiarities of Integration of the Azerbaijani Diaspora in the Regional Community (on the Example of the Republic of Mordovia)

Теория ассимиляции предусматривает «курс на стирание этнокультурной неоднородности принимающего общества, который опирается на так называемый этнический дальтонизм, не различающий цвета кожи и формально считающий равными разные расы и этносы» [9, с. 130].

В контексте данного типа интеграции этнические диаспоры в обществе проживания теряют или совсем утрачивают свою этнокультурную самобытность. «Ассимиляция – это одна из форм аккультурации, в соответствии с чем происходит полное усвоение ценностей другой культуры и отказ от собственных норм и ценностей, целью которой является культурный плюрализм» [10, с. 375].

Модель «мультикультурализм», напротив, предполагает разнообразие и благоприятные условия существования различных этнических групп, создание условий правовой, социально-экономической поддержки этносов, реализацию интеграционных мероприятий. Ряд зарубежных авторов так определяют мультикультурализм: Р. Брубейкер интерпретирует его как потенциальную угрозу для консолидации национального единства, Т. Модуд – как «расширение концепции национального гражданства и национализма», Г. Терборн одним из важнейших принципов мультикультурализма называет «гарантии индивидам и группам сохранения культурной идентичности и особенностей» [10, с. 375].

Российскими исследователями процессы «этнической интеграции рассматриваются с позиции интеркультурализма во взаимосвязи межкультурного диалога, гибкости идентичности и чувства единства, представляемый как альтернатива мультикультурализму» [10, с. 373]. Кроме этого, внимание ученых привлечено к трактовкам подходов голландских и немецких авторов к изучению интеграции мигрантов в принимающем сообществе с позиций таких сфер анализа, как политико-правовая, социально-экономическая и культурно-идентификационная [11].

Исследованию протекания межэтнических процессов в Мордовии посвящен ряд работ. Изучение межкультурного и общественно-политического взаимодействия этнических диаспор на примере армянской отражены в работе Л. Н. Курышовой, Е. С. Рунковой «Социальное самочувствие армянской диаспоры, проживающей в Республике Мордовия» [12]. В статье С. Г. Ушкина «Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации» рассматриваются вопросы состояния этноконфессиональной ситуации на территории Мордовии, описывается характер взаимодействия этнических мигрантов и принимающего сообщества, делаются выводы на основе данных исследования за 2017–2019 гг. [13]. Проблемы этнических мигрантов рассмотрены в работе Л. И. Никоновой, А. А. Шевцовой «Адаптационные стратегии азербайджанских мигрантов в Мордовии». Авторы указывают на проблемы и риски этнокультурной адаптации азербайджанских мигрантов в иноэтническом окружении. Подчеркивается что, «этническая идентичность превалирует над гражданской и региональной, хотя в большинстве опрошенные считают Мордовскую землю своей второй родиной» [5, с. 288]. Характеристики социального самочувствия представителей азербайджанской диаспоры, проживающих в Мордовии, отражены в работе О. Н. Курмышкиной, где рассмотрена система их ценностных ориентаций, рейтинг социальных проблем, отношение к власти, личные ожидания ближайшего будущего [14].

Настоящее исследование строится на концепции мультикультурализма, которая представляет собой модель гармоничного сосуществования граждан разных этнических и куль-

турных традиций в рамках одного государства. Указанная концепция предполагает предоставление равных прав для всех жителей, уважение к их этническим и культурным особенностям, а также создание условий для сохранения самобытности каждой этнической группы.

Для изучения особенностей интеграции азербайджанской диаспоры в полиэтническом сообществе Республики Мордовия определены следующие критерии: использование родного (национального) языка в повседневной коммуникации, владение русским языком, социальная идентичность диаспоры, ценностные ориентации и другие аспекты, а также участие в политических и культурно-массовых мероприятиях и проектах.

Объект исследования – члены азербайджанской диаспоры, которые проживают в Республике Мордовия, включая граждан РФ азербайджанской национальности и азербайджанцев, не имеющих российского гражданства и ВНЖ в РФ. Цель статьи – изучение особенностей интеграции представителей азербайджанской диаспоры через призму социально-культурных, общественно-политических поведенческих практик этнического сообщества. Предмет – особенности интеграции представителей азербайджанской диаспоры в принимающее сообщество (формирование общероссийской идентичности, высокая степень вовлеченности в коммуникативное общение, участие в значимых общественно-политических мероприятиях и др.).

Методология и источники. В рамках исследования под термином «диаспора» авторы понимают «этнокультурное сообщество за пределами исторической родины с развитыми институтами самовоспроизводства (школы, религиозные организации)» [12, с. 150]. Характеристиками интеграции диаспоры являются показатели социально-культурных и общественно-политических установок азербайджанцев.

Исследование базируется на результатах социологического опроса (2024 г.), проведенного государственным казенным учреждением Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». Опрошено 274 респондента – члены азербайджанской диаспоры. Отбор участников опроса осуществлялся посредством региональных диаспоральных сетей, применен метод «снежного кома», выборка целевая. Для сопоставления результатов были задействованы сведения аналогичного исследования, проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» в 2017 г. (n = 100, целевая выборка).

В рамках исследования сформулированы следующие гипотезы:

- 1) азербайджанская диаспора в Республике Мордовия в достаточной степени интегрирована в местное сообщество;
- 2) успешное включение азербайджанцев в местное сообщество обусловлено высоким усвоением русского языка, активно формирующейся общероссийской идентичностью и активным участием в социально значимых мероприятиях;
- 3) при значительном уровне интеграции азербайджанская диаспора демонстрирует высокую степень внутренней сплоченности.

Результаты и обсуждение.

Социально-культурные установки. Социально-культурная интеграция характеризуется значительной степенью вовлеченности представителей азербайджанской диаспоры, в том числе мигрантов из числа ее представителей, в жизнедеятельность общества, измеряемой рядом показателей: использование родного (национального) языка в коммуникациях и владение русским языком, социальная идентичность диаспоры, ценностные ориентации и др.

Для значительной части представителей азербайджанской диаспоры характерно хорошее знание обоих языков: азербайджанского и русского. Так, свободное владение русским языком отмечают 91 % опрошенных, азербайджанским – 81 % (табл. 1). Отмечается несущественность различий владения русским языком в зависимости от возраста и пола внутри диаспоры, что может свидетельствовать о схожести установок коммуникативного поведения.

Таблица 1. В какой степени Вы владеете русским/азербайджанским языком? (%)
Table 1. To what extent do you speak Russian/Azerbaijani? (%)

Варианты ответов	Русский	Азербайджанский
Свободно говорю, читаю и пишу	91	81
Свободно говорю, но не читаю и не пишу	8	14
Понимаю, но не говорю	1	3
Не владею языком	0	2

Отмечается положительная динамика уровня знания родного языка среди азербайджанцев (табл. 2). По сравнению с 2017 г. доля респондентов, свободно владеющих азербайджанским языком, выросла на 12 п.п. [4, с. 318].

Таблица 2. В какой степени Вы владеете азербайджанским языком? (%)
Table 2. To what extent do you speak Azerbaijani? (%)

Варианты ответов	2017 г.	2024 г.
Свободно говорю, читаю и пишу	69	81
Свободно говорю, но не читаю и не пишу	15	14
Понимаю, но не говорю	6	3
Не владею языком	10	2

В коммуникациях азербайджанцев наблюдается билингвизм (табл. 3). Преимущественно его проявления наблюдаются в общении с соседями/друзьями/родственниками (54 %), в семье/дома (40 %), реже в процессе учебы/работы (26 %). Доминирующая роль отводится русскому языку, преимущественно затрагивая сферы общения учебы/работы (73 %). В кругу семьи/дома общение, напротив, осуществляется преимущественно на родном (азербайджанском) языке (48 %).

Таблица 3. На каком языке Вы обычно говорите в семье/дома, с соседями/друзьями/родственниками, на учебе/работе? (%)
Table 3. What language do you usually speak in your family/at home, with neighbors/friends/relatives, at school/work? (%)

Варианты ответов	В семье/ дома	С соседями/друзьями/ родственниками	На учебе/ работе
Только на азербайджанском и в основном на азербайджанском	48	13	1
Примерно поровну – как на азербайджанском, так и на русском	40	54	26
В основном на русском и только на русском	12	33	73

Преобладающая роль русского языка отмечена в общении во время учебы/работы (табл. 4). Наиболее часто русский язык используют в общении молодежь – 89 %, 72 % представителей диаспоры среднего возраста, реже всего – в возрасте от 50 лет и старше – 60 %.

Таблица 4. На каком языке Вы обычно говорите на учебе/работе? (%)
Table 4. What language do you usually speak at school/work? (%)

Варианты ответов	Возраст:		
	от 18 до 29 лет	от 30 до 49 лет	от 50 лет и старше
Только на азербайджанском и в основном на азербайджанском	1	0	0
Примерно поровну – как на азербайджанском, так и на русском	10	28	40
В основном на русском и только на русском	89	72	60

Для представителей азербайджанской диаспоры процесс адаптации к условиям проживания в принимающем сообществе способствует формированию его идентичности. Так, по данным опроса 2024 г., доминирующая роль принадлежит общероссийской гражданской идентичности. Значительная доля представителей диаспоры ощущают себя в первую очередь жителями России (87 %) (табл. 5).

Таблица 5. Кем Вы себя ощущаете в первую очередь? (%)
Table 5. Who do you feel like in the first place? (%)

Варианты ответов	2017 г.	2024 г.
Жителем России	69	87
Жителем Республики Мордовия	23	64
Жителем родного города/села	3	5
Представителем азербайджанского сообщества	5	5
Представителем исламского сообщества	–	0
Другое	–	1

Региональная идентификация характеризует больше половины опрошенных представителей диаспоры – 64 % азербайджанцев считают себя жителями Республики Мордовия. В 2024 г., по сравнению с 2017 г., наблюдается изменения трансформации идентичностей азербайджанцев [13, с. 196]. Более выраженной стала региональная идентичность: почти в три раза увеличилась доля тех, кто считает себя жителем Мордовии (с 23 до 64 %). Усиление значимости региональной и сохранение доминирующей роли общероссийской идентичности представителей диаспоры выражают их представления о едином сообществе народов, населяющих Россию. Отметим, что успешная интеграция азербайджанцев в принимающее сообщество происходит благодаря относительно небольшому числу диаспоры. В отличие от крупных диаспор, в малых сообществах слабее межэтнические связи, что делает их более готовыми к сокращению межэтнической дистанции.

Реже всего представлена локальная и этническая идентичность. Около 5 % азербайджанцев ощущают себя в первую очередь жителями родного города/села и представителями азербайджанского сообщества.

Ценностные ориентиры являются важным смыслообразующим звеном формирования этнокультурного бытия этнических диаспор. Изменение и трансформация ценностных ориентиров является важным аспектом изучения интеграционных процессов, адаптационных стратегий национальных диаспор в условиях полиэтнического общества.

В системе наиболее значимых у азербайджанцев отмечаются традиционные жизненные ценности: здоровье (63 %) и семья (63 %). Стоит отметить единообразие ценностных установок с базовыми ценностями россиян, где они также являются одними из основных [15].

Также в основное ядро ценностных установок диаспоры входят: любовь (32 %), материальный достаток, богатство (26 %), интересная работа (25 %), образование (20 %) (табл. 6).

Таблица 6. Какие ценности являются для Вас наиболее значимыми? (%)
Table 6. Which values are most important to you? (%)

Варианты ответов	Всего, %	Пол:		Возраст:		
		мужской	женский	от 18 до 29 лет, %	от 30 до 49 лет, %	от 50 лет и старше, %
Здоровье	63	60	71	46	68	69
Семья	63	62	66	58	65	63
Любовь	32	22	57	29	34	27
Материальный достаток, богатство	26	25	29	20	30	23
Интересная работа	25	23	28	30	22	23
Образование	20	17	26	32	16	13
Гражданская активность	18	20	12	20	17	17
Религия	17	20	9	23	16	10
Национальные традиции	13	15	9	12	15	12
Патриотизм	12	14	8	14	13	8
Спокойная размеренная жизнь	10	9	13	3	11	19
Уважение окружающих	10	10	11	13	8	12
Демократия, свобода личности	9	8	9	7	6	17
Социальная справедливость	8	11	0	6	9	6
Свобода предпринимательства	4	4	3	4	3	6
Затрудняюсь ответить	1	2	1	6	0	0

Выбор ценностных ориентиров в зависимости от половозрастных характеристик опрошенных имеют некоторую специфику.

Так, ценности национально-культурного кода азербайджанцев в большей степени проявлены среди мужчин: гражданская активность (мужчины – 20 %, женщины – 12 %), религия (20 %, 9 %), национальные традиции (15 %, 9 %), патриотизм (14 %, 8 %). Любовь как ценность существенно чаще отмечена женщинами – 57 %, чем мужчинами – 22 %.

Для молодого поколения азербайджанцев более важными являются интересная работа (30 %) и образование (32 %). Это способствует созданию прочных социальных основ в перспективе, высокому уровню культурной интеграции азербайджанцев и их потомков в российское общество [16, с. 174]. Кроме этого, для данной группы более значим религиозный аспект ценностей (23 %). Респонденты среднего возраста (от 30 до 49 лет) больше ориентированы на достижения материального достатка, тогда как старшее поколение (от 50 лет и старше) – на спокойную размеренную жизнь (19 %).

Общественно-политические установки. Успешная интеграция азербайджанской диаспоры проявляется в активном участии в общественно-политических, культурно-массовых мероприятиях, способствующих развитию местного сообщества и укреплению социально-экономического потенциала региона.

Проживание в иноэтничной среде усиливает стремление членов диаспоры к сохранению своего языка и культурной самобытности. В этой связи эффективными формами взаимодействия выступают различные объединения, организации и общества. На территории республики действует Мордовская региональная общественная национально-культурная организа-

ция «Азербайджан». Выполняя культурно-просветительскую функцию, она является источником сохранения и возрождения культурных ценностей и традиций азербайджанцев, проживающих в Мордовии. В сообществе активно развиваются механизмы неформальной взаимопомощи (финансовой, трудоустройство и др.) членам своей диаспоры, что способствует адаптации и интеграции азербайджанцев в регионе.

Членов азербайджанской диаспоры, проживающих на территории Республики Мордовия, отличает активное участие в жизнедеятельности диаспоры. Так, подавляющее большинство респондентов (92 %) демонстрирует высокую степень вовлеченности в мероприятия, проводимые ею. Из них 52 % посещают мероприятия регулярно или часто, 40 % – иногда или очень редко (табл. 7).

Таблица 7. Как часто Вы принимаете участие в мероприятиях, проводимых Вашей диаспорой? (%)
Table 7. How often do you participate in events organized by your Diaspora? (%)

Варианты ответов	Всего	Пол:	
		мужской	женский
Практически всегда	22	27	11
Часто	30	32	25
Иногда	31	29	36
Очень редко	9	7	14
Совсем не принимаю участия	8	6	14

Представители мужского пола, в отличие от женского, проявляют значительную активность в мероприятиях, организуемых этническим сообществом. Данный феномен может быть обусловлен комплексом факторов, включающих культурные различия, социальные нормы и исторические традиции.

Основная масса опрошенных (79 %) готова обратиться за помощью к представителям своей диаспоры при возникновении трудностей. С 2017 г. доля таких респондентов выросла на 16 п.п. [4, с. 319]. Возможно, это связано с социально-экономическими и политическими процессами, такими как рост цен, колебания валют, визовые ограничения и специальная военная операция. В условиях растущей потребности во взаимопомощи обращение к диаспоре становится актуальным (табл. 8).

Таблица 8. Обратитесь ли Вы к представителям своей диаспоры, если попадете в трудную жизненную ситуацию? (%)
Table 8. Do you contact representatives of your diaspora if you find yourself in a difficult life situation? (%)

Варианты ответов	2017 г.	2024 г.
Да	63	79
Нет	21	10
Затрудняюсь ответить	16	11

Диаспора играет ключевую роль в социальной поддержке, ориентированной на мужчин. Это объясняется спецификой семейно-брачных отношений в традиционной азербайджанской семье, где доминирует мужчина как защитник и кормилец. Женщинам чаще помогают мужья или родственники, что снижает их потребность во внешних институтах.

С возрастом растет готовность обращаться за поддержкой к своей этнической группе. Это может обуславливаться возрастными изменениями (снижение социальной мобильности, потребность в стабильности) и социально-психологическими факторами (стремление сохранить культурную идентичность и укрепить чувство принадлежности) (табл. 9).

Таблица 9. Обратитесь ли Вы к представителям своей диаспоры, если попадете в трудную жизненную ситуацию? (%)

Table 9. Do you contact representatives of your diaspora if you find yourself in a difficult life situation? (%)

Варианты ответов	Пол:		Возраст:		
	мужской	женский	от 18 до 29 лет	от 30 до 49 лет	от 50 лет и старше
Да	84	67	65	82	89
Нет	8	17	13	9	8
Затрудняюсь ответить	9	16	22	8	4

В Мордовии азербайджанцы активно вовлечены и в политическую жизнь региона. Их участие особенно заметно в период выборов: 63 % представителей диаспоры принимают участие в голосовании, 20 % активно участвуют в избирательных кампаниях (табл. 10). Помимо электоральных процессов, азербайджанцы участвуют в местном самоуправлении и общественной жизни: 17 % работают в домовых комитетах и жилищных кооперативах, 14 % – в общественных организациях, что говорит об их стремлении к гражданскому участию и интеграции. Значительно реже готовы участвовать в дискуссиях в соцсетях и блогах – 5 %, а также в митингах, пикетах – 1 %.

Таблица 10. Укажите, в каких мероприятиях Вам приходилось участвовать за последний год (два и более ответа)

Table 10. Indicate what events you had to participate in over the past year (two or more answers)

Варианты ответов	%
В выборах	63
В избирательной кампании (сбор подписей, агитация, работа на избирательном участке)	20
В работе домкомов, жилищных кооперативов, местном общественном самоуправлении	17
В деятельности общественных организаций (правозащитных, экологических и т. д.)	14
В политических дискуссиях на страницах социальных сетей, блогов (постинг, репостинг, комментарии и т. п.)	5
В митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона	1
Не принимал участия	11
Затрудняюсь ответить	1

Молодежь и люди среднего возраста активно обсуждают политику в соцсетях. Цифровые платформы стали важным инструментом для выражения взглядов. С возрастом респонденты чаще участвуют в работе домовых комитетов и местного самоуправления, осознавая важность местных вопросов и проявляя гражданскую ответственность.

Представители азербайджанской национальности активно участвуют в мероприятиях, которые проводятся на уровне страны и региона. Согласно результатам социологического исследования, День Победы привлекает внимание 59 % азербайджанцев. Значительно реже они принимают участие в праздновании Дня России – 36 %, Масленицы – 32 % и Дня народного единства – 29 %. Мероприятия играют важную роль в формировании этнической идентичности, способствуя институциональной интеграции азербайджанцев, проживающих за пределами своей страны [17, с. 260]. Это свидетельствует о значимости данных событий для формирования национальной идентичности и укрепления единства (табл. 11).

Таблица 11. В каких культурно-массовых мероприятиях Вы принимали участие за последний год? (%)
Table 11. What cultural events have you participated in over the past year? (%)

Варианты ответов	Всего	Пол:		Возраст:		
		мужской	женский	от 18 до 29 лет	от 30 до 49 лет	от 50 лет и старше
День Победы	59	62	51	71	56	50
День России	36	36	35	49	35	20
Масленица	32	27	44	38	32	26
День народного единства	29	28	33	45	24	24
День защитника Отечества	23	24	22	35	17	24
Праздник Весны и Труда	19	19	22	32	17	11
Не принимал участия	23	23	22	17	24	26

С увеличением возраста наблюдается снижение уровня вовлеченности респондентов в культурно-массовые мероприятия. Данный тренд является универсальным и проявляется в различных социокультурных аспектах.

В контексте интеграции диаспорных сообществ важно их участие в общественно-значимой деятельности, включая благотворительность и волонтерство. Большинство респондентов (56 %) предпочитают помогать родственникам, друзьям и знакомым, передавая им вещи, товары или деньги, 43 % выполняли работы или предоставляли услуги близким. Помощь благотворительным фондам отметили 11 % респондентов, а прямые денежные переводы нуждающимся людям составили 10 % (табл. 12).

Таблица 12. Что из перечисленного Вы делали за последний год/полтора в рамках помощи знакомым и незнакомым людям? (%)

Table 12. What have you done in the last year and a half to help people you know and people you don't know? (%)

Варианты ответов	Всего	Пол:		Возраст:		
		мужской	женский	от 18 до 29 лет	от 30 до 49 лет	от 50 лет и старше
Передавал вещи, товары, финансовые средства родственникам, друзьям, знакомым	56	57	51	33	64	59
Выполнял работы, оказывал услуги родственникам, друзьям, знакомым	43	49	27	42	45	39
Передавал вещи, товары, финансовые средства в благотворительные фонды/организации	11	12	7	9	10	15
Выполнял работы, оказывал услуги в благотворительных организациях/фондах	4	3	5	7	2	4
Перечислял деньги нуждающимся	10	9	12	9	8	15
Ничего не делал	25	22	34	39	20	20

Гендерные и возрастные факторы оказывают значительное влияние на участие респондентов в благотворительной деятельности. В частности, мужчины чаще оказывают поддержку родственникам, друзьям и знакомым, что обусловлено их приверженностью семейным и общественным традициям, а также гендерными стереотипами, предписывающими им роль кормильцев и защитников. Молодые люди, как правило, менее активны в данной сфере, что можно объяснить различиями в системе ценностей, жизненных приоритетах и уровне социального капитала.

Заключение. Анализ особенностей интеграции азербайджанской диаспоры показал, что этническое сообщество демонстрирует значительную степень интеграции в принимаю-

щее общество. Таким образом, результаты исследования позволяют выделить ключевые детерминанты.

Активное владение русским языком значительной долей представителей азербайджанской диаспоры и активно формирующаяся общероссийская идентичность свидетельствуют об успешности интеграции этнической диаспоры. Широкое использование русского языка за пределами «семейного круга», а именно в общении на учебе/работе, а также с соседями/друзьями/родственниками, отражает высокую степень вовлеченности в коммуникативное общение в принимающем сообществе. Схожесть значимых базовых ценностей азербайджанцев с ценностями россиян создают дополнительные условия для положительного процесса социально-культурной адаптации и интеграции.

Процессы интеграции реализуются через активное участие в значимых общественных мероприятиях, благотворительной деятельности и выборах. Эти факторы способствуют социальной адаптации и интеграции, а также формированию позитивного имиджа диаспоры в глазах местного населения.

В то же время признаком сохранения своей этнокультурной самобытности является употребление исключительно родного (азербайджанского) языка в семейном общении. При значительном уровне интеграции азербайджанская диаспора демонстрирует высокую степень внутренней сплоченности.

Исследование выявило ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения с помощью качественных методов (глубинное интервью).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный состав населения и владение языками Республики Мордовия (по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.): стат. сб. Саранск: Мордовиястат, 2023. Т. 5.

2. Переписи населения // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 15.09.2025).

3. Никонова Л. И., Мельник А. Ф. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры). Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2007.

4. Республика Мордовия глазами социологов: науч. справочник / под ред. Е. А. Демьянова и др. 2-изд., перераб. и расшир. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2024.

5. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Адаптационные стратегии азербайджанских мигрантов в Мордовии (к постановке проблемы) // Стратегии устойчивого развития регионов России: материалы V Всерос. науч. конф. / Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 284–289.

6. Азербайджанская диаспора в Республике Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга / Р. Р. Агишев, О. Н. Барина, О. Н. Кузина, Е. С. Рункова / под ред. Л. Н. Курышовой, В. П. Миничкиной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2025. № 2 (26).

7. Найденова Н. Н. Модели социализации внутри диаспоры как фактор устойчивого развития общества в эпоху глобализации // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2015. Т. 1. № 13. С. 297–300.

8. Сарыглар С. А., Максимова С. Г. Специфика и практики социальной интеграции мигрантов из стран СНГ в российских приграничных регионах // Социодинамика. 2019. № 6. С. 13–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29994.

9. Цапенко И. П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 4. С. 125–149.

10. Волков Ю. Г., Курбатов В. И., Хунагов Р. Д. Интеграция в полиэтническом обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы // Социология. 2022. № 1. С. 373–388.
11. Эндрюшко А. А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социол. исслед. 2020. № 11. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9.
12. Курышова Л. Н., Рункова Е. С. Социальное самочувствие армянской диаспоры, проживающей в Республике Мордовия // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 148–162.
13. Ушкин С. Г. Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 191–201. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-191-201.
14. Курмышкина О. Н. Социальное самочувствие армянской, азербайджанской и узбекской диаспор Республики Мордовия // Российский хороший журнал. 2019. № 2. С. 82–94.
15. Совет да любовь. Аналитические обзоры // ВЦИОМ. 20.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovet-da-ljubov> (дата обращения: 11.07.2025).
16. Авдашкин А. А., Пасс А. А. Образ азербайджанца на страницах СМИ азербайджанской диаспоры в России (на материалах газеты «Озан») // Вестн. Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, № 2. С. 171–176.
17. Кудрявцева И. К. Азербайджанцы в полиэтнической среде Удмуртии: факторы сохранения национальной идентичности // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13, № 2. С. 254–262. DOI: 10.15350/26191490.2023.2.28.

Информация об авторах.

Баринова Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 36 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, цифровое общество, информационная открытость органов власти.

Кузина Ольга Николаевна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, социология информационного общества.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2025; принята после рецензирования 22.11.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. *Natsional'nyi sostav naseleniya i vladenie yazykami Respubliki Mordoviya (po itogam Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2021 g.)* [National composition of the population and language proficiency of the Republic of Mordovia (based on the results of the All-Russian Population Census of 2021)] (2023), vol. 5, Mordoviyastat, Saransk, RUS.
2. "Population censuses", *Rosstat*, available at: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (accessed 15.09.2025).
3. Nikonova, L.I. and Mel'nik, A.F. (2007), *Ehtnokul'turnaya adaptatsiya migrantov Zakavkaz'ya v Respublike Mordoviya (na primere azerbaidzhanskoi diaspory)* [Ethnocultural adaptation of Transcaucasian migrants in the Republic of Mordovia (on the example of the Azerbaijani Diaspora)], NIIGN pri Pravitel'stve RM, Saransk, RUS.
4. Demyanov, E.A. et al. (eds.) (2024), *Respublika Mordovii glazami sotsiologov* [The Republic of Mordovia through the eyes of sociologists], Nauchnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa, Saransk, RUS.

5. Nikonova, L.I. and Shevtsova, A.A. (2011), "Adaptation strategies of Azerbaijani migrants in Mordovia (to the problem statement)", *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii* [Strategies of sustainable development of Russian regions], *Materialy V Vseros. nauch. konf.* [Materials of the V All-Russian Sci. Conf.], Izd-vo NGTU, Novosibirsk, RUS, pp. 284–289.
6. Agishev, R.R., Barinova, O.N., Kuzina, O.N. and Runkova, E.S. (2025), *Azerbaidzhanskaya diaspora v Respublike Mordoviya: byulleten' Nauchnogo tsentra sotsial'no-ehkonomicheskogo monitoringa* [The Azerbaijani Diaspora in the Republic of Mordovia: Bulletin of the Scientific Center for Social and Economic Monitoring], in Kuryshova, L.N. and Minichkina, V.P. (eds.), no. 2 (26), Izd-vo Mordov. un-ta, Saransk, RUS.
7. Naidenova, N.N. (2015), "Models of socialization inside the diaspora as a factor of the sustainable development of society in the age of globalization", *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya* [Lifelong learning: lifelong learning for sustainable development], vol. 1, no. 13, pp. 297–300.
8. Saryglar, S.A. and Maksimova, S.G. (2019), "Specificity and practices of social integration of the migrants from cis countries in Russian border regions", *Sociodynamics*, no. 6, pp. 13–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29994.
9. Tsapenko, I.P. (2018), "For fresh approaches to the socio-cultural integration of migrants", *Demographic Review*, vol. 5, no. 4, pp. 125–149.
10. Volkov, Yu.G., Kurbatov, V.I. and Khunagov, R.D. (2022), "Integration in a multi-ethnic society: ways, modern trends and problem nodes", *Sociology*, no. 1, pp. 373–388.
11. Endryushko, A.A. (2020), "Benchmarking in integration of migrants from Azerbaijan and other post-soviet countries", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 11, pp. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9.
12. Kuryshova, L.N. and Runkova, E.S. (2024), "Social well-being of the Armenian diaspora living in the republic of Mordovia", *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, vol. 16, no. 4, pp. 148–162.
13. Ushkin, S.G. (2019), "Host community and foreign migrants: regional adaptation practices", *Administrative consulting*, no. 12 (132), pp. 191–201. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-191-201.
14. Kurmyshkina, O.N. (2019), "Social Well-Being OF THE Armenian, Azerbaijani and Uzbek Diasporas of the Republic of Mordovia", *Russian Good J.*, no. 2, pp. 82–94.
15. "Advice and love. Analytical reviews" (2023), *VCIOМ*, 20.10.2023, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovet-da-ljubov> (accessed 11.07.2025).
16. Avdashkin, A.A. and Pass, A.A. (2018), "Image of the Azerbaijanian in the Media of the Azerbaijan Diaspora in Russia (on the Materials of the "Ozan" Newspaper)", *Bulletin of Udmurt Univ. Sociology. Political science. Int. Relations*, vol. 2, no. 2, pp. 171–176.
17. Kudryavtseva, I.K. (2023), "Azerbaijanis in the polyethnic environment of Udmurtia: factors of preservation of national identity", *Historical and Cultural Heritage of the Ural-Volga Region Peoples*, vol. 13, no. 2, pp. 254–262. DOI: 10.15350/26191490.2023.2.28.

Information about the authors.

Olga N. Barinova – Senior Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 36 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, digital society, information openness of government bodies.

Olga N. Kuzina – Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, sociology of information society.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.10.2025; adopted after review 22.11.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья
УДК 821.161.1; 81-132; 81'32; 81'33
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-108-119>

Дискурс «сарафанного радио» в доцифровую эпоху (на примере повести М. А. Булгакова «Роковые яйца») и в наши дни

Ольга Викторовна Атаманова

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия,
ataman772@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8736-4277>*

Введение. В статье обсуждается проблема распространения информации путем «сарафанного радио» в доцифровую эпоху и в наши дни. Актуальность исследования обусловлена постоянным интересом к сложным явлениям такого рода, стремлением обнаружить в них закономерности и по возможности контролировать. «Сарафанное радио» может казаться эффективным и (почти) бесплатным способом распространения сведений. Однако отсутствие должного внимания к таким процессам часто дает обратный результат.

Методология и источники. Основным методом исследования является метод сравнения семантических особенностей «сарафанной» информации, характерных для дискурсов разных эпох. В качестве источника, иллюстрирующего особенности «сарафанного» дискурса доцифровой эпохи, использован текст повести М. А. Булгакова «Роковые яйца».

Результаты и обсуждение. Мы можем проследить механизм распространения слухов в обществе на примере антиутопии М. А. Булгакова, относящейся к 1920-м годам, времени политической и экономической нестабильности в нашей стране. Страх перед возможными бедствиями, голодом вызывает панику и побуждает к необдуманным действиям, что в итоге приводит к катастрофе. Процессы распространения «сарафанной» информации рассмотрены как в контексте доцифровой эпохи (эпохи М. А. Булгакова), так и применительно к нашему времени. Также даны рекомендации о том, как можно контролировать обратную связь процессов и явлений.

Заключение. Можно сделать вывод, что механизмы действия «сарафанного радио» в различные эпохи имеют много общего. Тем не менее статистические средства, имеющиеся у нас в распоряжении в настоящее время, дают возможность учитывать некоторые особенности таких дискурсивных процессов, а значит, и регулировать их. Однако при всей доступности «сарафанного радио» механизм этот регулируется далеко не всегда и не ко всем процессам может быть применим.

Ключевые слова: «сарафанное радио», дискурс, фрактал, синергетика, художественная проза, антиутопия

Для цитирования: Атаманова О. В. Дискурс «сарафанного радио» в доцифровую эпоху (на примере повести М. А. Булгакова «Роковые яйца») и в наши дни // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 108–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-108-119.

© Атаманова О. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Word-of-Mouth Discourse of Pre-digital Epoch (M.A. Bulgakov's Novel "Fatal Eggs" Used as the Example) and Our Time

Olga V. Atamanova

*Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St Petersburg, Russia,
ataman772@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8736-4277>*

Introduction. The problem of information disseminated through the word-of-mouth in pre-digital epoch and nowadays is discussed hereafter. The relevance of the study is related to permanent interest towards this sort of things and our commitment to find any regularity and to take control as far as possible. The word-of-mouth might seem very effective and nearly free means to distribute information. However, the lack of proper attention to such processes can lead us to results that are dissatisfactory.

Methodology and sources. The method of comparing the semantic features of word-of-mouth information typical of discourses in different eras is the main research method. The text of M.A. Bulgakov's novel "Fatal Eggs" is used as the source illustrating the features of the word-of-mouth discourse in the pre-digital era.

Results and discussion. We can monitor the mechanism of spreading rumors in society basing on the example of M.A. Bulgakov's anti-utopia dating back to the 1920-s, the time of economic and political instability in our country. The fear of possible disasters and famine, causes widespread panic and prompts reckless actions, which eventually leads to the catastrophe. The processes of spreading word-of-mouth information are considered both in the context of pre-digital era (M.A. Bulgakov's epoch) and in relation to our time. Some recommendations on how to control the feedback of processes are also given hereafter.

Conclusion. We come to conclusions that the mechanisms of word-of-mouth distribution in different epochs have a lot in common. Nevertheless, the statistical tools currently at our disposal make it possible to take into account some of the features of such discursive processes, and therefore regulate them. However, despite the availability of word-of-mouth, this mechanism cannot always be properly regulated and never totally controlled. Thus, it may not be applicable to all kind of processes.

Keywords: word-of-mouth, discourse, fractal, synergetic theory, literary fiction, anti-utopia

For citation: Atamanova, O.V. (2025), "Word-of-Mouth Discourse of Pre-digital Epoch (M.A. Bulgakov's Novel "Fatal Eggs" Used as the Example) and Our Time", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 108–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-108-119 (Russia).

Введение. Такой способ коммуникации, как «сарафанное радио», существует очень давно. Отметим характерную уничижительную коннотацию этого определения. Сарафан – это женская одежда, согласно старым традициям, права женщины ограничены, а значит, ее мнение не могло считаться заслуживающим доверия. Другие варианты – «еврейский телеграф/еврейская почта», «цыганская почта/цыганский телеграф», «мокасинное радио/телеграф» («moccasin radio/telegraph») в Канаде, «bush telegraph» или «лесной телеграф» в Австралии [1, с. 552] (как видим, определения относятся к народам, чьи права были ограничены в некоторые периоды времени в ряде стран, а также к австралийским лесным разбойникам, бродягам – бушрейнджерам, «bush rangers», т. е. лицам вне закона), «пантофлевая почта» (то, о чем говорят в домашних туфлях, по преимуществу польские евреи), а также

«агентство ОБС – одна баба сказала» или более современный вариант – «один блогер сказал» [2, с. 58 и далее]. Тот, кто просто доверяет слухам (не говоря уже об активном участии), обычно не вызывает уважения, по крайней мере на словах (вспомним, например, нелестную характеристику пожилого мужчины, отставного советника у А. С. Пушкина: «Тяжелый сплетник, старый плут, обжора, взяточник и шут») [3, с. 766].

Вместе с тем, несмотря на указанную уничижительную коннотацию, человек как участник дискурсивного процесса склонен доверять «сарафанному радио», прежде всего в силу желания как минимум избежать неприятностей [4, с. 157]. Вероятно, подразумевая подобный инстинкт у каждого живого существа и тем самым объясняя быстрое распространение информации, в первую очередь негативной, мы бываем очень внимательны к такого рода сведениям, мы боимся быть обманутыми и, как нам кажется, хотим знать всю правду. Тем не менее мы помним и о частых случаях необоснованного страха и слухов самых нелепых, вызывающих панику, что может привести к ужасным последствиям, перед которыми бессилён человеческий разум и даже большой талант. Далее обсудим подобное явление на примере фантастической повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» [5], сопоставляя опыт прошлых лет и современность, попытаемся ответить на давние, но не переставшие быть актуальными вопросы: можно ли контролировать стихийное распространение информации, каким образом и в какой степени мы можем на него влиять?

Итак, целью исследования является сравнительный анализ процессов стихийного распространения информации в контексте современного дискурса и дискурса доцифровой эпохи. Такой анализ с незапамятных времен имел еще одно важное применение – коммерческое. И чем больше закономерностей нам, даже тем, кто далек от коммерции, удастся обнаружить, тем больше практической пользы мы сможем извлечь.

Методология и источники. В качестве примера рассмотрена фантастическая повесть М. А. Булгакова «Роковые яйца» (1924 г.), действие которой происходит в 20-е гг. прошлого века, заканчиваясь 1928 г. Метод сравнения семантических особенностей информации, передаваемой «сарафанным радио», характерных для дискурсов разных эпох, является основным методом исследования [6, с. 157–158].

Результаты и обсуждение. Начнем с доцифровой эпохи. Рассмотрим ситуацию с возникновением ажиотажа в обществе так, как ее представил М. А. Булгаков в своей повести «Роковые яйца». Прежде всего мы знакомимся с профессором Персиковым, ученым с мировым именем в области «зоологии, эмбриологии, анатомии, ботаники и географии», человеком «эрудиции феноменальной», и узнаем о его необычном открытии, вероятно, сенсационном [5, с. 275, 282 и далее]. Самыми падкими на сенсацию, как обычно, становятся представители «четвертой власти», т. е. журналисты. Мы встречаем несколько описаний типичных репортеров 1920-х гг. Разные по типу, все они похожи в том, что чрезмерно любопытны, бесцеремонны и весьма назойливо добиваются внимания профессора Персикова, несмотря на его протесты и уверения, что сведения, полученные опытным путем, еще не полны, и всякое обсуждение результатов преждевременно. Вероятно, Персиков мог опасаться искаженных слухов и непредсказуемых последствий. К сожалению, его худшие опасения сбылись – именно газетные слухи становятся причиной паники в обществе, вследствие этого катастрофы и гибели ученого. Как же выглядит

один из антигероев – представитель пресс-службы по описанию Булгакова? «Одет был молодой человек совершенно безукоризненно и модно. В узкий и длинный до колен пиджак, широчайшие штаны колоколом и неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими на *копыта*» [5, с. 288, *курсив мой* – О. А.]. Не правда ли, зловещая аналогия? И, если человек одет по моде, то, очевидно, он не единственный обладатель такой обуви, а лишь один из многих.

Еще эпизод. «А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли? – спросил Персиков, глядя поверх очков». Вопрос уже к неприметным тихим визитерам – сотрудникам спецслужб. «Этот вопрос развеселил гостей» [5, с. 300], ответ на него «уклончив» и, очевидно, отрицателен.

Все же одному из журналистов профессор решил уделить внимание по той причине, что «...в этом мерзавце есть что-то американское» [5, с. 307] – этот эпизод, указывающий на почтение к якобы иностранцу, был характерен и в другие времена, но оно ничем не оправдано. И в целом пресс-служба в итоге не оправдывает доверия к себе. Никто не слушает мнения ученого, несмотря на его авторитет. «С Персиковым же вообще разговаривали или с почтением и ужасом, или же ласково усмехаясь, как маленькому, хоть и крупному, ребенку» [5, с. 309]. Такое отношение к представителям науки не может вызывать оптимизма, история знает множество примеров, когда общество жестоко расплачивалось за подобное пренебрежение. Данная ситуация исключением не является, хотя и представляет авторский вымысел. Цель журналиста – создание ажиотажа. И этой цели удастся достичь – однажды к профессору является Александр Рокк, глава совхоза «Красный луч», «с казенной бумагой с Кремля», весьма предприимчивый и амбициозный. Впечатление от него неприятное. В прошлом скромный музыкант, солдат Революции, участник Гражданской войны. Одет он старомодно. «В 1919 году этот человек был бы совершенно уместен на улицах столицы... но в 1928 году он был странен» [5, с. 310]. Старомодность в одежде сочетается со старомодностью взглядов. Упорство, действие с позиции силы – то, что, как узнаем позже, господину Рокку покажется самой правильной стратегией. Но есть в нем одна слабость. «Судя по глазкам, его поразил прежде всего шкаф в 12 полок, уходивший в потолок и битком набитый книгами» [5, с. 310–311]. Итак, не то, чтобы научная экспертность, но просто начитанность ни в коем случае не относится к сильным сторонам личности Рокка. Однако он, похоже, знает, как применить результаты научных исследований профессора, чтобы вывести новую породу кур, способную быстро размножаться, что поможет решить проблему с продовольствием в непростые двадцатые годы, тем более в условиях разразившегося мора домашней птицы. Рокк не сомневается в успехе. В случае удачного разрешения проблемы – большая слава, и почет, и привилегии, – то, на что Рокк, как ему кажется, вполне может рассчитывать. Нельзя сказать, что с точки зрения семантики литературного образа это злодей – Рокк никому не желает зла, а желает лишь пользы. И все-таки фигура зловещая.

Итак, господин Рокк верит в успех предприятия. Вверенные полномочия позволяют ему отобрать у профессора Персикова лабораторное оборудование и развернуть бурную деятельность. Но по трагической ошибке Рокк получает по почте не куриные яйца, а яйца рептилий (Персиков, наоборот, получает куриные яйца вместо заказанных им), какие-то сомнения пробуждаются в нем (яйца выглядят «грязными»), он звонит Персикову, но профессор не желает с ним общаться. Из яиц вылупляются не куры, а гигантские чудовища, пожи-

рающие людей. Начинается паника, люди покидают жилища, не зная, куда бежать. Разъяренная толпа устраивает самосуд профессору и убивает его, и только неожиданный сильный мороз приводит к гибели рептилий, постепенно восстанавливается обычная жизнь.

Как можно в данном случае представить себе механизм распространения информации – сначала при помощи прессы, затем уже с помощью «сарафанного радио»? Обозначим основные этапы ее распространения.

1. В домашней лаборатории профессора Персикова обнаружен волшебный луч, он способствует быстрому размножению живых организмов, наблюдаемому под микроскопом. Профессор желает сохранить это в тайне.

2. Однако слух об открытии доходит до журналистов, Персиков становится объектом их внимания, в обществе искусственно создается шумиха.

3. Массовая гибель домашней птицы вызывает всеобщую панику, в стране сложная ситуация с продовольствием, голод люди пережили совсем недавно, их охватывает ужас, что такое может повториться. Здесь мы можем говорить уже о действии «сарафанного радио».

4. На фоне слухов и ажиотажа Александром Рокком делается нехитрый вывод о возможности быстрого разведения домашней птицы с помощью волшебного луча, изобретенного Персиковым. Но итог оказывается немного не таким, как предполагалось вначале.

Какие человеческие эмоции запускают подобный механизм? Страх прежде всего. Следование стереотипам, нежелание от них отступать ухудшают ситуацию. Обратим внимание на некоторые стилистические приемы автора.

Отметим великолепную и часто встречающуюся игру слов. Например: «Рок с бумагой? Редкое сочетание» [5, с. 310]. Это ответ Персикова на сообщение о визите господина Рокка. Также – фельетон по поводу массовой закупки яиц за границей с довольно пикантной шуткой: «Не зарывесь, господин Юз, на наши яйца, – у нас есть свои!» [5, с. 308].

Еще один пример – абсурд, печально-иронический смысл которого понятен лишь с учетом всего контекста произведения:

«– Кому, желал бы я знать, пришла в голову мысль растить кур из яиц... (слова профессора Персикова – О.А.)

– Мне, – ответил Рокк...» [5, с. 314].

О самоотверженности профессора, о его трудоголизме, как это называется сейчас, мы узнаем, когда Булгаков рассказывает о бессонных ночах в непрерывной работе, о покрасневших глазах, о предобморочном состоянии. Внешность Персикова – внешность уставшего человека, лысого, сутуловатого, со скрипучим голосом и крючковатым пальцем, весьма целеустремленного, преданного науке, оставшегося верным себе несмотря на трудное, голодное и переменчивое время двадцатых годов. Жена его покинула, детей нет (что, как мы узнаем позже, не мешает появиться нелепым слухам в газетах касательно семьи ученого и его «детей»). Здесь нет героического пафоса, но мы чувствуем симпатию автора к своему персонажу, безусловно, можно говорить о семантике положительного образа. И, да, никому в дальнейшем не удастся повторить открытие ученого, даже самым амбициозным ученикам. Во многом профессор Владимир Ипатьевич Персиков похож на другого известного персонажа, представленного Булгаковым, – профессора Преображенского из «Собачьего сердца» [7], с той разницей, что Персикову не удастся выйти победителем из сложившихся обстоятельств. Примечательно, что «Роковые

яйца» были закончены в октябре 1924 г., а «Собачье сердце» – в марте 1925, т. е. оба произведения появились почти в одно время.

Прием контраста мы можем наблюдать в диалоге между ученым Персиковым и экспериментатором Рокком. Противостояние мудрости и глупой самоуверенности.

«– Только предупреждаю, – продолжал Персиков, – руки не следует совать в луч, потому что, по моим наблюдениям, он вызывает разрастания эпителия... а злокачественные они или нет, я, к сожалению, еще не могу установить.

Тут пришелец (*это и есть тот самый господин Рокк – О.А.*) проворно спрятал свои руки за спину, уронив кожаный картуз, и поглядел на руки профессора. Они были насквозь прожжены йодом, а правая у кисти забинтована.

– А как же вы, профессор?

– Можете купить резиновые перчатки у Швабе на Кузнецком, – раздраженно ответил профессор. – Я не обязан об этом заботиться» [5 с. 313].

Прекрасная, на наш взгляд, иллюстрация того, как бездумно действует Рокк, не отдавая себе отчет о последствиях. Чуть позже мы увидим, что с ужасными последствиями он не справится – на глазах Александра Рокка его любимая супруга будет зверски сожрана чудовищем, о его собственной судьбе мы больше ничего не узнаем [5, с. 328], но вероятно, это как раз тот случай, после которого самый честолюбивый из граждан желает остаться неизвестным как можно дольше.

Интертекстуальность – еще одна особенность булгаковского текста, которую хочется отметить: «В театре Корш возобновляется “Шантеклер” Ростана» [5, с. 306]. (*Шантеклер – прозвище петуха, и эту афишу можно видеть по окончании куриной эпизоотии – О.А.*)

Много можно увидеть аналогий и с эпизоотией птичьего гриппа, разразившейся в начале нынешнего века, и с массовыми прививками, и другими, подчас радикальными, мерами профилактики распространения инфекций, польза от которых неочевидна. Некоторые эпизоды в книге стали поистине пророческими [5, с. 304, 305, 307].

Итак, мы видим ситуацию, когда ученый становится жертвой слухов, чудовищных и нелепых, он в этой ситуации ничего не может изменить, процесс выходит из-под контроля. Автор пессимистичен в данном случае – никакой ум и талант, как видим, не может быть залогом не то чтобы успеха, а элементарного выживания. Следует отметить, что сама обстановка в нашей стране в 1920-е гг., когда и происходят события, была беспокойной, полной неопределенности на фоне сложных перемен в политической, экономической и, как следствие, культурной жизни. Тревожные настроения в обществе, постоянный страх людей за свою жизнь и жизнь близких: Гражданская война лишь несколько лет как завершилась, жутчайшая реальность, трудно представляемая нами сейчас, когда практически каждый «внезапно смертен» [8, с. 331], голод, лишения, эпидемии, безусловно, могли стать благодатной почвой для появления бестолковых сплетен и самых разнообразных предположений. Также ситуация с массовой гибелью птиц, описанная Булгаковым, несомненно, добавляет напряженности общественной атмосфере.

Нам кажется, что выбор повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» в качестве примера удачен в том смысле, что он представляет нам типичное, характерное описание обстановки, связанной с ажиотажем в обществе, с бесконтрольным распространением слухов и паникой.

Антиутопический характер повести позволяет обнаружить многие общественные проблемы преувеличенно, что может привести в ужас читателя. Известно, что Булгаков был мастером гротеска, вымысел присутствует во многих его произведениях. Но, конечно, ситуации подобного рода возникали и в другие времена, и чем больше повода для беспокойства давала повседневная жизнь, тем с большей вероятностью люди могли поверить в небылицы.

Подводя итог разбору особенностей «сарафанного» дискурса доцифровой эпохи, хотелось бы отметить некоторые черты коммуникативного поведения его участников.

1. Внимание к подробностям, особенно негативным, вызывающим тревогу, что способствует быстрому распространению информации, «вирусности», как сейчас это принято называть. Более того, негативной информации коммуниканты склонны доверять гораздо больше, чем сведениям нейтрального или позитивного характера.

2. Готовность принимать на веру непроверенные сведения вплоть до мелких деталей [5, см., напр., с. 287], что позволяет слухам возникать буквально «на ровном месте» (т. е. результат в общем случае не тождественен прилагаемым усилиям), и даже верить тому, что противоречит здравому смыслу. Последнее менее свойственно тем, кто облечен властью. Так, в повести о «роковых яйцах» красные комиссары и агенты ГПУ оказываются последними, кто верит в непобедимость ужасных монстров, что, однако, не спасает ситуации [5, с. 328 и далее].

3. Этот пункт логически следует из первых двух – недоверие к официальным источникам информации и склонность больше доверять «цыганской почте». Данное свойство проявляется тем отчетливее, чем более нестабильна обстановка в обществе.

Справедливо ли сказанное для нашего времени? Думаю, что справедливо. По поводу последнего пункта добавим, что по ряду причин несколько десятилетий назад, в 1990-е, российское постсоветское «сарафанное радио» достигло расцвета. Это время было началом активного предпринимательства, но в условиях неустойчивой экономической ситуации далеко не все предприниматели использовали честные методы. Зачастую высокой цене на товар/услугу соответствовало очень низкое качество, система контроля действовала нерегулярно, что означало высокий уровень риска для каждого из нас, и это касалось всех сфер нашей жизни. В этих условиях роль «сарафанного радио» была едва ли не решающей при выборе. Можно ли сказать, что, несмотря на популярность «сарафанного радио», некоторые его традиции остались лишь приметой девяностых? Вероятно, в условиях сатурации рынка товаров и услуг, а также большей финансовой стабильности мы рискуем намного меньше, можем предъявить претензии к качеству. Кроме того, мы понимаем, что всякий выбор индивидуален, и то, что понравилось нашим друзьям, будь то книга, фильм, спектакль, экскурсионный маршрут, обучающая программа, блюдо из ресторана, услуга репетитора/косметолога и т. д., нам может не понравиться, и совершенно не потому, что это плохо. А значит, роль «сарафанного радио» несколько снижается.

Важной частью «сарафанного» дискурса являются отзывы о товарах и услугах, имеющиеся в свободном (или относительно свободном) доступе. К сожалению, и эта обратная связь не всегда объективна, она также может быть элементом коммерческой сделки. Все же в цифровую эпоху, когда и фото и видео можно подготовить быстро, без проблем и в любых объемах, сделать вывод о свойствах товара намного проще, особенно если количество откликов велико.

Необходимо упомянуть еще об одном аспекте современного дискурса «сарафанного радио» по той причине, что он напрямую связан с речемыслительной деятельностью человека

как его участника. В последнее время услуги психологов и психотерапевтов становятся все более популярны, но качество услуг может оказаться под вопросом. Решая обратиться к ним, мы с большой вероятностью прислушаемся к рекомендациям. Кто-то из наших знакомых может быть благодарен специалисту и считать его помощь действенной, тогда как у нас может сложиться другое впечатление. Более того, к сожалению, целью квалифицированных психологов бывает вовсе не душевное спокойствие граждан, а совершенно противоположное – запугивание, нарушение стабильности восприятия. П. Зыгмантович называет такой подход «черной психологией» [4]. Нужно ли говорить, что таким образом можно подготовить благодатную почву для манипуляции? И если цель коммерсанта, предпринимателя состоит как раз в том, чтобы клиент потреблял как можно больше и охотнее, на наш взгляд, все же в таких делах очень важно знать меру, чтобы не зайти слишком далеко. С другой стороны, каждому из нас, участников современного дискурса, необходимо понимать происходящие процессы, чтобы принимать решения осознанно.

Девяностые годы прошлого века и начало 2000-х можно считать временем постепенного перехода к «цифровой эпохе». Мы говорим о цифровизации как элементе нашей повседневной жизни. Какие новые особенности «сарафанного» дискурса можно отметить из тех, что дает нам «цифровая эпоха»?

Во-первых, это широкое использование средств мультимедиа, что создает значительные преимущества, многие повседневные проблемы удастся решить в кратчайшее время, привести «наглядные» примеры и доказательства, если это необходимо.

Во-вторых, очень быстрое распространение информации (если и в прежние времена быстрота распространения слухов иногда вызывала удивление и ужас, то современные технологии еще больше этому способствуют), особенно это касается «вирусной» информации.

В-третьих, широкое использование социальных сетей, появление пабликов, блогов самого различного формата. Это позволяет до некоторой степени формализовать обратную связь путем статистического учета упоминаний какого-либо объекта в различных источниках (на сайтах, а также в блогах, пабликах, соцсетях). Статистика же как средство изучения сложных нелинейных систем, о которых будет сказано далее, позволяет оценить обратную связь. Однозначно, такое применение статистики дает повод для оптимизма!

Поговорим о свойствах сложных нелинейных систем с учетом научных исследований последних десятилетий. Согласно этим исследованиям, и речемыслительная деятельность человека [9, с. 189], и дискурс (в частности дискурс «сарафанного радио») можно рассматривать как системы нелинейные (выше говорилось о нетождественности результатов прикладываемым усилиям), диссипативные (быстро распространяемые сведения, часто недостоверные), неустойчивые (можно сказать, все содержание повести М. А. Булгакова полностью указывает на это свойство), тем не менее способные к самоорганизации, т. е. стремящиеся противостоять хаосу и установить естественный порядок (то, что человек делает и делал всегда по мере своих возможностей, чтобы избежать катастрофы или как минимум неприятностей; отметим здесь также значение межличностного взаимодействия и межличностных связей и опасность их утраты как механизм противостояния распространению заведомо ложной информации исключительно с корыстными целями). Вспомним также идею «Антихрупкости» Н. Талеба: «Система, которая развивается методом прилаживания, проб и оши-

бок, будет обладать свойствами антихрупкости (*т. е. способности выживать в условиях хаоса – О.А.*)» [10, с. 56], тогда как избегание ошибок в принципе ведет к ошибкам крупным с тяжелыми последствиями. Итак, нелинейность, диссипативность, неустойчивость, стремление к самоорганизации – это свойства дискурса как системы, в частности дискурса «сарафанного радио». Указанные особенности относятся к свойствам сложных синергетических систем, изучать которые можно лишь статистическими методами на основе эмпирических данных [11, с. 2]. Подробно о фрактальности дискурса говорится, в частности, в статье С. Н. Плотниковой, при этом под фрактальностью понимается способность объектов дискурсивного пространства посредством итерации и рекуррентии распадаться на мелкие самоподобные частицы [12, с. 127]. Такой подход позволяет понять механизм действия нелинейных систем. Применяя данные понятия к обсуждаемой повести Булгакова, мы можем говорить о слухах в связи с открытием профессора Персикова, – самопорожденных структурах, входящих в пространство дискурса СССР двадцатых годов, которые, в свою очередь, способствовали порождению нового пространства – «пространства Рокка», т. е. его идеи о применимости волшебного луча, открытого профессором, к новым условиям.

Таким образом, статистические методы являются единственно возможным способом изучения сложных синергетических систем. Значительный объем статистических данных позволяет снижать уровень риска и своевременно принимать меры по стабилизации ситуации. Более того, в «цифровую» эпоху выполнять подсчеты становится несравнимо проще, чем это было ранее. Использование этих инструментов дает возможность отслеживать обратную связь и регулировать ее до некоторой степени, а также внедрять новые способы популяризации и мониторить их эффективность в процессе применения. Совершенствование таких инструментов, появление новых – то, что мы можем наблюдать в последнее время (см., напр., [13]).

Подведем итог нашему обсуждению: каким был и каким стал теперь «сарафанный» дискурс? И, возвращаясь к повести Булгакова, можем ли мы сказать, что она во многом актуальна? И сейчас, через сотню лет после выхода этой антиутопии, политическая обстановка в нашей стране и в мире остается очень сложной, недавно мир пережил пандемию, значительным образом повлиявшую на судьбы многих из нас. Наверное, из этого следует вывод, что никогда нельзя быть самонадеянным, нельзя недооценивать силу стихийного общественного мнения, его возможные последствия. Отметим, однако, что, в отличие от профессора Персикова, в разные эпохи человек часто желал совершенно обратного – он хотел, чтобы о нем непременно заговорили. Вспомним, например, высказывание Оскара Уайльда, что хуже всего не дурные слухи, а их полное отсутствие [14]. При этом, как мы знаем, судьба самого писателя оказалась трагичной, он стал жертвой общественного мнения.

«Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, –
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пошады нет, протесты нетерпимы,

Их приговор смыкает всем уста...» (*Ф. Тютчев* [15, с. 95].)

Однако, по мысли Ф. И. Тютчева, смерть ко всем одинаково беспощадна, тогда как людская молва не чужда зависти и жестока к самым достойным представителям общества. Заметим, что и профессор Персигов, обсуждаемый нами, становится жертвой «суда людского» именно на пороге большого научного открытия, до этого пресса, по-видимому, не особо им интересовалась. Но, несмотря на зависть, часто необоснованную (еще Гораций указывал на необоснованность и иррациональность этого чувства [16, с. 213]), и необъективность «людского суда», во все времена находились жаждущие признания, полагая, что таким образом можно будет, как говорят сейчас, в эпоху компьютерных игр, «выйти на новый уровень», сделать жизнь лучше, получить новые возможности.

Заключение. Мы рассмотрели особенности дискурса «сарафанного радио» применительно к доцифровой эпохе и к нашему времени. Можно сказать, что свойства дискурса «сарафанного радио» во многом схожи с теми, что обнаруживались сотню лет назад, во времена М. А. Булгакова, когда была написана его повесть «Роковые яйца». Главный герой повести всецело занят наукой, он не желает публичности, тогда как журналисты уже в то время знали, как устроить ажиотаж, и, собственно, достигали цели. Таким образом, человек может оказаться беспомощным, но все же по мере сил стремится контролировать ситуацию.

В наше время мы говорим о новых возможностях и новых запросах участников дискурса, возникающих в условиях активной деятельности в социальных сетях, быстрого распространения информации и широкого использования мультимедийных средств. Кроме того, применение статистики к различным сферам жизни, развитие синергетической теории и использование ее в моделях и системах самого разнообразного типа, совершенствование механизмов статистической обработки данных позволяет улучшить механизм контроля процессов распространения информации, способствовать повышению эффективности. В связи с этим рекомендуется постоянный и тщательный мониторинг процессов такого рода, отслеживание обратной связи, проверка в действии существующих инструментов и внедрение новых статистических механизмов обработки данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрина И. А. Лингвистические и экстралингвистические свойства вирусной рекламы // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 552–554. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-552-554.
2. Архипова А. С. Пантофлевая почта – еврейский телеграф – сарафанное радио – агентство ОБС: устный речевой жанр в поисках самоназвания // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 9 (71). С. 58–73.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008.
4. Зыгмантович П. В. Черная психология: как нам внушают ядовитые установки и можно ли от этого защититься. М.: Эксмо, 2025.
5. Булгаков М. А. Роковые яйца // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Литература; СПб.: Кристалл, 1997. С. 273–344.
6. Бажалкина Н. С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2016. № 1 (65). С. 156–160.
7. Булгаков М. А. Собачье сердце // Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Литература; СПб.: Кристалл, 1997. С. 345–436.
8. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Литература; СПб.: Кристалл, 1997. С. 321–696.

9. Савина И. В. Синергетика как методологическая основа изучения речевого общения // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2, Самара, 03–05 окт. 2006 г. / Самарский ун-т, Самара, 2006. С. 189–194.
10. Талб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2024.
11. Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1996. № 12. С. 1–12.
12. Плотникова С. Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие // Вестн. ИГЛУ. 2011. № 3. С. 126–134.
13. Пфанштиль И. 13 инструментов для мониторинга упоминаний бренда в сети // Журнал Pressfeed. 11.10.2022. URL: <https://news.pressfeed.ru/11-instrumentov-dlya-monitoringa-upominanij-brenda-v-seti/> (дата обращения: 25.07.2025).
14. Wilde O. The Picture of Dorian Gray // Jack Lynch. 2019. URL: <https://jacklynch.net/Texts/doriangray.html> (дата обращения: 25.07.2025).
15. Тютчев Ф. И. Лирика. Письма. Л.: Лениздат, 1985.
16. Гораций. Собрание сочинений / пер. Н. С. Гинцбурга, М. Дмитриева, М. Л. Гаспарова. СПб.: Изд-во Биограф. ин-та, Студия Биографика, 1993.

Информация об авторе.

Атаманова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук (2013), доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, ул. Фучика, д. 15, Санкт-Петербург, 192238, Россия. Член Союза писателей России (2009, поэзия). Автор более 50 научных публикаций и восьми книг. Сфера научных интересов: лингвистическая статистика текста, сопоставительный анализ текстов, измененное состояние сознания, синергетика, художественный перевод.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.07.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Yurina, I.A. (2021), "Linguistic and Extralinguistic Properties of Viral Advertising", *The World of Science, Culture and Education*, no. 3 (88), pp. 552–554. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-552-554.
2. Arkhipova, A.S. (2011), "Pontoflevaja Post, Judishe Telegraph, Radio sarafan and Agency Ows: the Oral Verbal Genre in Search of Its own Name", *RSUH/RGGU BULLETIN, Ser. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, no. 9 (71), pp. 58–73.
3. Pushkin, A.S. (2008), *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* [Complete works in one volume], Alfa-Kniga, Moscow, RUS.
4. Zygmantovotch, P.V. (2025), *Chernaya psichologiya: kak nam vnushayut yadovitye ustanovki i mozhno li ot etogo zashchitit'sya* [Black Psychology: How toxic statements are indoctrinated and if it's possible to protect ourselves from it], Eksmo, Moscow, RUS.
5. Bulgakov, M.A. (1997), "Fatal eggs", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], in 3 vols., vol. 1, Literatura, Crystall, Moscow, SPb., RUS, pp. 273–344.
6. Bazhalkina, N.S. (2016), "To the problem of different approaches to the discourse analysis in modern linguistics", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, no. 1 (65), pp. 156–160.
7. Bulgakov, M.A. (1997), "Dog's Heart", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], in 3 vols., vol. 2, Literatura, Crystall, Moscow, SPb., RUS, pp. 345–436.
8. Bulgakov, M.A. (1997), "The Master and Margarita", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], in 3 vols., vol. 2, Literatura, Crystall, Moscow, SPb., RUS, pp. 321–696.

9. Savina, I.V. (2006), "Synergetics as a methodological basis for the study of speech communication", *Linguistic personality – text – discourse: theoretical and applied aspects of research, Proc. of the Int. Sci. Conf.*, in 2 parts, Part 2, Samara, RUS, 03–05 Oct. 2006, pp. 189–194.
10. Taleb, N.N. (2024), *Abtifragile. Things that Gain From Disorder*, Transl. by Karayev, N., CoLibri, Azbuka-Anticus, Moscow, RUS.
11. Piotrovsky, R.G. (1996), "About the Linguistic Synergetics", *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, no. 12, pp. 1–12.
12. Plotnikova, S.N. (2011), "The Fractal Dimension of Discourse: a New a", *Vestnik IGLU*, no. 3, pp. 126–134.
13. Pfanshtil', I. (2022), "13 Tools for Monitoring Brand Mentions on the Web", *J. Pressfeed*, 11.10.2022, available at: <https://news.pressfeed.ru/11-instrumentov-dlya-monitoringa-upominanij-brenda-v-seti/> (accessed 25.07.2025).
14. Wilde, O. (2019), "The Picture of Dorian Gray", *Jack Lynch*, available at: <https://jacklynch.net/Texts/doriantgray.html> (accessed 25.07.2025).
15. Tyutchev, F.I. (1985), *Lirika. Pis'ma* [Lyrics. Letters], Lenizdat, L., USSR.
16. Horace (1993), *Sobranie sochinenii* [Collected works], Transl. by Gintsburg, N.S., Dmitriev, M. and Gasparov, M.L., Izd-vo Biograf. in-tut, Studia Biografika, SPb., RUS.

Information about the author.

Olga V. Atamanova – Can. Sci. (Philology, 2013), Associate Professor at the Department of English Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 15, Fuchika str., 192238, St Petersburg, Russia. Member of the Union of Writers of Russia (2009, poetry). The author of more than 50 scientific publications and eight books. Area of expertise: linguistic statistics of texts, comparative analysis of texts, altered state of consciousness, synergetic theory, literary translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.07.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 22.12.2025.*

Оригинальная статья
УДК 811.111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132>

Поликодовость как стратегия построения современного художественного текста

Алия Азаматовна Абдрафикова^{1✉}, Зинаида Марковна Чемодурова²

^{1,2}Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}aliyaaliyaaliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7291-9079>
²zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

Введение. Исследование посвящено анализу репрезентации поликодовости в англоязычных текстах современных писателей. Целью данной статьи является рассмотрение поликодовости как стратегии построения художественного текста. Фрагменты художественных текстов анализируются с точки зрения имплицитной и эксплицитной реализации поликодовости. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью поликодовости в современном художественном тексте, при этом статус феномена поликодовости в смысловой структуре художественного текста еще не получил окончательного определения. В статье выдвигается и доказывается гипотеза об актуализации в современных художественных текстах механизмов поликодовости как стратегии текстообразования. Она реализуется авторами художественного текста как в имплицитной форме, издавна присущей художественному тексту, так и в более экспериментальных формах, обозначаемых в работе как эксплицитная поликодовость.

Методология и источники. В работе использованы методы лингвосомиотического, когнитивно-дискурсивного и стилистического анализа. Эмпирической базой исследования служат тексты современной англоязычной литературы.

Результаты и обсуждение. Репрезентация поликодовости как стратегии текстообразования может осуществляться в эксплицитной или имплицитной формах, представленных в структуре современных художественных текстов при помощи связанных (вербально опосредованных) семиотических ресурсов, а также свободных семиотических ресурсов. Если использование вербально опосредованных семиотических ресурсов, таких как шрифт, цвет, дизайн страницы, представляет собой имплицитные механизмы реализации стратегии поликодовости, то введение в художественный текст фотографий, графиков, схем свидетельствует об эксплицитности стратегии поликодовости.

Заключение. Поликодовость в художественном тексте рассматривается в работе в качестве стратегии текстообразования, реализуемой в имплицитной и/или эксплицитной формах. В зависимости от заложенной автором интерпретационной программы поликодовость выполняет в смысловой структуре художественных текстов сюжетообразующую, изобразительно-выразительную, эмотивную, аттрактивную и характеризующую функции, а также функцию создания образности и функцию усиления игровой модальности текста.

Ключевые слова: поликодовость, поликодовый художественный текст, стратегия построения текста, семиотические ресурсы, эксплицитная и имплицитная формы

Для цитирования: Абдрафикова А. А., Чемодурова З. М. Поликодовость как стратегия построения современного художественного текста // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 120–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132.

© Абдрафикова А. А., Чемодурова З. М., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Polycode Strategy in Contemporary Fiction

Aliya A. Abdrafikova¹✉, Zinaida M. Chemodurova²

^{1, 2}*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia*

¹✉aliyaaliyaaliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7291-9079>

²zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

Introduction. This study offers an analysis of the polycode strategy representation in modern English-language fiction. The article aims at examining polycode strategy as a textual strategy in contemporary fiction. The research focuses on the attempt to investigate the role of implicit and explicit mechanisms of polycode strategy implementation in the works by such writers as Neil Gaiman, Margaret Atwood, Kurt Vonnegut, and Markus Zusak. The relevance of the study is accounted for by the increasing role of polycode strategy in modern fiction; nonetheless, the status of the polycode phenomenon in the semantic structure of a literary text has not been established yet. The article puts forward and proves a hypothesis of the polycode mechanisms used in modern fiction as a text-building strategy. Polycode strategy is implemented by authors of fiction both in its traditional implicit form and in more experimental forms, referred to in the study as an explicit mode of polycode strategy.

Methodology and sources. The methods used in this work include elements of linguosemiotic, cognitive discourse and stylistic analyses. The empirical basis of the work consists of text fragments by contemporary English authors. The research uses the novels by Neil Gaiman, Margaret Atwood, Kurt Vonnegut, and Markus Zusak to showcase a range of polycode mechanisms employed by the writers of the XX–XI centuries.

Results and discussion. The polycode strategy in a literary text could be represented by an author in either an implicit or an explicit form, depending on their choice of bound (verbally) and free semiotic resources. The usage of verbally bound resources, such as font, colour, page design, represents implicit mechanisms of implementing the polycode strategy, whereas the introduction of photographs, diagrams, and figures into a literary text indicates the explicit character of the polycode strategy.

Conclusion. In fiction, polycode strategy is viewed as a text-building strategy implemented in implicit and/or explicit forms. Depending on the interpretation program employed by the author, polycode strategy is expressed in different ways (via semiotically bound and unbound resources, in an implicit or explicit form, respectively), and it also serves a multitude of functions in fiction ensuring its coherence. The research has made an original contribution to Polycode Studies by identifying such textual functions of the polycode strategy as attractive, expressive, characterizing, ludic, and emotive.

Keywords: polycode, polycode literary text, text-building strategy, semiotic resources, explicit and implicit forms

For citation: Abdrafikova, A.A. and Chemodurova, Z.M. (2025), "Polycode Strategy in Contemporary Fiction", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 120–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132 (Russia).

Введение. Впервые понятие «поликодовый текст» использовали Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт, которые относят к этим текстам в широком семиотическом смысле все случаи взаимодействия естественного языкового кода с кодом какой-либо другой семиотической системы, в том числе с изобразительными элементами [1, с. 107].

В настоящий момент целый ряд исследователей рассматривают поликодовые тексты как тексты, «содержащие разные семиотические (вербальные и иконические) знаки»

[2, с. 45], или «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих, вербального текста в устной или письменной форме, изображений, а также знаков иной природы» [3, с. 117].

При определении понятия поликодности большое внимание отводится сочетанию знаков различной природы, приводится аргумент о том, что в поликодовых текстах сообщения состоят «из знаков разных семиотических (знаковых) систем» [4, с. 147]. В основном, по замечанию исследователей, «поликодовый текст соединяет в себе знаки естественного языка (вербальные – языковые или речевые) и невербальные (иконические)» [4, с. 147] или отмечается, что в поликодовых текстах «встречаются иллюстрации или нестандартное оформление самого текста» [5, с. 119]. Также стоит заметить, что поликодовые тексты могут содержать «изображения, различные виды шрифтов, цвет, фон текста, визуальный видеоряд и пр.» [6, с. 148].

Несмотря на множество терминологически сходных понятий, таких как полимодальный текст, мультимодальный текст, вербально-визуальный комплекс (см., например, [7]), целесообразность использования термина «поликодовый текст» при анализе художественного текста объясняется тем, что при выборе данного варианта исследовательский фокус делается на изучении текста как «когерентного целого, слагаемого из нескольких семиотических кодов» [8, с. 90], что представляется особенно значимым при рассмотрении смысловой структуры художественного текста, по праву считающейся исключительно сложным смысловым феноменом [9].

Поликодность, несмотря на значительное количество имеющихся исследований, изучалась в основном в таких типах текста, как рекламные объявления и плакаты [10], мемы [11], карикатуры [12], обложка журнала [13], СМС-сообщения [14], текстах медиа и СМИ [15], при этом до сих пор не было выработано представления о статусе феномена поликодности в смысловой структуре художественного текста, не предложена классификация поликодовых художественных текстов, учитывающая виды используемых в современных художественных текстах семиотических ресурсов, не уточнены механизмы выдвижения, обуславливающие интеграцию различных семиотических ресурсов, участвующих в создании трансмодального смысла текста.

В данной статье поликодность рассматривается как стратегия построения художественного текста, при этом под стратегией понимается «планирование процесса речевой коммуникации» [16, с. 54], предпринимаемое автором художественного текста и составляющее таким образом неотъемлемую часть интерпретационной программы создаваемого произведения. Актуальность исследования поликодности как целенаправленного введения различных семиотических ресурсов в смысловую структуру художественного текста [17] обусловлена значительным ростом поликодовых художественных текстов в двадцать первом веке, что неразрывно связано с активным развитием офсетной литографии и цифровых технологий в современном мире, приведших к так называемому «мультимодальному повороту» [18, р. 3] в филологии и книгопечатании.

Актуальным является, таким образом, анализ тех функций, которые выполняются семиотическими ресурсами различной природы при моделировании художественного произведения.

В качестве гипотезы этого исследования выдвигается предположение, что поликодность представляет собой стратегию текстообразования, в имплицитной форме актуализируемую в любом художественном тексте. При этом художественные тексты XX–XXI вв. часто моделируются авторами при помощи эксплицитных механизмов поликодности, способствующих усилению эффекта семиотического резонанса.

Цель статьи состоит в определении статуса понятия поликодовости как стратегии текстообразования, имеющей имплицитную и эксплицитную формы реализации в художественном тексте.

Заявленная в статье цель требует решения следующих исследовательских задач:

1) классификации способов формальной организации семиотических ресурсов, используемых в художественных текстах и репрезентирующих авторскую прагматическую установку на семиотическую усложненность моделируемых произведений;

2) анализа реализации стратегии поликодовости в современных художественных текстах, в которых авторами используются как имплицитные, так и эксплицитные механизмы поликодовости.

Методология и источники. Исследование основано на теоретических положениях лингвистики текста, стилистики декодирования, а также на работах, посвященных анализу явления поликодовости. В работе используются методы лингвосемиотического, когнитивно-дискурсивного и стилистического анализа, сочетание которых позволяет предложить междисциплинарный подход к интерпретации поликодовых художественных текстов, учитывающий их гетерогенную семиотическую природу и усложненную интерпретационную программу.

В качестве материала исследования в статье используются фрагменты текстов художественной литературы англоязычных авторов – Нила Геймана, Маргарет Атвуд, Курта Воннегута и Маркуса Зусака.

Результаты и обсуждение. Основатель одного из самых актуальных направлений современных филологических исследований Т. ван Леувен предлагает следующее, уже ставшее каноническим, определение семиотических ресурсов как «действий и артефактов, которые мы используем для коммуникации, независимо от того, произведены ли они физиологически – нашим голосовым аппаратом, нашими мышцами, передающими выражения лица, а также жестами, – или при помощи технических средств – ручки, чернил и бумаги; компьютерного жесткого диска и программного обеспечения – вместе со способами организации данных семиотических ресурсов. Семиотические ресурсы имеют семантический потенциал, основанный на их прошлых использованиях, а также набор аффордансов, основывающихся на их потенциальных использованиях, которые будут актуализированы в конкретных социальных контекстах, где их использование подпадает под соответствующий семиотический режим» [19, p. 285 – перевод наш, А.А и З.Ч.].

В художественном тексте мы вслед за В. Халлетом выделяем так называемые связанные семиотические ресурсы (вербально опосредованные), к которым относим использование шрифта и его композиции, цвета, дизайна страницы, а также свободные семиотические ресурсы, к которым можно отнести любые виды невербальных ресурсов, будь то фотографии, рисунки, схемы, диаграммы. При этом, определяя так называемый «семиотический режим», используемый в художественном дискурсе как одной из распространенных дискурсивных практик, необходимо принять в расчет комплексность конструируемого трансмодального смысла в фикциональном мире, которую В. Халлет передает при помощи схемы (рис. 1).

Из этой схемы с очевидностью проистекает, что исследователь рассматривает свободные семиотические ресурсы (фотографии, диаграммы) как неотъемлемую составную часть фикционального мира произведения, обусловленную интенцией автора предложить читателям семиотически усложненную интерпретационную программу.

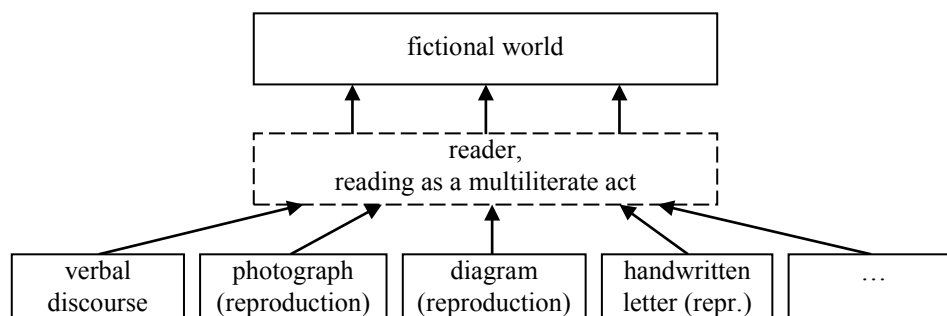

Рис. 1. Конструирование фикционального мира поликодового текста [20, р. 27]

Fig. 1. Construction of the fictional world in the polycode text

Трактуя поликодовость как стратегию текстопорождения, необходимо сразу же отметить, что еще до так называемого «визуального поворота» в лингвистике, когда многие исследователи стали особого отмечать значимость визуального ландшафта при интерпретации художественного текста, И. В. Арнольд, например, описывая стилистическую природу художественного текста, выделяла так называемую «графическую образность», настаивая на существовании особого графического кода и описывая графические средства как «особую систему знаков и правил их употребления, предназначенную для хранения и передачи вербального сообщения в виде, пригодном для зрительного восприятия» [21, с. 315]. Выделение особого графического кода или визуально-графического модуса текста (см., например, [22, с. 120], [23, с. 133]) свидетельствует об обоснованности нашего предположения, что стратегия поликодовости реализуется во всех художественных текстах, в части которых, условно называемых традиционными, она будет актуализироваться в имплицитной форме.

Другими словами, в таких текстах будут задействованы связанные семиотические ресурсы, графически выдвигаемые создателями художественных текстов в процессе реализации своей коммуникативно-творческой стратегии.

Так происходит, например, в рассматриваемом далее примере (рис. 2).

these pages. Most of the stories we have, however, concern
two gods, Odin and his son Thor, and Odin's blood brother,
a giant's son called Loki, who lives with the Aesir in Asgard.

Odin

The highest and the oldest of all the gods is Odin.

Odin knows many secrets. He gave an eye for wisdom.
More than that, for knowledge of runes, and for power,
he sacrificed himself to himself.

Рис. 2. «Norse Mythology» («Скандинавские боги») [24, р. 1]

Fig. 2. «Norse Mythology»

В приведенном фрагменте из произведения «Norse Mythology» (в русском переводе «Скандинавские боги») под авторством известного английского писателя Нила Геймана имя персонажа – одного из главных представителей скандинавской мифологии, бога Одина – выделено жирным шрифтом и отделено от основного текста, тем самым занимая всю строку.

Сочетание утолщения и стилизации шрифта под старину способствует усилению прагматического воздействия, вовлекая читателей в игру в вымысел. Таким же образом далее в книге вводятся другие немаловажные персонажи, например, Тор и Локи, а их имена впервые визуально представлены читателю таким же способом – с помощью графически выделенного элемента. Такой подход к введению главных персонажей, о которых пойдет речь в дальнейшем повествовании, является не просто приемом привлечения внимания читателя и таким образом выполняет аттрактивную функцию (хотя и является его немаловажным признаком), но также способствует деавтоматизации восприятия читателем текста в процессе его интерпретации. Такой прием вплетается в повествование, сообщая о важности вводимого персонажа. Графическое выдвигание, представляющее собой механизм имплицитной поликодовости, в этом примере выполняет сразу несколько функций:

1. Изобразительно-выразительная функция. С ее помощью автор формирует у читателя представление о каких-либо персонажах или явлениях. В примере имплицитная поликодовость графически выдвигает на передний план значимость персонажа для сюжетодвижения.

2. Функция создания образности. Эта функция реализуется, когда автор собирательно описывает персонажа своего произведения, превращая его в некий символический образ. В частности, по И. Р. Гальперину [25, с. 352], герой произведения, который представляет собой обобщенный тип, и называется образом. В анализируемом примере и Тор, и Локи являются обобщенным типом божества вообще, мифологической сущности, наделенной внеземными, нечеловеческими способностями.

Таким образом, здесь поликодовость находит свое отражение не эксплицитно, в виде фотографий и прочих визуальных элементов, добавленных к вербальному тексту, а имплицитно, при помощи типографического семиотического ресурса, под которым мы понимаем «особый модус коммуникации и формат смысловыражения, а именно оформленность текста средствами шрифта, шрифтовой гарнитуры и шрифтовой композиции» [26, с. 91].

Рассмотрим еще один пример текста, в котором поликодовость актуализируется при помощи имплицитных механизмов (рис. 3).

cut out, but the meaning was clear enough. There were a lot of Baby
Nicole posters: ALL GILEAD BABIES ARE BABY NICOLE!

Then our school group shouted things and held up our signs, and
other people had different signs: DOWN WITH GILIBAD FASCISTS!
SANCTUARY NOW! Right then some counter-marchers turned up
with different signs: CLOSE THE BORDER! GILEAD KEEP YOUR OWN
SLUTS AND BRATS, WE GOT ENOUGH HERE! STOP THE INVASION!

Рис. 3. «The Testaments» («Заветы») [27, p. 51]

Fig. 3. «The Testaments»

Примерами использования типографических ресурсов, актуализирующих поликодовость в художественном тексте, в данном случае служат фрагменты книги канадской писательницы Маргарет Этвуд «The Testaments» («Заветы»). В приведенном отрывке повествуется о нескольких сторонах конфликта, представленных персонажами, которые столкнулись на демонстрации и пытаются отстоять собственные взгляды. При моделировании повествования происходит намеренное сочетание двух видов шрифтов, что ведет к графическому выдвиганию отдельных фраз, визуализирующих плакат или транспарант. Использование таких шрифтовых эффектов, межбуквенных Поликодовость как стратегия построения современного художественного текста

интервалов и специальной отбивки обуславливает реализацию аттрактивной и эмотивной функций в художественном тексте. Аттрактивная функция, как уже говорилось ранее, связана с привлечением внимания реципиента текста, а эмотивная – с передачей чувств говорящего. В данном случае автор посредством поликодовости передает чувства персонажей, задействованных в конфликте на демонстрации, тем самым способствуя возникновению у читателя нарративной эмпатии.

В данном случае поликодовость также выражена имплицитно, фрагмент поликодового текста, в котором актуализируется стратегия поликодовости, вплетается в основную историю, тем самым выполняя сюжетообразующую функцию. Сюжетообразующая функция в художественном тексте заключается в организации и развитии событий, на которых строится повествование, и является одним из главных факторов, коренным образом формирующих структуру произведения в целом. В рассматриваемом примере стратегия поликодовости помогает автору полнее раскрыть события фикционального мира и позволяет читателю в той или иной мере увидеть происходящее (или, по меньшей мере, некоторые предметы обстановки фикционального мира) как его увидели бы сами персонажи, переживающие события книги.

Итак, вышеупомянутые произведения можно отнести к таким поликодовым художественным текстам, где задействованы имплицитные механизмы моделирования поликодовости: использование различных видов шрифтов и шрифтовых эффектов, жирный шрифт, графическая образность (графический дизайн страниц). В результате такого графического выдвижения как способа организации текстов, достаточно традиционных для художественных практик, читателям предлагается декодировать авторскую интенцию, состоящую в усилении экспрессивности и эмотивности художественных текстов, их референциальной иллюзии.

Однако, наряду с более семиотически традиционными художественными текстами, в которых отмечается креативное использование связанных семиотических ресурсов, современные тексты демонстрируют широкий спектр так называемых свободных семиотических ресурсов. Так, во фрагменте текста романа «Breakfast of Champions, or Goodbye Blue Monday» («Завтрак для чемпионов, или Прощай, Чёрный понедельник!») американского писателя Курта Воннегута можно увидеть, что поликодовость может быть выражена эксплицитно (рис. 4).

Bad chemicals and bad ideas were the Yin and Yang of madness. Yin and Yang were Chinese symbols of harmony. They looked like this:

Рис. 4. «Завтрак для чемпионов, или Прощай, Чёрный понедельник!» [28, p. 13]

Fig. 4. «Breakfast of Champions, or Goodbye Blue Monday»

В приведенном фрагменте для подтверждения своего постулата о неразрывной связи «плохой “химии” (имеются в виду биологически активные химические вещества, вырабатываемые в мозгу описываемого до этого персонажа) и плохих идей» («Bad chemicals and bad ideas were the Yin and yang of madness» [28, p. 13]) автор приводит аналогию с Инь и Ян. Далее автор, прерывая ход своего повествования, делает пояснение, что Инь и Ян являются китайскими символами гармонии («Yin and Yang were Chinese symbols of harmony» [там же]). Следует отметить,

что концепция инь-ян в китайской философии является фундаментальной моделью бытия и символизирует взаимодействие крайних противоположностей, что применительно к контексту повествования, поскольку Куртом Воннегутом явления «идея» и «химический импульс, генерируемый мозгом» представляются как два взаимосвязанных начала.

Далее, чтобы сделать объяснение более наглядным, автор от лица рассказчика делает для читателя пометку, что «они выглядели следующим образом» («They looked like this» [там же]), и сразу же после этих слов приводит рисунок, якобы сделанный им, на котором изображен общеизвестный символ Инь и Ян. Рисунок похож на традиционное графическое обозначение символа Инь и Ян, на котором две противоположности обозначаются двумя разными цветами – белым (ян) и черным (инь). Интересно заметить, что в научных изданиях часть символа, обозначающая сторону инь, закрашивается в черный цвет полностью, однако здесь, в художественном издании, эта часть лишь только заштрихована черными линиями. Тем не менее такой подход к визуализации символа не делает его менее узнаваемым, но при этом подчеркивает функцию усиления игровой модальности текста – штрихи имитируют зарисовку «от руки» темным карандашом или черной ручкой, создавая так называемую «референциальную иллюзию». Таким образом, рисунок предстает перед читателем якобы в таком же виде, как если бы был нарисован рассказчиком, тем самым интенсифицируя эффект игры в вымысел у читателя, что одновременно приводит и к усилению эмотивности текста.

Во фрагментах текста следующего рассматриваемого романа «The Book Thief» («Книжный вор») австралийского автора Маркуса Зусака можно также найти эксплицитную поликодовость, при этом выраженную в еще более экспрессивной форме (рис. 5).

When he was finished, he used a knife to pierce the pages and tie them with string. The result was a thirteen-page booklet that went like this:

Рис. 5. «Книжный вор» [29, p. 222–223]

Fig. 5. «The Book Thief»

Здесь визуальные элементы, представляющие собой свободные семиотические ресурсы в виде рисунков, по контексту происходящей истории заявляются как неотъемлемая часть диегетического уровня повествования. После слов рассказчика о том, что другой персонаж создал небольшой необычный дневник-брошюру («...he used a knife to pierce the pages and tie them with string. The result was a thirteen-page booklet that went like this» [29, p. 222]), следуют рисунки. Таким образом, читатель сталкивается с нестандартной формой повествования: в процессе чтения он просматривает рисунки, созданные человеком, о котором говорит рассказчик. Иными словами, сами персонажи произведения ссылаются на изображение, которое в него вставлено. Таким образом, визуальные и вербальные элементы не только взаимодействуют, но и обуславливают возникновение трансмодального смысла текстом, создавая эффект семиотического резонанса, который возникает при взаимодействии знаковых систем в семиотически гетерогенном дискурсивном пространстве [30, с. 125]. Если обычные иллюстрации чаще всего созданы художниками-иллюстраторами, не имеющими прямого отношения к вербальному тексту произведения, то в данном примере реальным автором этих иллюстраций является писатель. Таким образом, здесь происходит взаимодействие всех антропоцентров художественного произведения: во-первых, реального автора текста, создавшего текст и иллюстрации в нем; во-вторых, персонажа романа, который в контексте повествования создал эти иллюстрации для своего дневника; в-третьих, читателя романа, который видит эти иллюстрации (как если бы их ему показывал персонаж), тем самым вовлекаясь в игру в вымысел, усиливающуюся при помощи данных визуальных опор. Итак, можно говорить даже не о диалогизме художественного текста, а полилогизме, который осуществляется благодаря поликодовости. Также именно на ранее указанных и последующих поликодовых комплексах или кластерах, сочетающих в себе свободные и связанные семиотические ресурсы, и строится дальнейшее продвижение сюжета повествования (читатель одновременно знакомится с иллюстрациями дневника персонажа и лучше понимает характер персонажа, а также узнает о его опыте), что позволяет говорить о том, что поликодовость, помимо всего прочего, выполняет характеризующую функцию, т. е. раскрывает черты характера персонажа, его внутренний опыт и переживания, что доказывает правомерность анализа поликодовости как стратегии построения художественного текста.

Заключение. Итак, по результатам выполненного анализа англоязычных художественных текстов можно подтвердить гипотезу о том, что поликодовость в художественном тексте является стратегией текстообразования. Поликодовость находит свое отражение как в традиционной для художественного текста имплицитной форме (шрифт, его размер и цвет, а также графическая образность), так и в эксплицитной форме (изображения, рисунки, схемы, фотографии и другие свободные семиотические ресурсы). Таким образом, автор текста закладывает для реципиента художественного текста более сложную программу интерпретации, но при этом сильнее вовлекает его в игру в вымысел, поддерживаемую разнообразными визуально-графическими опорами, усиливает эмоциональное воздействие на адресата благодаря использованию графического и визуального механизмов выдвижения.

Анализ большого корпуса поликодовых художественных текстов позволяет сделать вывод, что в художественном тексте поликодовость как стратегия текстообразования выполняет разнообразные функции, реализуемые по отдельности или одновременно, в зависимос-

ти от формы актуализации этой коммуникативно-творческой стратегии: она привлекает внимание читателя, выполняя аттрактивную функцию, и этим способствуя деавтоматизации процесса чтения. Поликодовость используется авторами многих современных художественных текстов как механизм сюжетодвижения, как способ характеристики персонажа, что позволяет читателю полнее погрузиться в фикциональный мир художественного произведения. Используемые при моделировании художественных текстов свободные и связанные семиотические ресурсы в соответствии с авторским замыслом служат также усилению эмотивности и экспрессивности таких текстов, а также интенсификации их игровой модальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. Ч. 1. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. С. 103–109.
2. Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестн. Томского гос. ун-та. 2014. № 378. С. 45–48.
3. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: ИЯз РАН, 2005.
4. Уварова Е. А. Фотомонтаж как средство реализации комического в поликодовом тексте (на примере новостных текстов портала "The onion") // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 145–153. DOI: 10.18522/2070-1403-2018-69-4-145-153.
5. Чемодурова З. М., Евстигнеева Е. В. Поликодовость как признак постмодернистского художественного текста // Международный научный институт «Educatio». 2015. № 7-1 (14). С. 118–121.
6. Понять другого: проблемы интерпретации текста в современной науке / И. А. Щирова, А. Г. Гурочкина, Е. А. Гончарова и др. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2023.
7. Современный художественный текст в зеркале мультимодальной стилистики // Художественный текст: формулы смысла / Е. А. Гончарова, Е. Ю. Ильинова, В. И. Карасик и др. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 112–143.
8. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009.
9. Щирова И. А. Текст сквозь призму сложного. СПб.: Политехника-сервис, 2013.
10. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности / В. З. Демьянков, И. В. Зыкова, О. В. Соколова и др. М.: Р. Валент, 2021.
11. Полидискурсивность интернет-мема как реализация его лингвокреативного потенциала / А. В. Полонский, Ю. Н. Шаталова, С. В. Крюкова, С. В. Ушакова // Медиалингвистика. 2023. Т. 10, № 2. С. 209–222. DOI: 10.21638/spbu22.2023.204.
12. Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия СПбГУЭФ. 2011. № 6. С. 62–64.
13. Блинова О. А. Обложка журнала как мультимодальный текст // Научный диалог. 2019. № 5. С. 9–24. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-9-24.
14. Нестерова Т. В. Поликодовый текст как способ коммуникации // Человек в информационном пространстве: сб. науч. статей / под общ. ред. Т. П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 213–219.
15. Рацибурская Л. В. Поликодовость в медийном словотворчестве как средство речевого воздействия // Труды ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2019. С. 215–221.
16. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
17. Chemodurova Z. M. Visual foregrounding in contemporary fiction // Issues of Cognitive Linguistics. 2021. № 2. P. 5–15. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15.
18. Jewitt C. Handbook of Multimodal Analysis. London: Routledge, 2009.

19. Van Leeuwen T. *Introducing Social Semiotics: An Introductory Textbook*. London: Routledge, 2004.
20. Hallet W. Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // *Anglistik: Int. J. of English Studies*. 2018. Vol. 29, iss. 1. P. 25–40.
21. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник*. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
22. Нефёдов С. Т. Оценка значимости в структуре мультимодального научного текста // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2022. Вып. 12. С. 116–135. DOI: 10.21638/spbu33.2022.106.
23. Мельничук О. А., Мельничук Т. А. Стратегии художественного дискурса // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1 (34). С. 125–135.
24. Gaiman N. *Norse mythology*. NY: W.W. Norton & Company, 2017.
25. Гальперин И. Р. *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Просвещение, 1958.
26. Чернявская В. Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // *Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание*. 2023. Т. 22, № 5. С. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>.
27. Atwood M. *The testaments*. 1st ed. NY: Nan A. Talese/Doubleday, 2019.
28. Vonnegut K. *Breakfast of Champions or Goodbye Blue Monday*. 12th ed. NY: Dial Press Trade Paperback, 1999.
29. Zusak M. *The book thief*. NY: Alfred A. Knopf, 2005.
30. Логинова Е. Г. Семиотический резонанс в моно- и полимодальном дискурсе (на материале русской и английской драмы): дис. ... д-ра филол. наук / ИЯз РАН. Москва, 2021.

Информация об авторах.

Абдрафикова Алия Азаматовна – ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор одной научной публикации. Сфера научных интересов: лингвистика текста, стилистика, современная английская художественная литература.

Чемодурова Зинаида Марковна – доктор филологических наук (2017), доцент (2005), заведующая кафедрой английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, стилистика, нарратология, когнитивная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.07.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.*

REFERENCES

1. Eiger, G.V., and Yukht, V.L. (1974), "To build a typology of texts", *Lingvistika teksta* [Linguistics of the text], *Materialy nauchnoi konferentsii v MGPIIYa imeni M. Toreza*, Part 1, Moscow, USSR, pp. 103–109.
2. Nekrasova, E.D. (2014), "On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment)", *Tomsk State Univ. J.*, no. 378, pp. 45–48.
3. Sonin, A.G. (2005), *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyi aspekt* [Understanding polycode texts: the cognitive aspect], Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, RUS.
4. Uvarova, E.A. (2018), "Photomontage as a means of realization of the category of the comic in the polycode text (on the basis of news texts of the web-portal "The Onion")", *The Humanities and social sciences*, no. 4, pp. 145–153.

5. Chemodurova, Z.M. and Evstigneeva, L.V. (2015), "Multimodality as a Feature of Postmodern Literary Text", *Educatio*, no. 7-1 (14), pp. 118–121.
6. Shchirova, I.A., Gurochkina, A.G., Goncharova, E.A. et al. (2023), *Ponyat' drugogo: problemy interpretatsii teksta v sovremennoi nauke* [Understanding the Other: problems of text interpretation in modern science], Herzen Univ., SPb., RUS.
7. Goncharova, E.A., Il'inova, E.Yu., Karasik, V.I. et al. (2022), "Modern artistic text in the mirror of multimodal stylistics", *Khudozhestvennyi tekst: formuly smysla* [Artistic text: formulas of meaning], FLINTA, Moscow, RUS, pp. 112–143.
8. Chernyavskaya, V.E. (2009), *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity], Librokom, Moscow, RUS.
9. Shchirova, I.A. (2013), *Tekst skvoz' prizmu slozhnogo* [Text through the prism of complex], Politekhnik-servis, SPb., RUS.
10. Dem'yankov, V.Z., Zykova, I.V., Sokolova, O.V. et al. (2021), *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti* [Linguocreativity in discourses of different types: limits and possibilities], R. Valent, Moscow, RUS.
11. Polonskiy, A.V., Shatalova, Yu.N., Kryukova, S.V. and Ushakova, S.V. (2023), "Polydiscursivity of the Internet meme as a realization of its linguo-creative potential", *Media Linguistics*, vol. 10, no. 2, pp. 209–222. DOI: 10.21638/spbu22.2023.204.
12. Arias, A.M. (2011), "A Policode text as a semiotic-semantic and aesthetic sign unity (using as an example a German caricature)", *Izvestiya SPBGUEF*, no. 6, pp. 62–64.
13. Blinova, O.A. (2019), "Magazine Cover as Multimodal Text", *Nauchnyi dialog*, no. 5, pp. 9–24. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-9-24.
14. Nesterova, T.V. (2019), "Polycode text as a way of communication", *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Man in the information space], in Kuranova, T.P. (ed.), RIO YaGPU, Yaroslavl', RUS, pp. 213–219.
15. Ratsiburskaya, L.V. (2019), "Polycode character in the media creation of words as a means of speech influence", *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, pp. 215–221.
16. Issers, O.S. (2008), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], 5th ed., Izd-vo LKI, Moscow, RUS.
17. Chemodurova, Z.M. (2021), "Visual foregrounding in contemporary fiction", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15.
18. Jewitt, C. (2009), *Handbook of Multimodal Analysis*, Routledge, London, UK.
19. Van Leeuwen, T. (2004), *Introducing Social Semiotics: An Introductory Textbook*, Routledge, London, UK.
20. Hallet, W. (2018), "Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach", *Anglistik: Int. J. of English Studies*, vol. 29, no. 1, pp. 25–40.
21. Arnol'd, I.V. (2002), *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English], 4th ed., Flinta, Nauka, Moscow, RUS.
22. Nefedov, S.T. (2022), "Evaluation of relevance in the structure of a multimodal scientific text", *German Philology in St Petersburg State Univ.*, iss. 12, pp. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.106>.
23. Melnichuk, O.A. and Melnichuk, T.A. (2013), "Textual Strategies of Fictional Discourse", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (34), pp. 125–135.
24. Gaiman, N. (2017), *Norse mythology*, W.W. Norton & Company, NY, USA.
25. Gal'perin, I.R. (1958), *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [Essays on the stylistics of the English language], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
26. Chernyavskaya, V.E. (2023), "Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation", *Science J. of VolSU. Linguistics*, vol. 22, no. 5, pp. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>.
27. Atwood, M. (2019), *The testaments*, 1st ed., Nan A. Talese/Doubleday, NY, USA.
28. Vonnegut, K. (1999), *Breakfast of Champions or Goodbye Blue Monday*, 12th ed., Dial Press Trade Paperback, NY, USA.

29. Zusak, M. (2005), *The book thief*, Alfred A. Knopf, NY, USA.

30. Loginova, E.G. (2021), "Semiotic resonance in mono- and polymodal discourse (based on the material of Russian and English drama)", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Aliya A. Abdrafikova – Assistant Lecturer at the Department of English Language and Cultural Studies, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of one scientific publication. Area of expertise: text linguistics, stylistics, modern English fiction.

Zinaida M. Chemodurova – Dr. Sci. (Philology, 2017), Docent (2005), Head of the Department of English Language and Cultural Studies, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of over 150 scientific publications. Area of expertise: text linguistics, stylistics, narratology, cognitive linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.07.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 81.42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-133-145>

Поэтический дискурс как синергичное пространство репрезентации аксиологической системы

Инна Петровна Черкасова

*Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Россия,
inna_cherkasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3238-8148>*

Введение. Статья посвящена изучению специфики поэтического дискурса как синергичной системы, нацеленной на репрезентацию аксиологических доминант. Дискурс представлен как сложное структурно-семантическое образование, актуализация взаимодействия языковых средств текста с экстралингвистическими факторами.

Методология и источники. Методологической основой выступают идеи и разработки отечественных и зарубежных авторов в области теории дискурса (В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. В. Олянич, Ю. С. Степанов, Т. А. ван Дейк и др.), лингвоконцептологии и лингвокультурологии (С. Г. Воркачев, Н. А. Красавский, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин и др.), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова и др.), лингвистической синергетики (В. Ю. Барбазюк, В. Г. Буданов, В. Л. Малахова и др.) и филологической герменевтики (Г. И. Богин, В. П. Литвинов, С. Н. Бредихин и др.). Материалом явились поэтические тексты авторов XIX–XX вв. (А. Тарковский, Р. М. Рильке, Э. Дикинсон и др.). Методы анализа: частотный, контекстуальный, лингвистико-герменевтический, техника кристаллизации смысла.

Результаты и обсуждение. Центральным и основополагающим в поэтическом дискурсе является метаконцепт гуманизма, реализуемый в текстах посредством различных образов, концептов и концептосфер, которые выступают как аксиологические координаты бытия, выявляемые с помощью количественного и качественного анализа. Аксиологические доминанты вербализуются в соответствии с характером и своеобразием материальной, духовной и социальной культуры, в тесной связи с лингвистическими и прагматическими составляющими. Языковая палитра подтверждает тот факт, что гуманизм подразумевает нацеленность на утверждение блага человека, а также его способность к творческому мышлению, оценке происходящего и преображению реальности с учетом многообразия существующих в мире взаимосвязей и взаимозависимостей.

Заключение. Поэтическое пространство формирует альтернативную реальность человека, опирающуюся на аксиологическую систему координат, имеющую большой спектр функций: мыслительную, эстетическую, прогнозирующую, деонтическую и др. Языковая специфика, опирающаяся на единство взаимодействующих языковых уровней, нацелена на формирование синергичного мировосприятия и творческого мышления.

Ключевые слова: дискурс, поэзия, аксиология, концепт, доминанта, гуманизм, смысл

Для цитирования: Черкасова И. П. Поэтический дискурс как синергичное пространство репрезентации аксиологической системы // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 133–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-133-145.

© Черкасова И. П., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Poetic Discourse as a Synergistic Space for Expressing a System of Values

Inna P. Cherkasova

*K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia,
inna_cherkasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3238-8148>*

Introduction. The article is devoted to the study of poetic discourse as a synergetic system aimed at representing axiological dominants. The discourse is presented as a complex structural and semantic formation, actualization of the interaction of text structures with extralinguistic factors.

Methodology and sources. The methodological basis is the ideas and developments of the researchers in the field of discourse theory (V.Z. Demyankov, V.I. Karasik, A.V. Olyanich, Yu.S. Stepanov, T.A. van Dijk, etc.), linguoconceptology and linguoculturology (S.G. Vorkachev, N.A. Krasavsky, V.A. Maslova, G.G. Slyshkin, etc.), cognitive linguistics (N.D. Arutyunova, N.N. Boldyrev, E.S. Kubryakova, etc.), linguistic synergetics (V.Y. Barbazyuk, V.G. Budanov, V.L. Malakhova, etc.) and philological hermeneutics (G.I. Bogin, V.P. Litvinov, S.N. Bredikhin, etc.). The analysis was carried out by means of contextual and linguistic-hermeneutic methods, quantitative analysis techniques, crystallization technique.

Results and discussion. The main thing in poetic discourse is the metaconcept of humanism, implemented in texts through various images, concepts and conceptspheres, which act as axiological system identified through quantitative and qualitative analysis. Axiological dominants are verbalized in accordance with the uniqueness of spiritual and social culture, in close connection with linguistic and pragmatic components. Linguistic structures confirm the fact that humanism implies the ability of people to think creatively, assess the dynamics of the world, and transform reality, taking into account the diversity of existing relationships and interdependencies in the world.

Conclusion. Poetry creates an alternative human reality based on an axiological system with a wide range of functions, including: a mental function, an aesthetic function, a predictive function, a deontic function. Language specificity, based on the synergy of language levels, is aimed at forming a synergistic worldview and human creative thinking.

Keywords: discourse, poetry, axiology, concept, dominant, humanism, meaning

For citation: Cherkasova, I.P. (2025), "Poetic Discourse as a Synergistic Space for Expressing a System of Values", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 133–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-133-145 (Russia).

Введение. Поэтический дискурс представляет собой сложный и многогранный феномен, занимающий особое место в системе дискурсивных исследований. Несмотря на многовековую историю поэтических текстов и многочисленные труды в этой области (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. В. Витковская, М. М. Гиршман, Н. О. Гучинская, В. М. Жирмунский, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Г. И. Ратгауз, Е. Г. Эткинд, Р. О. Якобсон и др.), исследователи вновь и вновь называют его структурно-семантическую организацию загадочной (Ю. М. Лотман, В. П. Литвинов и др.). Смысловая компрессия и символика, метафорические структуры и аллегории, экспрессия и гармония, множественность точек рефлексии и способов кристаллизации смысла лежат в основе поэтической философии как особого синергийного видения мира. Аристотель отмечал, что поэзия содержит в себе больше «фи-

лософского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история – частное» [1, с. 51]. Р. Якобсон определял поэзию как «язык в его эстетической функции» [2, с. 218, 275]. А. А. Потебня, опираясь на синтез внешней формы, внутренней формы и содержания, прослеживал тесную связь, существующую между словом (языком), поэзией, пластическими искусствами, музыкой, религией и философией [3, с. 190–195]. Будучи многоплановым структурно-семантическим образованием, поэтический текст выступает как «вызов» мышлению, заставляя его искать новые системы оценок и аналогий. «Мышление не мыслит, если оно согласно», – справедливо писал в этой связи В. П. Литвинов [4, с. 26]. Результатом мыслительного процесса становится изменение значений, понятий, трансформация логических пространств, определяющих смыслообразование [4, с. 310]. В системе дискурсивных исследований (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, В. В. Красных, А. В. Олянич, Ю. С. Степанов, Т. А. ван Дейк и др.) поэтический дискурс является одним из наименее изученных с точки зрения структурных, языковых и аксиологических особенностей бытования.

Результаты и обсуждение. Сопоставление основополагающих характеристик поэтического и иных типов дискурса позволяет говорить о лингвокультурной специфике поэзии, лежащей в основе вневременной значимости ее текстов. Если в центре внимания научного дискурса находится аксиологическая доминанта *знание*, в фокусе медицинского дискурса – *здоровье*, медиадискурс акцентируется на *социальном взаимодействии*, рекламный дискурс (в его идее и идеальном воплощении) – на *качестве жизни (продукта)*, экологический дискурс – на *гармонии взаимодействия человека с природой*, то в сфере внимания поэтического дискурса находится метаконцепт *гуманизм*, понимаемый как «признание ценности человека как личности, его право на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений» [5], осмысление сути и функционального потенциала человеческого бытия. Специфика основополагающего метаконцепта определяет особенности рефлексии, своеобразие концептосферы и используемый для реализации «поставленных задач» языковой ресурс. Однозначности лексики научного дискурса (В. И. Карасик, М. Ю. Мироненко, Ю. Н. Наumenко, Н. К. Рябцева, А. О. Стеблецова, И. П. Хурыз и др.) противостоит открытый для интерпретаций потенциал поэтического дискурса (Ю. М. Лотман, И. В. Сосновская, О. М. Филатова и др.), манипулятивному пространству воздействия медиа- и рекламного дискурса (М. Р. Желтухина, В. А. Буряковская, Т. Г. Добросклонская, Л. В. Судина и др.) – рефлексия поэтического мира (Г. И. Богин, И. А. Воробей, В. П. Литвинов и др.), конкретности экологического и медицинского типов (А. В. Зайцева, Н. А. Красильникова, Ф. Л. Косицкая и др.) – образность поэтической сферы (П. С. Иванов, Е. И. Малышева, С. А. Щербаков и др.), нейтральной лексике научного дискурса, ограниченно-оценочной (позволяющей прогнозировать палитру и результат оценки) рекламного и медиадискурса – деонтическая оценка поэтического дискурса [6]. Если диалогическое пространство медицинского, экологического, рекламного и других институциональных типов дискурса [7] нацелено в большей степени на коммуникацию в условиях синхронии и теряет в значительной степени свою актуальность с течением времени, то поэтический дискурс демонстрирует вневременную значимость как в аксиологической системе синхронии, так и в диахронической коммуникации, открывая способность сохранять одни смыслы и постепенно утрачивать другие.

Следует также отметить высокий синергийный потенциал поэтического текста, позволяющий демонстрировать единство и неотделимость различных сторон и пространств бытия, приращение смысла в результате взаимодействия и взаимовлияния языковых единиц и структур. Н. Ф. Алефиренко, анализируя лирико-прозаический дискурс, пишет о нем: «Из хаоса мыслей и чувств, из смутных и спонтанно рождающихся образов возникает упорядоченная художественным мышлением красота, гармония мысли, чувства и слова» [8, с. 7]. Рассмотрим на примерах специфические черты поэтического дискурса.

*Зеленые рощи, зеленые рощи,
Вы горькие правнуки древних лесов,
Я – брат ваш, лишенный наследственной мощи,
От вас ухожу, задвигаю засов.*
(А. Тарковский [9, с. 33].)

Так, в стихотворении А. Тарковского «Зеленые рощи, зеленые рощи...» аллитерации и ассонанс, повторы и метафоры формируют новую точку рефлексии, которая способствует переосмыслению отношений и связей, существующих между человеком и природой. Сопряжение различных перцептивных и понятийных пространств (*горькие правнуки, правнуки лесов, Я – брат ваш, От вас ухожу* и др.), нарушает привычный формат мыследеятельности и заставляет читателя совместить различные плоскости восприятия и мышления. В результате открывается возможность видения проблематики одновременно как в проекции синхронии, так и в плоскости диахронии, позволяющая провести параллель и показать взаимосвязи, существующие между живыми мирами. Одновременно новизна ракурса, апеллирующая к образному восприятию (*Зеленые рощи, ... От вас ухожу, задвигаю засов*), акцентирует неизменную роль аксиологической доминанты *природа* в системе ценностей человека.

*Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum.
Dort wo die Kinder schläfern, heiß vom Hetzen,
dort wo die Alten sich zu Abend setzen,
und Herde glühn und hellen ihren Raum.*
(Р. М. Рильке [10, с. 56].)

Посредством использования звуковой палитры, экспрессивных лексических единиц и структур (*heiß vom Hetzen, Herde glühn* и др.), зевгмы (*zwischen Tag und Traum*) формируются личностно переживаемые образы и генерируется ощущение причастности читателя происходящему. Введение частотной лексики, характерной для бытового (и многих других) вида дискурса, образов бытового дискурса, но при этом изменение стереотипных для данного ситуативного контекста лексических структур – все эти приемы способствуют кристаллизации объемного и многомерного пространства дома (*Ich bin zu Hause*). Учитывая тот факт, что дом выступает в качестве одной из важнейших аксиологических координат любой культуры, авторские образы получают сопряжение с необозримым пластом индивидуальной читательской рефлексивной реальности.

Понять уровень смысловой компрессии и возможности интерпретативного потенциала позволяет сопоставление переводов, говорящих о разнице культур и языковых систем, но одновременно об универсальности мыследеятельности как принципа и единстве аксиологических координат как основ общечеловеческого бытия.

*Я дома между днем и сновиденьем,
Где дети спят, горячие, побегав.
Где старшие сидят. Где вечер – лекарь,
И печи освещают помещенье.
(Перевод О. Лебединской [11].)
Я дома между вечером и днем,
Где дети дремлют от игры устав в ловитки,
Где старики сидят под вечер у калитки,
Горит очаг и освещает дом.
(Перевод А. Равиковича [12].)*

Существенная разница текстов демонстрирует личностные ограничения призмы восприятия переводчиков (понятийные, лексические и др.) и широту интерпретационного поля текста оригинала в целом.

*The Soul selects her own Society –
Then – shuts the Door –
To her divine Majority –
Present no more.
(E. Dickinson [13, p. 8].)*

Взаимодействие разных уровней видения мира (физический, духовный и др.) (*The Soul, the Door*) рождает неповторимые поэтические образы. Аллитерации, метафоры (*The Soul selects her own Society* и др.) и уникальный авторский синтаксис формируют сопряжение пространств рецепции и воображения, объединяющее восприятие внешнего и внутреннего миров личности, открывают взаимосвязи и взаимозависимости пространств, их взаимопроникновение в перцептивном универсуме рефлексии. Г. И. Богиным выделены три вида рефлексии: 1) рефлексия над опытом памяти при семантизирующем понимании; 2) рефлексия над опытом знания при когнитивном понимании; 3) рефлексия над опытом значащих переживаний при распрямляющем понимании [14]. Поэтический текст вовлекает одновременно все виды рефлексии в процесс восприятия и переживания информации. В результате при сохранении образов происходит динамика смыслового поля «текст оригинала – текст перевода», опирающаяся на специфику языковой системы, структуру и особенности рефлексивной реальности и интенцию переводчика:

*Душа свое общество выберет лично –
И – дверь запрет –
Никто в ее божественность –
Уж не войдет –
(Перевод Е. Камаевой [15].)
Душа сама выбирает общество,
И дверь закрой!
И больше ее высочество
Не беспокой!
(Перевод Б. Львова [16].)*

Неизбежные переводческие трансформации лежат в основе динамики смыслов в рамках поля «текст – реципиент».

Интертекстуальный потенциал и обращение к прецедентным феноменам обеспечивает возможность одновременно хранить культурный код и открывать его для читателей многих поколений. Высокая компрессия эссенциального смысла, характерная для поэтического дискурса, позволяет представить христианские образы в неповторимом свете, что делает смысл глубоким, персональным, многогранным и неисчерпаемым одновременно. Народные герои и Святые выступают в поэтических текстах прежде всего как символы веры, надежды, народных упований.

*К Николаю-чудотворцу,
Мирликийскому святому,
Караван тащился русский,
А вести пришлось Толстому.
Все надежды, все надежды
В Алексее, царском сыне!
К Николаю-чудотворцу
Караван его подходит...*
(К. Случевский [17, с. 188].)

Так, образ-смысл *Николай Чудотворец* в стихотворении К. Случевского «О царевиче Алексее» определяет художественный мир, формирует аксиологическую парадигму, прецедентное имя создает интертекстуальное пространство, восходящее к древнейшим славянским рукописям [18], способствует утверждению первичности мира духовного по отношению к миру земному, иллюзорность всеислия мирской власти и безграничное могущество Святости, определяющей понятие гуманизма. Повторы актуализируют интертекстуальные связи и фольклорные мотивы, сближая стихотворение с народными балладами и сказаниями. Таким образом, смысл, рожденный в тексте, переходит в метасмысл в рамках пространства индивидуальной рефлексивной реальности.

В отличие от институциональных типов дискурса поэзия развивает слово, отражая исторические связи прошлого и настоящего, связь типов дискурса, накапливая смысловой потенциал и преобразуя восприятие универсума, в котором внутренний мир обретает предметность и/или персонифицируется. Используя оценочную лексику, автор демонстрирует превосходящую значимость внутреннего мира по отношению к физическому пространству:

*Du meine heilige Einsamkeit,
du bist so reich und rein und weit
wie ein erwachender Garten.
Meine heilige Einsamkeit du -
halte die goldenen Türen zu,
vor denen die Wünsche warten.*
(R. M. Rilke [19].)
*О, одиночество, ты свято,
чисто, безмерно и богато,
как сад проснувшийся с зарей.
О, одиночество святое,
Укрой за дверью золотую,
не дай владеть желаньям мной.*
(Перевод Н. Самойлова [20].)

Определение *heilig* (святой, священный) фиксирует и предустанавливает рамки понимания текста в пространстве, сопряженном с религиозным дискурсом. Последующие определения основополагающего концепта текста *Einsamkeit* (одиночество, уединение), включающие *reich, rein, weit, golden (die goldenen Türen)* и повторяющееся обращение (*du*), характерное для молитвенного дискурса, позволяют сравнить базовый концепт с Храмом, а процесс и возможность мышления, личностного осмысления взаимодействия человека – с чрезвычайно важным и глубоко личностным миром. Повтор (*meine heilige Einsamkeit*), сравнение (*heilige Einsamkeit ... wie ein erwachender Garten*), персонификации (*die Wünsche warten, ein erwachender Garten*) и другие приемы утверждают приоритет интеллектуального нравственного бытия по отношению к физическому, признание ценности внутреннего свободного развития как блага.

Поэзия в совокупности с прозаическим дискурсом противостоит динамике, демонстрируя единство динамики и статики: изменчивость лексических значений, образов и статичность смыслов и концептосферы гуманизма:

*Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!*
(А. Тарковский [9, с. 64].)

В качестве одного из ярких примеров поэтического словотворчества в совокупности со статичной аксиологической доминант можно рассмотреть отрывок из «Дуинских элегий» Р. М. Рильке:

*Frühe Geglückte, ihr Verwöhnten der Schöpfung,
Hohenzüge, morgenrötliche Grate
aller Erschaffung, – Pollen der blühenden Gottheit,
Gelenke des Lichtes, Gänge, Treppen, Throne,
Räume aus Wesen, Schilde aus Wonne, Tumulte
stürmisch entzückten Gefühls*
(R. M. Rilke [10, с. 255].)

*Ранние счастливы, баловни творения,
горные цепи, предрассветные вестники
всех созданий, – пыльца цветущей божественности,
запятая света, ступени, лестницы, престолы,
просторы плоти, щиты блаженства, вихри
бурно восторженных чувств.*
(Перевод В. Куприянова [21].)

Сопряжение ряда сложных синестезийных образов, базирующихся на аксиологических категориях счастья, творения/творчества, совершенства, рождения/возрождения, надежды и других, нацелено на репрезентацию понимания абсолютного совершенства, символически представленного в элегиях посредством ангела (*Engel, Engel Ordnungen*). Созданные поэтическим мышлением посредством перечисления образы демонстрируют возможности развития слова, преодоления словарных значений, закрепленных с их помощью мыслительных систем и стереотипных логических взаимосвязей. Также открывается возможность переосмысления междискурсивных границ и включение в пространство интерпретации текста опыта и аксиологических приоритетов иных персональных и институциональных типов дискурса.

Сохраняя наряду с культурным кодом языковую специфику, поэзия демонстрирует приверженность всех культур единым общечеловеческим ценностям, повторяя идею о том, что верность гуманистическим идеям лежит в основе существования человека.

*Все на земле живет порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный,
и смерти не боится.*
(А. Тарковский [9, с. 366].)

Поэтические аллегории позволяют сфокусировать внимание на отдельных аспектах концептосферы духовности, нравственности и человеколюбия. Р. А. Лэнхэм связывает риторическую силу аллегории с особенностью человеческого восприятия как разновидностью референциального мышления, заставляющего восприятие мира чередоваться с концептуальным анализом [22, р. 5–6]. Г. Г. Хазагеров справедливо отмечает важность понимания «культурного шлейфа» аллегории [23, с. 77], Ф. Б. Щербаков акцентирует внимание на зашифрованном философском/научном/этическом знании, репрезентируемом аллегорическими образами [24, с. 183]. Например, образ Сократа в стихотворении А. Тарковского выступает как аллегория мудрости.

СОКРАТ
Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи.
Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы еще в грядущем.
Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.
(А. Тарковский [9, с. 82].)

Антитеза (эксплицитная и имплицитная, представленная через отрицание), переходящая в оксюморон, демонстрирует систему ценностей, отличную от предполагаемой общепринятой. Формы отрицания утверждают эфемерность земной власти, славы, почитания земных заслуг (*ни власти, ни почестей, ни войн победоносных*) и вечность мира (*Я плоть от вашей плоти, высота/ Всех гор земных и глубина морская*). В интертекстуальном пространстве формируется связь текста со скульптурными и живописными образами (пьедестал памятника Николаю I в Санкт-Петербурге, аллегории мудрости/благоразумия в живописи Тициана, П. Веронезе, Р. Реньери, М. Иванова и др.).

Особое внимание авторами уделяется роли слова, рождающего миры и пространства духовного бытия человека и человечества. Языковые средства (аллитерация, анафора, по-

втор, сравнение, метафора, эпитет, параллелизм, антитеза, синестезия и др.) в совокупности апеллируют к переосмыслению привычной связи понятий и категорий.

СЛОВАРЬ

*Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.
Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.*
(А. Тарковский [9, с. 192].)

Многоплановое пространство поэтического текста формирует многогранное полилогическое пространство дискурса, образующее безграничную палитру интертекстуальных связей, смыслов и метасмыслов:

*This is my letter to the World
That never wrote to Me –
The simple News that Nature told –
With tender Majesty
Her Message is committed
To Hands I cannot see –
For love of Her – Sweet – countrymen –
Judge tenderly – of Me.*
(E. Dickinson [13, с. 2].)

В поэтическом дискурсе полилогическое пространство, нацеленное на обмен мнениями, идеями или информацией между разными субъектами преобразуется и трансформируется, расширяя посредством образной и смысловой палитр проблематику и виды диалога [25], но сохраняя при этом когнитивный субстрат языка [26], основной спектр языкового функционирования (коммуникативную, мыслеформирующую, кумулятивную и моделирующую функции) и аксиологические доминанты, некоторые из которых, например, символически представлены в тексте Э. Дикинсон: *World, Nature, Love, Letter*.

Нацеленность на комплексное отражение разных сторон многогранного мира определяет стремление поэтических текстов к циклизации. Книги стихов раскрывают поэтический авторский взгляд на мир как систему, распредметить которую позволяет частотный словарь, выявление тематических групп и ключевых слов, которые, как правило, демонстрируют дихотомию «физический мир – духовный мир» и пространство внутреннего развития как восхождение к духовному абсолюту. Так, например, изучение лексики книги стихов «Вестник» А. Тарковского [9, с. 285–323] позволяет назвать ключевыми следующие имена существительные: *свет, дом, крыло, слово, земля, звезда, душа*. В результате анализа частотного словаря открываются бинарные оппозиции, заложенные у человека на подсознательном уровне

и соотносимые с синергетическими понятиями симметрии и асимметрии, формирующие концепты и антиконцепты, базирующиеся на переживании степени соответствия жизни воображаемому идеалу [27, с. 8–10]. Концептосфера предстает как вертикальное пространство восхождения на базе кристаллизации смысла между аксиологическими доминантами *земля*, которая символизирует физическое бытие, и *звезда*, репрезентирующей счастье духовного бытия [28].

В индивидуально-авторском мире «Книги образов» Р. М. Рильке [10, с. 163–180] концепты *Himmel* и *Welt* также выступают в качестве бинарной оппозиции и определяют пространство восхождения, в котором основными доминантами являются: *Gott, Engel, Leben, Liebende, Geliebte, Ding, Einsamkeit, Hand*.

Поэтический текст и книга стихов предстают как поиск пути к внутренней гармонии, состоящей в балансе физического и духовного, рационального и эмоционального в универсуме человеческого бытия:

*Who has not found the Heaven – below –
Will fail of it above –
For Angels rent the House next ours,
Wherever we remove.*

(E. Dickinson [13, с. 6].)

Заключение. Таким образом, поэтический дискурс представляет собой сложное структурно-семантическое образование, кардинальным образом отличающееся от институциональных типов дискурса. Поэтическое пространство формирует альтернативную реальность человека, имеющую большой спектр функций, включающих мыслительную функцию, эстетическую функцию, прогнозирующую функцию, деонтическую функцию и др. Аксиологическая сфера поэзии определяет совокупность гуманистических правил бытия, обуславливающих его нацеленность на развитие, творчество, поиск смысла и гармонии в умении увидеть связь процессов и явлений, красок и сторон мироздания, их взаимозависимость и единство. Языковая специфика, опирающаяся на синергию взаимодействующих языковых уровней, направлена на противостояние клишированности восприятия мира, приумножение творческого видения мироздания, лежащего в основе идей трансформации, преобразования в согласии с ценностными константами бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика / пер. Н. И. Новосадского. М.: Академия, 1927.
2. Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы. М.: Прогресс, 1987.
3. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
4. Литвинов В. П. Гуманитарная философия Г. П. Щедровицкого. М.: Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого, 2008.
5. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии // Cult-lib.ru. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm?ysclid=mh7q9tw7bg726239028> (дата обращения: 12.02.2025).
6. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Алефиренко Н. Ф. Лирикопрозаический речевой жанр: феноменологическое обоснование // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131), вып. 14. С. 5–11.

9. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. М.: Худож. лит., 1991.
10. Рильке Р. М. Лирика / сост. и предисл. А. В. Карельского. М.: Прогресс, 1981.
11. Рильке Р. М. Я дома / перс. с нем. О. Лебединской. 2023 // Поэзия.ру. URL: <https://poezia.ru/works/177944> (дата обращения: 14.02.2025).
12. Рильке Р. М. Я дома между вечером и днем / пер. с нем. А. Равиковича. 2016 // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2016/06/01/5844> (дата обращения: 14.02.2025).
13. The poems of Emily Dickinson / ed. by M. Dickinson Bianchi, A. Leete Hampson. Boston: Little, Brown and Company, 1930.
14. Богин Г. И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001.
15. Дикинсон Э. Душа сама избирает свое общество / пер. с англ. Е. Камаевой. 2014. // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2014/02/17/6200> (дата обращения: 14.02.2025).
16. Дикинсон Э. Избранные переводы / пер. Б. Львова, 1997 // Чертовы кулички. URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/POEZIQ/DIKINSON/stihi3.txt> (дата обращения: 14.02.2025).
17. Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академ. проект, 2004.
18. Макеева И. И. Древнейшие славянские рукописи с чудесами Николая Мирликийского. К проблеме славянского перевода // Добрый кормчий: почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скиния, 2011. С. 176–187.
19. Rilke R. M. Advent // Rilke.pl. URL: <https://rilke.pl/advent> (дата обращения: 16.02.2025).
20. Рильке Р. М. Одиночество / пер. с нем. Н. Самойлова. 2017 // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2017/05/28/1442> (дата обращения: 16.02.2025).
21. Рильке Р. М. Дуинские элегии / пер. с нем. В. Куприянова. 2007 // Поэзия.ру. URL: <https://poezia.ru/works/54805> (дата обращения: 16.02.2025).
22. Lanham R. A. A Handlist of Rhetorical Terms. LA: Univ. of California Press, 1991.
23. Хазагеров Г. Г. Неясности в теории аллегии и символа // Вестн. ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 4 (42). С. 76–84.
24. Щербаков Ф. Б. Аллегорическая интерпретация мифа: «сшить» слово и вещь // Вестн. ТвГУ. Сер. Философия. 2019. № 1 (47). С. 178–189.
25. Литвинов В. П. Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. Тольятти: Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1997.
26. Савицкая Е. В. Когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ВГСПУ. Волгоград, 2025.
27. Воркачев С. Г. О свойствах страсти: семантическое единство «страсть – бесстрастие» в лингвокультуре. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2024.
28. Черкасова И. П. Лингвоаксиологическая система книги стихов А. Тарковского «Вестник» // Современный ученый. 2023. № 5. С. 76–82.

Информация об авторе.

Черкасова Инна Петровна – доктор филологических наук (2007), профессор (2025), профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ), Россия, ул. Земляной Вал, д. 73, Москва, 109004, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, филологическая герменевтика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 14.05.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.*

REFERENCES

1. Aristotle (1927), *La Poétique*, Transl. by Novosadskii, N.I., Akademia, Moscow, USSR.
2. Jakobson, R. (1987), *Raboty po poehtike: perevody* [Works on poetics: Translations], Progress, Moscow, USSR.
3. Potebnya, A.A. (1976), *Ehstetika i poehtika* [Aesthetics and poetics], Iskusstvo, Moscow, USSR.
4. Litvinov, V.P. (2008), *Gumanitarnaya filosofiya G. P. Shchedrovitskogo* [The humanitarian philosophy of G.P. Shchedrovitsky], In-t razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo, Moscow, RUSS.
5. Kononenko, B.I. (2003), *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii* [A large explanatory dictionary of cultural studies], *Cult-lib.ru*, available at: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm?ysclid=mh7q9tw7bg726239028> (accessed 12.02.2025).
6. Karasik, V.I. (2012), *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The linguistic matrix of culture], Paradigma, Volgograd, RUSS.
7. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUSS.
8. Alefirenko, N.F. (2012), "Lyric and prosaic genre of speech: phenomenological reasoning", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Humanities*, no. 12 (131), iss. 14, pp. 5–11.
9. Tarkovskii, A. (1991), *Sobranie sochinenij* [Collected Works], in 3 vols., vol. 1 *Stixotvoreniya* [Poems], comp. T. Ozerskaya-Tarkovskaya, Xudozh. lit., Moscow, USSR.
10. Rilke, R.M. (1981), *Lirika* [Lyrics], comp. Karel'skiy, A.V., Progress, Moscow, USSR.
11. Rilke, R.M. (2023), "*Ich bin zu Hause*", Transl. by Lebedinskaya, O., *Poezia.ru*, available at: <https://poezia.ru/works/177944> (accessed 14.02.2025).
12. Rilke, R. M. (2016), "*Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum*", Transl. by Ravikovich, A., *Stihi.ru*, available at: <https://stihi.ru/2016/06/01/5844> (accessed 14.02.2025).
13. *The poems of Emily Dickinson* (1930), in Dickinson Bianchi, M. and Leete Hampson, A. (eds.). Little, Brown and Company, Boston, USA.
14. Bogin, G.I. (2001), *Obretenie sposobnosti ponimat': vvedenie v filologicheskuyu germeneytiku* [Acquiring the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics], Tver State Univ., Tver, RUSS.
15. Dickinson, E. (2014), "*The Soul Selects Her Own Society*", Transl. by Kamaeva, E., *Stihi.ru*, available at: <https://stihi.ru/2014/02/17/6200> (accessed 14.02.2025).
16. Dickinson, E. (1997), "*The Complete Poems*", Transl. by Lvov, B., *Chertovy Kulichki*, available at: <http://www.kulichki.com/moshkow/POEZIQ/DIKINSON/stihi3.txt> (accessed 14.02.2025).
17. Sluchevskii, K.K. (2004), *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems], Akadem. proekt, SPb., RUSS.
18. Makeeva, I.I. (2011), "The most ancient Slavic manuscripts with the miracles of Nicholas of Myra. On the problem of Slavic translation", *Dobryi kormchii: Pochitanie svyatitelya Nikolaya v khristianskom mire* [The Good Helmsman: The veneration of St. Nicholas in the Christian world], Skiniya, Moscow, RUSS, pp. 176–187.
19. Rilke, R.M. (2025), "*Advent*", *Rilke.pl*, available at: <https://rilke.pl/advent> (accessed 16.02.2025).
20. Rilke, R.M. (2017), "*Einsamkeit*", Transl. by Samoilov, N., *Stihi.ru*, available at: <https://stihi.ru/2017/05/28/1442> (accessed 16.02.2025).
21. Rilke, R.M. (2007), "*Duineser Elegien*", Transl. by Kupriyanov, V., *Poezia.ru*, available at: <https://poezia.ru/works/54805> (accessed 16.02.2025).
22. Lanham, R.A. (1991), *A Handlist of rhetorical terms*, Univ. of California Press, LA, USA.
23. Khazagerov, G.G. (2022), "Uncertainties in the Theory of Allegory and Symbol", *Vestnik KHGU im. N. F. Katanova*, no. 4 (42), pp. 76–84.
24. Shcherbakov, F.B. (2019), "Allegorical interpretation of myth: to "sew" a word and a thing", *Vestnik Tver State Univ. Ser. Philosophy*, no. 1 (47), pp. 178–189.

25. Litvinov, V.P. (1997), *Polilogos: problemnoe pole. Opyt pervyi. Opyt vtoroi* [Polylogos: a problematic field. The first experience. The second experience], Mezhdunar. akad. biznesa i bank. Dela, Tol'yatti, RUS.

26. Savitskaya, E.V. (2025), "The cognitive substrate of the semantic system of language and linguistic thinking", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, VSSPU, Volgograd, RUS.

27. Vorkachev, S.G. (2024), *O svoistvakh strasti: semanticheskoe edinstvo strast' – besstrastie v lingvokul'ture* [On the properties of passion: the semantic unity of passion and dispassion in linguoculture], Izd-vo KubSTU, Krasnodar, RUS.

28. Cherkasova, I.P. (2023), "linguo-Axiological System of A. Tarkovsky's Poetry Book "Vestnik"", *Modern Scientist*, no. 5, pp. 76–82.

Information about the author.

Inna P. Cherkasova – Dr. Sci. (Philology, 2007), Professor (2025), Professor at the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), 73 Zemlyanoy Val str., Moscow 109004, Russia. The author of over 160 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, linguoconceptology, philological hermeneutics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 14.05.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-146-162>

Жанровая стратификация медиаполитического дискурса

Наталья Валентиновна Степанова^{1✉}, Мария Сергеевна Сигаева²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²mssigaeva@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4520-6055>

Введение. В статье представлен обзор подходов к интерпретации понятия «жанр», рассматриваются жанровые классификации политического и медиадискурса. Актуальность темы исследования определяется жанровым разнообразием медиаполитического дискурса, включающего широкий спектр политических и медийных жанров, требующих последовательного изучения и типологизации. Цель статьи – осуществление жанровой стратификации современного англоязычного медиаполитического дискурса с опорой на собственную авторскую типологию.

Методология и источники. Методологическая база статьи представлена трудами в области жанроведения, теории дискурса, стилистики английского языка, когнитивной лингвистики, медиалингвистики, политического дискурса. Исследование представляет собой аналитический обзор работ, посвященных жанровой дифференциации медиа-, политического и медиаполитического дискурса, с последующей разработкой авторской классификации жанров англоязычного медиаполитического дискурса.

Результаты и обсуждение. Согласно результатам проведенного обзора, жанр представляет собой класс коммуникативных событий, объединенных определенной коммуникативной целью. Проблема выделения речевых жанров и типологизация жанров относятся к числу спорных вопросов современного жанроведения. Основной причиной сложности жанровой стратификации политического дискурса является неоднородность и многогранность этого типа дискурса. Критериями классификации жанров политического дискурса могут выступать канал передачи информации, функция, коммуникативная цель и другие параметры. Медиадискурс имеет полевую структуру, включающую центр (с прототипными жанрами) и периферию (с маргинальными жанрами, неоднородными по своей структуре). Современная медиапрактика конструируется не только традиционными журналистскими, но и новыми интернет-жанрами, что усложняет проблему стратификации жанров. Исследователи акцентируют диффузность медиажанров, постоянную жанровую динамику, лишаящую жанр устойчивости, размытость жанровых границ медиaprостранства. В основе возможной типологии медиаполитических жанров могут находиться формальные, микро- и макротекстуальные признаки.

Заключение. Жанровая стратификация медиаполитического дискурса, предложенная в настоящем исследовании, представлена тремя группами жанров: медиатизированные, политизированные, собственно медиаполитические. Медиаполитические жанры составляют центр медиаполитического дискурса, в то время как медиатизированные и политизированные жанры относятся к его периферии. Критериями жанровой дифференциации медиаполитического дискурса являются канал распространения информации, интенциональная доминанта и формируемая на основании этих двух параметров дискурсивная личность.

© Степанова Н. В., Сигаева М. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, сетевой медиаполитический дискурс, медиадискурс, политический дискурс, жанр, жанровая стратификация, дискурсивная личность

Для цитирования: Степанова Н. В., Сигаева М. С. Жанровая стратификация медиаполитического дискурса // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 146–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-146-162.

Original paper

Genre Stratification of Media Political Discourse

Nataliia V. Stepanova¹✉, Maria S. Sigaeva²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

²*mssigaeva@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4520-6055>*

Introduction. The article presents an overview of approaches to the interpretation of the concept of “genre”, considers various genre classifications of political and media discourse. The relevance of the topic of this study is determined by the genre diversity of media-political discourse, represented by a wide range of political and media genres that require consistent study and typologization. The aim of the article is to carry out genre stratification of modern English-language media-political discourse based on the author's own typology.

Methodology and sources. The methodological basis of the article is represented by works in the field of genre studies, discourse theory, English language stylistics, cognitive linguistics, media linguistics, political discourse. The study is an analytical review of works devoted to the genre differentiation of media, political and media political discourse, with the subsequent development of the author's classification of genres of English-language media political discourse.

Results and discussion. According to the results of the review, a genre is a class of communicative events united by a certain communicative purpose. The problem of singling out speech genres and typologizing genres are among the controversial issues of modern genre studies. The main reason for the complexity of genre stratification of political discourse is the heterogeneity and multifaceted nature of this type of discourse. The criteria for classifying the genres of political discourse can be the channel of information transmission, function, communicative purpose, and other parameters. Media discourse has a field structure, including the center (with prototypical genres) and the periphery (with marginal genres, heterogeneous in their structure). Modern media practice is constructed not only by traditional journalistic genres but also by new Internet genres, which complicates the problem of genre stratification. Researchers emphasize the diffusiveness of media genres, the constant genre dynamics that deprives genre of stability, and the blurring of genre boundaries in media space. Formal, micro- and macro-textual characteristics may be the basis for a possible typology of media political genres.

Conclusion. The genre stratification of media political discourse proposed in this study is represented by three groups of genres: mediatized, politicized, and media-political genres. Media-political genres constitute the center of media political discourse, while mediatized and politicized genres belong to its periphery. The criteria of genre differentiation of media political discourse are the channel of information dissemination, intentional dominant and discursive personality formed on the basis of these two parameters.

Keywords: media political discourse, virtual media political discourse, media discourse, political discourse, genre, genre stratification, discursive personality

For citation: Stepanova, N.V. and Sigaeva, M.S. (2025), “Genre Stratification of Media Political Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 146–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-146-162 (Russia).

Введение. Медиаполитический дискурс (МПД) является многомерным феноменом, отражающим и одновременно конструирующим социальную реальность. Особую востребованность исследование МПД приобретает на данном этапе развития общества, когда под воздействием цифровых технологий происходит существенная и весьма стремительная трансформация многих жанров медиаполитического пространства. Актуальность темы настоящего исследования определяется жанровым разнообразием медиаполитического дискурса, представленного широким спектром политических и медийных жанров, требующих последовательного изучения и типологизации. Цель статьи заключается в осуществлении жанровой стратификации МПД. Эта цель предполагает решение следующих задач: выполнение аналитического обзора существующих подходов к интерпретации понятия «жанр», рассмотрение актуальных типологий жанров политического и медиадискурсов, систематизация жанровых разновидностей МПД в современной лингвистике, определение критериев для возможной жанровой стратификации МПД с учетом сетевого формата данного типа дискурса, разграничение жанров МПД на основании избранных критериев.

Следует отметить, что в самом общем виде под речевым жанром понимают особую модель общения в определенных ситуациях с целью решения повторяющихся коммуникативных задач [1, с. 293]. Ряд исследователей подчеркивает достоинства термина «жанр», обусловленные интегрированной природой этого понятия, функционирующего на стыке теории коммуникации, стилистики, прагматики и других наук [2, с. 126].

Исследования понятия жанр восходят к трудам М. М. Бахтина, который называл речевыми жанрами «устойчивые типы высказываний», применяемые в определенной сфере функционирования языка, и полагал, что «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» [3, с. 428].

Методология и источники. Методологическая база настоящего исследования представлена трудами отечественных и зарубежных ученых в области жанроведения, теории дискурса, когнитивной лингвистики, медиалингвистики, медиадискурса, теории коммуникации. В соответствии с поставленными задачами, на начальном этапе исследования проводится обзор подходов к толкованию понятия «жанр». На втором этапе систематизируются существующие классификации жанров политического и медиадискурса, включая сетевой формат. На третьем этапе обобщаются взгляды исследователей на многообразие жанров медиаполитического дискурса. Наконец, завершающий этап предполагает попытку типологизации рассмотренных жанров медиаполитического дискурса в формате авторской классификации.

Понятие жанра. Согласно М. М. Бахтину, жанром называются типы текстов, обладающие устойчивыми наборами свойств и предназначенные для решения определенных социальных и культурных задач. Жанры объединяет тематическое содержание, языковой стиль и композиционное построение, что является формой проявления автора [4, с. 250]. В соответствии с определением Е. С. Кара-Мурза, жанр является одним из параметров, одновременно характеризующих текст с позиции механизмов создания и восприятия [2, с. 29]. Согласно теории жанра, сформулированной К. Миллером, жанр определяется в большей степени через социальные характеристики, а не языковые, а также через действие, которое сформировалось благодаря возникшей риторической ситуации и необходимости в жанре как социальном мотиве [5, р. 154]. Жанр выступает как основа для классификации дискур-

сов, развертывающихся в типичных коммуникативных ситуациях, и является воплощением социального опыта в языке, реализуясь в текстах [6, с. 99].

Система дефиниций жанра дискурса (или речевого жанра) неоднородна. По мнению В. А. Салимовского, жанр – «относительно устойчивая форма (модель) духовной социокультурной деятельности, осуществляющейся в бытовых ситуациях, художественной, научной, правовой и других сферах» [7, с. 31]. Н. И. Тюкаева определяет жанр как типичную комбинацию устойчивых моделей высказываний, принимающую активное участие в организации и интерпретации семантики дискурса и коммуникативной ситуации [8, с. 191].

Дж. Суэйлз полагает, что жанр выполняет роль посредника между индивидом и обществом. Исследователь называет жанры «коммуникативными событиями», которые обладают своей «структурой, стилем, содержанием и целевой аудиторией» [9, р. 58]. В своих трудах автор представляет экстралингвистический подход к изучению жанра: жанр – это класс коммуникативных событий, которые объединяет коммуникативная цель. Текст, относящийся к определенному жанру, находит воплощение в рамках дискурса. «Дискурсивные сообщества», т. е. группы людей, владеющие определенным набором жанров дискурса, используют их для достижения своих коммуникативных целей [10, р. 46–54]. Анализ дискурса возможен тогда, когда исследователь ограничивает себя определенным жанром. Таким образом жанр задает определенные параметры дискурса и конкретизирует его [11, р. 8].

Е. Н. Молодыхенко дифференцирует термины «жанр» и «дискурс». Жанр и дискурс понимаются как обуславливающие разные виды речевой системности в рамках одного текста [12]. В интерпретации автора жанр и дискурс представляют собой не конкурирующие, а комплементарные категории, «ламинируемые» друг на друга, применимые к анализу одного и того же текста как части дискурсивной практики. При этом дискурс определяет содержание, а жанр форму и организацию его репрезентации [13, с. 43–44]. Жанр трактуется как «абстрактная модель речевого оформления типизируемого социального действия» [13, с. 105]; ключевая категория осмысления и типизации коммуникативных событий и коммуникативных действий [13, с. 136]; абстрагированная идеальная модель формулирования текстов, связанная диалогическими отношениями с ситуативным контекстом, предписывающая субъектам определенные формы коммуникативной деятельности [13, с. 16]; способ реализации акциональности и ресурс оформления коммуникативного взаимодействия [13, с. 105]. Исследователь подчеркивает, что к пониманию жанра существует более традиционный, статичный подход, при котором жанр трактуется как класс текстов с фиксированным набором признаков и, с другой стороны, более актуальный, перформативный подход, рассматривающий данное явление как объект динамический, процессуальный [13, с. 113–114].

Исследователи акцентируют роль, исполняемую жанром с точки зрения организации дискурсивной системности, главным образом композиционно-тематической, когда отдельные компоненты жанровой формы обнаруживают определенную взаимосвязь [2, с. 133]. Н. Ф. Алефиренко интерпретирует речевой жанр как устойчивую модель речевой деятельности, складывающуюся в определенной сфере общения под воздействием разнообразных факторов коммуникативной ситуации. Таким образом, тогда как дискурс понимается как целостное речевое произведение, жанр состоит с дискурсом в гипонимических отношениях, являясь составляющей дискурса, его жанровым сценарием и сферой его реализации [14, с. 56].

Н. А. Корнилова перечисляет ряд спорных вопросов теории речевых жанров, в числе которых проблема выделения речевых жанров, соотношение первичных и вторичных речевых жанров (по М. М. Бахтину), типологии речевых жанров [2, с. 55–59]. Автор склоняется к тому, что наиболее адекватным при исследовании речевого жанра является текстоцентрический подход, при котором толчком к текстопорождению становится основная идея, воплощаемая, в зависимости от коммуникативной ситуации, в форме речевого жанра. Также важно подчеркнуть, что речевое воплощение текста зависит от автора сообщения, ориентированного на восприятие адресата. При текстоцентрическом подходе к речевому жанру несколько иначе воспринимается дифференциация жанров на первичные и вторичные: первичный жанр является элементом структуры вторичного жанра, однако четкой грани между жанрами не существует [2, с. 56]. Границы речевых жанров проницаемы и подвижны в связи с полевой структурой их организации, что объясняет взаимовлияние и взаимопроникновение вторичных речевых жанров. Н. А. Корнилова идентифицирует проблему выбора единственно верного принципа и признаков типологизации речевого жанра, ведущую к многообразию существующих классификаций, и подчеркивает, что единой классификации жанров не существует, несмотря на активную работу исследователей над критериями определения жанра. Автор интерпретирует речевой жанр как «исторически сложившийся текстотип», определяемый коммуникативной целеустановкой говорящего и стилистико-композиционным оформлением [2, с. 57–58].

Результаты и обсуждение.

Жанровые классификации политического дискурса. В современной лингвистике исследованию подвергается уже сформированная система жанров политического и медиадискурсов, а также новые жанры и форматы, порожденные интернет-коммуникацией. Политический дискурс (ПД) представлен как институциональными формами общения, включающими в себя тексты, авторами которых являются политики (выступления политических лидеров, дебаты, политические интервью, предвыборные обращения и др.), так и неинституциональными формами (тексты, созданные журналистами и распространяемые в медиaprостранстве).

Н. Фэрклаф подробно анализирует проблему классификации жанров [15]. Исследователь отмечает, что основной причиной сложности жанровой стратификации ПД является неоднородность и многогранность данного типа дискурса. Политические жанры нередко обладают гибридной природой, что связано с динамикой социальных изменений [15, р. 33]. Н. Фэрклаф предлагает градацию жанров политического дискурса по сферам деятельности и функциям. Такая классификация включает в себя жанры, напрямую связанные с политической системой (политические дебаты, политические манифесты и программы, речи политических деятелей на различных конференциях, нормативные документы), медиатизированные политические жанры (политические новости, интервью с политиками, политическая реклама в прессе и на билбордах) и жанры, принадлежащие к политической публичной сфере (публичные встречи, материалы кампаний, политические форумы, фокус-группы) [15, р. 33].

В отечественной лингвистике существует несколько классификаций жанров политического дискурса, которые варьируются в зависимости от характера критериев, которые легли в их основу. С точки зрения видов речи выделяют жанры устной речи (к данному жанру относят беседу, доклады, интервью и др.), а также жанры письменной речи (письмо, историческая справка, газетная статья и др.). В зависимости от формы речи выделяют моноло-

гические жанры (радиообращение, статья в газете и др.), а также диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.). С позиции объема информации выделяют малые жанры (лозунг, слоган), средние жанры (листовка, газетная статья) и крупные жанры (политический доклад, книга политической публицистики) [16, с. 53–54]. По признаку цели выделяют жанры информативные (например, репортаж), оценочные (мемуары) и императивные (лозунг). По признаку предмета выделяют тексты, относящиеся к политическому процессу (публикация в медиа, которая является длящимся политическим явлением), политическому событию (произошедшее с точно определяемым началом и окончанием), собственно политическому явлению (некоторый незавершенный факт медиаполитической коммуникации), политическим акторам (политики, действующие лица). К политическому процессу, например, относят корреспонденцию, репортаж, лозунг; к политическому событию – инаугурационную речь, корреспонденцию, фельетон, эссе; к политическому явлению – открытое письмо, новогоднее обращение, полемическую статью; к политическим акторам – интервью, телеинтервью, дебаты, биографию. В зависимости от функции различаются ритуальные (новогоднее обращение, некролог), ориентационные (корреспонденция, зарисовка), агональные (лозунг, дебаты, памфлет) и информативные жанры (репортаж, заметка, беседа). Также, три группы способов отображения действительности – фактографический, аналитический и нагляднообразный – дают разные с точки зрения языка и стиля тексты, определяемые как разные жанры. Так, например, к фактографическим текстам можно отнести отчет, пресс-релиз, брифинг; к аналитическим – обзорную статью, дебаты, речь; к наглядно-образным – фельетон, очерк, памфлет, девиз и некоторые другие жанры [17, с. 63–67].

Работы Е. И. Шейгал представляются одними из наиболее глубоких исследований политического дискурса, в которых автор предлагает жанровую дифференциацию политического дискурса на основании следующих критериев [18]:

- а) градация институциональности (от межличностной до публичной коммуникации);
- б) субъектно-адресатные отношения (от внутренней переписки до коммуникации масс);
- в) событийная локализация (на основании цикличности, календарности или спонтанности событий);
- г) социокультурная вариативность (признание господствующих ценностей или критическое отношение к ним);
- д) прототипность – маргинальность жанра в полевой структуре дискурса: первичные (тексты законов, речи и заявления политиков) и вторичные (политические комментарии, интервью и др.).

А. П. Чудинов, в свою очередь, придерживается подхода к классификации жанров, основанного на цели высказывания. Исследователь выделяет информативные, оценочные и призывные жанры, отмечая при этом, что информация, оценка и призыв могут сосуществовать в одном и том же тексте [16, с. 54]. На основании источника и цели коммуникации в политическом дискурсе Т. А. Дедушкина выделяет институциональный, массмедийный (медийный), официально-деловой политический дискурс, тексты, созданные «рядовыми гражданами», политическую прозу и тексты научной коммуникации, посвященные политике [19, с. 475].

А. А. Карамова предлагает следующую жанровую классификацию политического дискурса [20]:

1) по иллокутивной характеристике: информативные (новости, интервью, пресс-релиз, парламентские дебаты, парламентские слушания и др.); этикетные (послание Федеральному собранию, новогоднее поздравление Президента и др.); императивные (указ Президента, лозунг и др.); оценочные (политическая реклама, проработка и др.);

2) по форме передачи информации: письменные (политические мемуары) и устные жанры (интервью, дебаты, переговоры и др.);

3) по внешней форме: монологические (инаугурационное послание, новости и др.) и диалогические жанры (дебаты, интервью);

4) по месту в полевой структуре: прототипные (публичная речь политика, лозунг, голосование и др.) и маргинальные жанры (памфлет, фельетон, указ президента и др.);

5) по способу выражения: вербальные (например, новости), паралингвистически осложненные жанры (политическая карикатура, агитационная листовка и др.).

В соответствии с классификацией Е. Ю. Алешиной выделяются следующие группы жанров политического дискурса [1]:

- информационные жанры;
- убеждающие жанры;
- призывные жанры;
- жанр-оправдание/покаяние.

К информационной группе жанров относят публичные выступления, послания, пресс-конференции, статьи в СМИ и др. Эта группа включает в себя разнообразие жанров, которые различаются градацией и степенью агональности, т. е. состязательности. Информирование, главным образом, происходит при помощи сообщений, содержащих оценочность.

Убеждающие жанры включают публичные выступления на съездах и собраниях, предвыборные выступления дебаты, публикации в СМИ и т. д.

Под призывными жанрами подразумевают лозунги, публикации в СМИ, которые отражают призыв аудитории к тем или иным действиям.

Жанр оправдание/покаяние представлен публичными выступлениями, которые направлены на признание неправоты и объяснение ситуации.

Таким образом, в основе жанровых классификаций ПД находятся главным образом содержательные (функциональные) параметры (функции, тематика, иллокутивная характеристика, политические акторы и т. д.) и в меньшей степени формальные критерии (монологичность/диалогичность). Такой параметр как центральность / периферийность можно отнести к группе смешанных критериев.

Жанровые классификации медиадискурса. Медиадискурс (МД) имеет полевую структуру – центр (с прототипными жанрами) и периферию (с маргинальными жанрами, неоднородными по своей структуре) [21, с. 294]. М. Р. Желтухина, говоря о канонических жанрах дискурса СМИ, выделяет информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры в зависимости от их функциональной составляющей и жанры Интернета, прессы, радио, телевидения и информационных агентств по критерию канала передачи сообщения [21, с. 294]. Т. В. Шмелева дифференцирует жанры дискурса медиа с позиции канала коммуникации на газетный, телевизионный, радио-дискурс и интернет-дискурс, а по критерию интенции – на воздействующие и развлекательные жанры [22, с. 158]. Н. Н. Оломская типологизирует жанры ме-

диадискурса по признаку коммуникативной функции: публицистический, рекламный и PR-дискурс; канала реализации: теле-, радио- и компьютерный дискурс [23, с. 253]. В телевизионном дискурсе автор предлагает выделять информационные передачи, так-шоу, развлекательные шоу, викторины, авторские программы, исследовательские и музыкальные передачи, реалити-шоу, документальные расследования и интервью [23, с. 255].

В отечественных работах по медиадискурсу представлены различные типологии медиатекстов, однако как правило, исследователи выделяют три группы жанров: информационные, аналитические и художественно-публицистические. К информационным (информационно-интерпретативным) жанрам относятся, например, информационный отчет, интервью, программа, афиша, анонс. Тем не менее многие ученые справедливо полагают, что подобные традиционные классификации теряют свою актуальность и не отвечают современным реалиям [24, с. 654].

Так, Т. Г. Добросклонская выделяет некоторые процессы, свойственные медиаречи последних десятилетий: размывание границ традиционных журналистских жанров; появление и распространение новых жанров-форматов (longread, infotainment, informercial и др.); изменение форматирования в пользу визуальных компонентов (мемы, эмодзи, сториз); смешение и обновление форматов; разделение медиасреды на «белую» и «серую» зоны [25, с. 40]. Автор дифференцирует три группы медиатекстов. К первой группе относятся медиатексты «первого порядка», создаваемые и транслируемые профессиональными журналистами на базе крупных информационных платформ – агентств, федеральных и региональных официальных СМИ, и образующие основу современного медиаконтента. Вторую группу составляют медиатексты «второго порядка», создаваемые и распространяемые блогерами – индивидуальными предпринимателями, которые, в сущности, выступают в роли СМИ. Наконец третья группа включает медиатексты «третьего порядка», т. е. медиконтент, создаваемый и распространяемый любыми индивидуальными пользователями сети Интернет (посты в социальных сетях, сториз, видео на платформе Youtube и др.) [25, с. 41–42]. Таким образом, исследовательница подразделяет медиажанры в зависимости от канала передачи информации и от субъекта, порождающего дискурс.

Ко второй и третьей группе можно отнести два вида жанров: дискурсообразующие и дискурсоприобретенные. К дискурсообразующим жанрам виртуального дискурса относится блог. Публичность является отличительной чертой блога, т. е. пользователи могут оставлять комментарии, задавать вопросы и вступать в полемику с автором [26, с. 129]. Существенной характеристикой блога как части интернет-коммуникации является асинхронность, которая проявляется в отсутствии временных рамок в процессе общения [26, с. 129].

И. В. Анненкова полагает, что необходимо более пристальное внимание обратить на интернет-форумы как на новый формат риторической коммуникации в МПД. Для ПД внутри МПД особую ценность представляют журналистские блоги и блоги политиков, что объясняется широкой доступностью таких материалов, а также их интерактивным характером [27, с. 7–8].

Стремительное развитие сетевого МПД открывает обширное пространство для исследования различных видов мультимодальной интеракции, реализуемой политиками и политическими журналистами: интернет-каналов (например, на видеохостинге Youtube), видеоблогов, характеризующихся целым комплексом аудиальных и визуальных параметров, публикаций в

социальных сетях (посты), как правило рассматриваемых как креолизированный текст (вербальное сообщение в совокупности со статичным визуальным изображением), а также малоформатных текстов (например, твитов), синтаксически симплифицированных и ориентированных на быстрый отклик аудитории в рамках актуальной повестки. Представляется целесообразным исследование жанрового разнообразия сетевого МПД, его функционального-целевого назначения, ценностных установок, репертуара коммуникативных тактик и стратегий, лингвистического инструментария каждого жанра, фигуры автора блога – политика или политического журналиста как основного субъекта порождения медиаполитической онлайн-коммуникации, а также фигуры массового адресата, дискурсивная личность которого может варьироваться от непосредственного участника интеракции (например, в роли респондента, мнение которого озвучивается в видео) до автора комментариев к видео и постам.

В целом анализ классификаций МД демонстрирует уклон в сторону формальных характеристик, таких как канал сообщения информации, формат, центральность/периферийность.

Проблема типологизации жанров медиаполитического дискурса. При исследовании жанровой дифференциации современного МПД необходимо обратиться к сборнику статей СПбГУ «Медиалингвистика» (выпуск «Речевые жанры в массмедиа» 2014 г.) [2]. В сборнике представлены тезисы докладов ведущих ученых, разрабатывающих различные направления теории дискурса, медиадискурса, медиалингвистики, теории жанров. Особый интерес представляет первый раздел сборника «Жанровая система как образ времени. Типология СМИ», в котором авторитетные исследователи рассматривают наиболее актуальные вопросы жанроведения, в частности, жанровой типологии медиадискурса.

Так, Т. В. Шмелева позиционирует речевой жанр как один из способов более адекватного понимания современной медиапрактики, которая конструируется не только традиционными журналистскими, но и новыми интернет-жанрами [2, с. 52]. По мнению исследовательницы, именно обращение к понятию речевого жанра может способствовать построению типологии медиажанров [2, с. 54]. Т. Г. Добросклонская рассуждает о диффузности медиажанров, о постоянной жанровой динамике, лишаящей жанр некоторой устойчивости, о размытости жанровых границ, что в свою очередь, ведет к сложности и разнообразности жанровых классификаций медиаречи. Решить проблему несовершенства жанровых типологий можно при помощи концепции функционально-жанрового типа текста, которая обозначает функциональную направленность текста, а также соотносит его с одним из жанров медиаречи. При типологическом описании МТ важно учитывать следующие параметры: способ создания, способ воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип текста и тематическая доминанта/медиатопик [2, с. 20–21]. Л. Р. Дускаева полагает, что система жанров объективирует социальное ориентирование в МД и предлагает выстраивать типологию медиажанров на едином основании – интенции коммуникативного взаимодействия автора и адресата, включающей мотивационный и денотатный аспекты. С учетом мотивационного аспекта МД дифференцируется на информационные, оценочные, побудительные жанры. Первый этап социального ориентирования представлен системой информационных жанров, второй этап, репрезентированный оценочными жанрами, когда доминирующей интенцией является оценка. Наконец, система побудительных жанров отражает процесс принятия и согласования управленческих решений [2, с. 24]. Т. В. Шмелева также

считает интенцию основным жанрообразующим фактором в медиасфере и подчеркивает полиинтенциональность медиажанра и явление интенциональной асимметрии, суть которого состоит в наличии эксплицитного и имплицитного интенционального плана [2, с. 52–53]. При этом генеральной интенцией медиасферы автор называет информирование, присущее любому жанру МД. В аналитических жанрах обнаруживается интенция информирования, сопровождаемая хотя бы кратким анализом и оценкой происходящего, поскольку новостные события характеризуются пресуппозитивной оценочностью, а также интенцией воздействия. Особого рода информационная интенция, эксплицируемая в конструировании положительного образа лица или института, приводит к зарождению пресс-релиза. Таким образом, Т. В. Шмелева предлагает характеризовать жанры с учетом иерархии интенций и определением интенциональной доминанты [2, с. 52–53]. Диффузность, свойственную медиажанрам с точки зрения структуры и лингвистических параметров, отмечает также Л. И. Шевченко [2, с. 49–50]. Так, аналитические жанры, представляющие собой открытую систему, во многом характеризуются информационными признаками. Дальнейшей интенсификации этого явления способствуют и новейшие электронные возможности передачи информации. Тем не менее, согласно исследователю, жанры сохраняют свою целостность, «признаки коммуникативного маркера социума», а также доминантные языковые характеристики [2, с. 50–51]. Д. В. Дергач объясняет отсутствие жестко формализованных границ медиажанров общей динамикой развития поля культуры, интралингвистическими и экстралингвистическими обстоятельствами и акцентирует функциональный аспект речевого жанра, отображающий задачи и особенности коммуникативной ситуации. По мнению ученого, современные СМИ выполняют целый ряд функций, включая коммуникативную, информационную, эмоционально-экспрессивную, когнитивную, суггестивную, манипулятивную. Названные функции получают актуализацию во всех медиажанрах, являясь доминантными или маргинальными. И данный аспект воздействует на типологизацию жанра. Д. В. Дергач выделяет следующие группы жанров МД: информационные (цель – информирование аудитории), аналитические (необходимым условием здесь является категория модальности, отражающая авторскую позицию по конкретному вопросу), манипулятивные (цель – языковое воздействие), когнитивные (предполагают апелляцию к опыту и знаниям, соотносятся с познавательным характером информации), развлекательные, коммуникативные (интернет-жанры), художественно-публицистические [2, с. 64–66].

Г. В. Кручевская отмечает, что политические медиажанры соотносятся с общей системой медийных жанров, однако их специфика заключается в более очевидной функциональности по линии «информирование – оценивание – влияние» и в выраженной идеологичности журналистского дискурса [28, с. 73].

О. Г. Орлова приводит принципиальное, на наш взгляд, замечание: «некоторые жанровые свойства политических текстов, попадающих в область медиа, будут меняться, подвергаться трансформации, и, с другой стороны, свойства журналистских текстов, посвященных политике, т. е. испытавших на себе влияние политического дискурса, тоже будут меняться» [17, с. 58]. В связи с этим важно отметить, что в поле МПД жанры, в которых доминируют свойства медиадискурса, сосуществуют с жанрами, в которых преобладает политический дискурс. Посты блогеров, освещающих политические проблемы, будут, в свою очередь, содержать

признаки интернет-дискурса. Три перечисленные группы жанров МПД требуют последовательного изучения.

Классификация Т. Г. Добросклонской основана на традиционном разграничении между устной и письменной речью и в сочетании с функционально-жанровым подходом позволяет выделить следующие типы текстов [29, с. 110–111]:

1) различные жанры письменных текстов массовой информации на политическую тему, а именно новости, информационная аналитика, авторские статьи группы features, пресс-релизы, и прочие тексты на политическую тематику, распространяемые печатными СМИ;

2) различные жанры устных медиатекстов, относящиеся к сфере политической коммуникации, включая радионОВОСТИ, информационно-аналитические программы, речи политических деятелей, предвыборные и парламентские дебаты, транслируемые по радио, телевидению и в сети Интернет и предназначенные для аудио- или аудиовизуального восприятия;

3) все виды политической рекламы.

Классификации жанров медиаполитического дискурса различных исследователей дифференцируются в зависимости от ключевого критерия. По критерию характера речи А. П. Чудинов выделяет следующие жанры медиаполитического дискурса [16, с. 53–54]:

– жанры устной (дебаты, интервью, выступление на митинге и др.) и письменной (программа, листовка, газетная статья и др.) речи;

– жанры монологические (радиосообщение, газетная статья и др.) и диалогические (переговоры, дебаты, дискуссия).

И. В. Анненкова разводит жанры МПД с точки зрения их форматных характеристик в речи (собственно речи, обращения, модифицированные интервью), теледебаты, видеоролики, щиты и растяжки, блоггинг и традиционные журналистские материалы (репортажи, заметки, интервью) [27, с. 8].

О. Г. Орлова, рассуждая о сущности медиаполитического дискурса, выделяет следующие его жанры [17, с. 62]:

1) в зависимости от формальных признаков: письменный и устный жанры; малый, средний и крупный жанры;

2) в зависимости от макротекстуальных признаков (институциональность, сфера общения, набор языковых средств); субъектно-адресное отношение (вектор общения, например, «общество–институт» или «гражданин–институт»; социокультурная направленность (ценности); событийная локализация (цикличность/календарность/спонтанность); расположение по отношению к ядру дискурса (ядро/периферия);

3) в зависимости от микротекстуальных признаков (цель): информативные, оценочные, императивные.

Как было отмечено ранее, Е. Ю. Алешина предлагает следующую градацию жанров МПД: информационные, призывные, убеждающие жанры и жанры-оправдание [1, с. 297]. К информационной группе жанров относят публичные выступления, послания, пресс-конференции, статьи в СМИ. Эта группа включает в себя разнообразие жанров, которые различаются градацией и степенью агональности, т. е. состязательности. Информирование главным образом происходит при помощи сообщений, содержащих оценочность. Убеждающие жанры подразумевают публичные выступления на съездах и собраниях, предвыборные вы-

ступления дебаты, публикации в СМИ и т. д. Под призывными жанрами подразумевают лозунги, публикации в СМИ, которые отражают призыв аудитории к тем или иным действиям. Жанр оправдание/покаяние представлен публичными выступлениями, которые направлены на признание неправоты и объяснение ситуации.

В. И. Коньков при изучении речевых жанров исходит из идеи М. М. Бахтина, который полагал, что в основе выделения РЖ лежит типовая коммуникативная ситуация, и предлагает сформулировать коммуникативные ситуации, лежащие в основе таких жанров как интервью, статья или заметка [2, с. 33]. «Типовая коммуникативная ситуация порождает типовую речевую структуру. В минимальном виде речевая структура представляет собой набор обязательных или, иначе, жанрообразующих речевых действий» [2, с. 34].

Жанровая стратификация медиаполитического дискурса. Резюмируем проведенный анализ типологий МПД в виде обобщающей классификации. Итак, жанры МПД дифференцируются в зависимости от формальных и функциональных характеристик.

К формальным параметрам относятся:

- способ передачи информации – устные/письменные жанры;
- канал транслирования информации – традиционные медиа/сетевой МПД;
- формат – малый/средний/широкий;
- модальность – одномодальность/поликодовость/мультимодальность;
- количество порождающих дискурс субъектов – монологичность/диалогичность;
- институциональность/неинституциональность;
- инакциональность/интеракциональность;
- ориентация – политизированность/медиатизированность.

Функциональные параметры включают такие критерии как:

- интенция (иллокутивная характеристика) – персуазивность/информативность/аналитичность/развлекательность;
- порождающий субъект, политический актор (дискурсивная личность) – политик/журналист/блогер;
- тематическая доминанта;
- коммуникативная цель и функции;
- аксиологическая направленность.

К смешанным критериям выделения жанров МПД можно отнести типичность – центр/периферия.

Обзор трудов по МПД демонстрирует высокую степень идеологичности этого типа дискурса, при этом можно заключить, что политический дискурс выполняет функцию воздействия и образует содержательное поле МПД, в то время как медиадискурс воплощает функции информирования и анализа информации и обеспечивает формальную сторону интеракции, т. е. канал и соответствующий формат коммуникации.

На основании аналитического обзора работ в области медиа- и политического дискурса было установлено, что ведущими параметрами выделения жанров в МПД, по мнению отечественных исследователей, являются субъект дискурса, канал передачи информации и интенциональная доминанта. При этом ученые признают, что ведущей интенцией МД является информирование, которое содержится и в аналитических жанрах. Информационная интенция проявляется в конструировании положительного образа субъектов дискурса [22].

В связи с этим в настоящем исследовании предлагается жанровая дифференциация МПД на основании следующих критериев: канал передачи информации, ведущая интенция, дискурсивная личность. Канал сообщения информации определяется особенностями медиадискурса, ведущая интенция детерминируется характером политического дискурса, в результате чего происходит конструирование определенной дискурсивной личности, порождающей медиаполитический дискурс. Канал (К) передачи информации может быть представлен традиционными медиа, функционирующими в центре МПД, и сетевыми медиа, относимыми к периферии данного типа дискурса. Доминантной интенцией (И) медиадискурса считается информирование, в то время как интенциональной доминантной политического дискурса служит воздействие. Следовательно, в ядро МПД (медиа- + политический дискурс) входят интенции информирования и воздействия. Остальные интенции представляются дополнительными и сопутствующими. Дискурсивная личность (ДЛ) служит основой жанровой типологизации, поскольку именно она определяет тематическое наполнение МПД, коммуникативные стратегии и тактики и лингвистические средства их воплощения.

Предложенная типология включает три группы жанров МПД, выделенные на основании указанных критериев:

1. Медиатизированные жанры – ПЕРИФЕРИЯ МПД (К – традиционные или сетевые медиа; ДЛ журналист-политик/ДЛ блогер-политический журналист; И – информирование + воздействие; формальная доминанта):

– традиционные медийные (журналистские) жанры – журналист выступает в роли политика, информирует о политических событиях, транслирует определенную политическую позицию и ценностные установки (ток-шоу, радиокомментарий, малоформатные жанры, передовая статья, редакторская колонка и др.) – ДЛ журналист-политик, И – информирование + воздействие;

– медийные сетевые (блогерские) жанры – блогер выступает в роли политического журналиста, информирует о политических событиях (отличается только канал передачи информации), транслирует определенную политическую позицию и ценностные установки (YouTube¹, Telegram-каналы, тематические инстаблоги²) – ДЛ блогер-журналист, И – информирование + воздействие.

2. Политизированные жанры – ПЕРИФЕРИЯ МПД (К – традиционные и сетевые медиа; ДЛ политик-журналист/ДЛ политик-блогер; И – воздействие + информирование; функциональная доминанта):

– политические медийные жанры – политик выступает в роли журналиста, порождает МПД, транслирует собственную политическую позицию и ценностные установки, информирует о политических событиях (аналитические статьи, написанные политиком, политическая реклама) – ДЛ политик-журналист, И – воздействие + информирование;

– политические сетевые – политик выступает в роли блогера, порождает сетевой МПД, транслирует собственную политическую позицию и ценностные установки, информирует о политических событиях (посты в соцсетях, твиты) – ДЛ политик-блогер, И – воздействие + информирование.

¹ Роскомнадзор ограничил работу хостинга в Российской Федерации в связи с нарушением законодательства.

² Instagram – социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации с 21 марта 2022 г., принадлежит экстремистской организации.

3. Медиаполитизированные (собственно медиаполитические) жанры/опосредованные СМИ – ЦЕНТР МПД (К – традиционные медиа; ДЛ личность политика и ДЛ журналиста обособлены, но взаимодействуют; И – воздействие и информирование представлены в равной степени) – политик выступает в роли политика, транслирует собственную политическую позицию и ценностные установки; журналист выступает в роли журналиста, информирует о политических событиях (дебаты, инаугурационная речь, политическое интервью) – ДЛ политика + ДЛ журналиста.

Периферийные жанры МПД характеризуются смещением ДЛ.

Заключение. Таким образом, согласно результатам аналитического обзора трудов отечественных лингвистов, к ведущим параметрам выделения жанров в МПД относятся субъект дискурса, канал передачи информации и интенциональная доминанта. На этом основании жанровая стратификация МПД может представлена тремя группами жанров: медиатизированные; политизированные; медиаполитизированные (собственно медиаполитические). Медиаполитические жанры составляют центр МПД, в то время как медиатизированные и политизированные жанры относятся к его периферии. Критериями жанровой дифференциации МПД являются:

- 1) канал распространения информации;
- 2) интенциональная доминанта МПД – воздействие (ПД) + информирование/анализ (МД);
- 3) дискурсивная личность (исполняемая роль), которая определяется каналом и ведущей интенцией (например, политик играет роль блогера) и детерминирует коммуникативные стратегии и тактики и средства их лингвистического воплощения в МПД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Е. Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 3. С. 293–301. DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.4.
2. Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 250–296.
5. Miller C. R. Genre as Social Action // Quarterly J. of Speech. 1984. Vol. 70, iss. 2. P. 151–167. DOI: 10.1080/00335638409383686.
6. Буркитбаева Г. Г. Некоторые вопросы теории жанра в современной зарубежной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2 (3). С. 97–105.
7. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / УрГУ. Екатеринбург, 2002.
8. Тюкаева Н. И. Моделирование речевого жанра: формально-функциональный аспект (на примере текстов естественной письменной русской речи) // Культура и текст. 2019. № 2 (37). С. 189–200.
9. Swales J. M. Genre analysis. English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
10. Swales J. M. Genre analysis: English and research settings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
11. Longacre R. E. The grammar of discourse. 2nd ed. NY: Plenum, 1996.
12. Молодыхенко Е. Н. Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // Вестн. СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 2. С. 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207.

13. Молодыхенко Е. Н. Дискурсивные практики в жанровом, репрезентативном и метапрагматическом аспектах: анализ англоязычного лайфстайл-дискурса и дискурса президентской риторики: дис. ... д-ра филол. наук / ВШЭ. СПб., 2023.
14. Алефиренко Н. Ф. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса // Вестн. РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 2. С. 53–61.
15. Fairclough N. Genres in political discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford: Elsevier, 2005. P. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00719-7>.
16. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53–59.
17. Орлова О. Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. 2020. № 7. С. 56–73. DOI: [10.17223/26188422/7/4](https://doi.org/10.17223/26188422/7/4).
18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ВГПУ. Волгоград, 2000.
19. Дедушкина Т. А. Жанровое пространство политического дискурса // Studia Linguistica. 2011. № 5. С. 472–477.
20. Карамова А. А. Структура политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12421> (дата обращения: 17.04.2024).
21. Желтухина М. Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 292–296.
22. Шмелева Т. В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 18 (137), вып. 15. С. 157–163.
23. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 250–259.
24. Ремчукова Е. Н., Апостолиди А. А. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 3. С. 651–688. DOI: [10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668).
25. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. [б. м.] : [б. и.], 2020.
26. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131.
27. Анненкова И. В. Система жанров и форматов современного политического медиадискурса // Медиалингвистика. 2014. № 53. С. 5–9.
28. Кручевская Г. В. Политический медиатекст: к проблеме идентификации // Журналистский ежегодник. 2013. № 2, ч. 1. С. 71–74.
29. Добросклонская Т. Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 106–115.

Информация об авторах.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурс-анализ (КДА, кризисный дискурс, медиаполитический дискурс), стилистика, теория перевода, межкультурная коммуникация.

Сигаева Мария Сергеевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивные направления в лингвистике.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.08.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Aleshina, E.Yu. (2016), "Genre specificity of political discourse", *Liberal Arts in Russia*, vol. 5, no. 3, pp. 293–301. DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.4.
2. Duskaeva, L.R. (ed.) (2014), *Medialingvistika. Vyp. 3. Rechevye zhanry v massmedia* [Media linguistics. Issue 3. Speech genres in mass media], SPbSU, In-t "Vyssh. shk. zhurn. i mass. Kommunikacii", SPb., RUS.
3. Bakhtin, M.M. (1986), *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles], Khudozhestvennaja literatura, Moscow, USSR.
4. Bakhtin, M.M. (1979), "The problem of speech genres", *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 250–296.
5. Miller, C.R. (1984), "Genre as Social Action", *Quarterly J. of Speech*, vol. 70, iss. 2, pp. 151–167. DOI: 10.1080/00335638409383686.
6. Burkitbayeva, G.G. (2005), "Some issues of genre theory in modern western linguistics", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2 (3), pp. 97–105.
7. Salimovsky, V.A. (2002), "Genres of speech in functional and stylistic illumination (Russian scientific academic text)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, UrSU, Ekaterinburg, RUS.
8. Tyukaeva, N.I. (2019), "Modeling speech genre: formal and functional aspect (on the basis of natural written Russian texts)", *Kul'tura i tekst* [Culture and text], no. 2 (37), pp. 189–200.
9. Swales, J.M. (1990), *Genre analysis. English in academic and research settings*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
10. Swales, J.M. (1990), *Genre analysis: English and research settings*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
11. Longacre, R.E. (1996), *The grammar of discourse*, 2nd ed., Plenum, NY, USA.
12. Molodychenko, E.N. (2021), "Metapragmatic discourses in differentiating genres in online media", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Language and Literature*, vol. 18, no. 2, pp. 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207.
13. Molodychenko, E.N. (2023), "Discursive practices in genre, representational and metapragmatic aspects: an analysis of English-language lifestyle discourse and the discourse of presidential rhetoric", Dr. Sci. (Philology) Thesis, HSE, SPb., RUS.
14. Alefirenko, N.F. (2009), "The problem of correlation of speech genre and discourse", *RUDN J. of Russian and foreign languages research and teaching*, no. 2, pp. 53–61.
15. Fairclough, N. (2005), "Genres in political discourse", *Encyclopedia of Language and Linguistics*, Elsevier, Oxford, UK, pp. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00719-7>.
16. Chudinov, A.P. (2012), "Discursive characteristics of political communication", *Political Linguistics*, no. 2 (40), pp. 53–59.
17. Orlova, O.G. (2020), "Genres of Political Media Discourse", *Russian J. of Media Studies*, no. 7, pp. 56–73. DOI: 10.17223/26188422/7/4.
18. Sheigal, E.I. (2000), "Semiotics of political discourse", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, VSPU, Volgograd, RUS.
19. Dedushkina, T.A. (2011), "The genre space of political discourse", *Studia Linguistika*, no. 5, pp. 472–477.
20. Karamova, A.A. (2014), "The structure of political discourse", *Modern problems of science and education*, no. 2, available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12421> (accessed 17.04.2024).
21. Zheltuhina, M.R. (2016), "Mediadiskurs", *Discourse-P*, no. 3–4 (24–25), pp. 292–296.
22. Shmeleva, T.V. (2012), "Discourse and research tools of media linguistic", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Humanities*, no. 18 (137), iss. 15, pp. 157–163.
23. Olomskaya, N.N. (2013), "On Genre Classification of Media Discourse", *Nauchnyi Dialog*, no. 5 (17), pp. 250–259.
24. Remchukova, E.N. and Apostolidi, A.A. (2018), "Small-format "news flow" mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 3, pp. 651–688. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.

25. Dobrosklonskaya, T.G. (2020), *Medialingvistika: teorija, metody, napravlenija* [Media linguistics: theory, methods, directions], RUS.
26. Bazhenova, E.A. and Ivanova, I.A. (2012), "Blog as an Internet Genre", *Perm Univ. Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 4 (20), pp. 125–131.
27. Annenkova, I.V. (2014), "The system of genres and formats of modern political media discourse", *Media Linguistics*, no. 53, pp. 5–9.
28. Kruchevskaya, G.V. (2013), "Political media text: to the problem of identification", *Zhurnalistskiy ezhegodnik* [Journalist Yearbook], no. 2, part 1, pp. 71–74.
29. Dobrosklonskaya, T.G. (2014), "Political media discourse within the context of discourse studies", *Yazyk i sotsial'naya dinamika* [Language and social dynamics], no. 14-1, pp. 106–115.

Information about the authors.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, discourse analysis (CDA, crisis discourse, media policy discourse), stylistics, translation theory, intercultural communication.

Maria S. Sigaeva – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: cognitive and discursive directions in linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.08.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 22.12.2025.*

Оригинальная статья

УДК 81'42:32(44)

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-163-173>

Конструирование образа угрозы в политическом дискурсе: теория проксимизации на материале выступлений Эрика Земмура

Евгений Сергеевич Скребнев

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
esskrebnev@stud.etu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8915-8796>*

Введение. Политический дискурс играет ключевую роль в формировании общественного мнения и мобилизации электората, особенно в период предвыборных кампаний. В условиях усложнения политического ландшафта возникает необходимость в расширении аналитических инструментов для анализа риторических стратегий кандидатов. Одним из таких инструментов является теория проксимизации, которая акцентирует внимание на конструировании дискурсивного пространства.

Методология и источники. Исследование базируется на теории проксимизации, сформулированной и разработанной польским исследователем Петром Цапом. Этот теоретический подход включает в себя инструментарий для анализа дискурсивных стратегий, используемых для оказания влияния на реципиента. Материалом для исследования послужил корпус текстов публичных выступлений французского политика Эрика Земмура, произнесенных в рамках предвыборной гонки 2022 г. во Франции.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования были выделены тематические группы, позволяющие организовать дискурсивное пространство на основе четкого противопоставления внутригрупповых (IDS) и внегрупповых (ODS) дискурсивных субъектов. Маркеры IDS объединяют концепты, связанные с национальной идентичностью (Франция, французы, Республика, Родина) и традиционным укладом жизни (сельская местность, деревня, фермеры), в то время как маркеры ODS включают представителей действующей власти, европейских институтов, урбанизированных территорий и миграционных процессов. Темпоральная организация строится по трехкомпонентной модели «героическое прошлое – кризисное настоящее – благополучное будущее». Аксиологическое измерение демонстрирует дихотомическое противопоставление ценностных систем: традиционным национальным ценностям (могущество, суверенитет, свобода, демократия) противопоставляются глобалистские установки (бюрократия, технократия, иммиграция, федерализация), что способствует конструированию оппозиции «свой – чужой».

Заключение. Анализ предвыборного дискурса Эрика Земмура через призму теории проксимизации выявил комплексное применение трех стратегий: пространственной (противопоставление «своих» и «чужих»), темпоральной (контраст героического прошлого, кризисного настоящего и благополучного будущего) и аксиологической (дихотомия традиционных национальных и чуждых глобалистских ценностей). Данные стратегии направлены на конструирование образа непосредственной угрозы национальной идентичности и легитимацию радикальной политической программы.

© Скребнев Е. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: проксимизация, политический дискурс, правый популизм, Эрик Земмур, Франция

Для цитирования: Скребнев Е. С. Конструирование образа угрозы в политическом дискурсе: теория проксимизации на материале выступлений Эрика Земмура // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 163–173. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-163-173.

Original paper

Constructing Threat Images in Political Discourse: Proximization Theory Applied to Éric Zemmour's Speeches

Evgenii S. Skrebnev

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
esskrebnev@stud.etu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8915-8796>*

Introduction. Political discourse plays a key role in shaping public opinion and mobilizing the electorate, particularly during electoral campaigns. In the context of an increasingly complex political landscape, there is a need to expand analytical tools for examining candidates' rhetorical strategies. One such tool is proximization theory, which focuses attention on the construction of discursive space.

Methodology and sources. The research is based on proximization theory, formulated and developed by Polish scholar Piotr Cap. This theoretical approach provides instruments for analyzing discursive strategies used to influence recipients. The research material consisted of a corpus of texts from public speeches by French politician Éric Zemmour, delivered during the 2022 electoral campaign in France.

Results and discussion. The study identified thematic groups that structure discursive space based on a clear opposition between in-group (IDS) and out-group (ODS) discursive subjects. IDS markers unite concepts related to national identity (France, French people, Republic, Homeland) and traditional way of life (countryside, village, farmers), while ODS markers encompass representatives of the current government, European institutions, urbanized territories, and migration processes. Temporal organization follows a three-component model of “heroic past – crisis present – prosperous future”. The axiological dimension demonstrates a dichotomic opposition of value systems: traditional national values (power, sovereignty, freedom, democracy) are contrasted with globalist attitudes (bureaucracy, technocracy, immigration, federalization), which serves to construct the “us versus them” opposition.

Conclusion. Analysis of Éric Zemmour's electoral discourse through the lens of proximization theory revealed a complex application of three strategic dimensions. These include spatial strategies (opposition between “us” and “them”), temporal strategies (contrast of heroic past, crisis present, and prosperous future), and axiological strategies (dichotomy of traditional national and alien globalist values). These strategies are aimed at constructing an image of immediate threat to national identity and legitimizing a radical political program.

Keywords: proximization, political discourse, right-wing populism, Éric Zemmour, France

For citation: Skrebnev, E.S. (2025), “Constructing Threat Images in Political Discourse: Proximization Theory Applied to Éric Zemmour's Speeches”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 163–173. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-163-173 (Russia).

Введение. Политический дискурс играет ключевую роль в формировании общественного мнения и политической культуры, становясь неотъемлемой частью демократических обществ. Одним из значимых компонентов политического дискурса являются предвыбор-

ные речи, которые выступают ключевым инструментом политической коммуникации и механизмом формирования электоральных предпочтений.

Актуальность исследования предвыборного дискурса обусловлена его полифункциональной природой, интегрирующей лингвистические, социологические, психологические и политологические аспекты взаимодействия между политическими акторами и электоратом. Речи, произнесенные в преддверие выборов, представляют собой концентрированный массив информации о намерениях, приоритетах и ценностях кандидатов, а также о социальных и политических проблемах, которые они рассматривают как ключевые. Таким образом, жанр предвыборной речи становится богатым источником материала для изучения способов идеологического воздействия и стратегий политической коммуникации.

В современной политической лингвистике изучение выступлений политиков в рамках предвыборных кампаний дает возможность определить коммуникативные стратегии и риторические приемы, используемые политическими деятелями для достижения электоральных целей. Особую значимость приобретает анализ способов конструирования политической идентичности и мобилизации общественной поддержки посредством дискурсивных практик.

На этом фоне общеевропейский правый поворот, проявляющийся в росте поддержки правых сил в странах Западной, Восточной и Центральной Европы [1], делает особенно актуальным изучение предвыборной риторики правых политических акторов и партий.

Одним из примеров усиления правых сил в Европе является текущий политический ландшафт Франции. Согласно официальной избирательной статистике Министерства внутренних дел Франции, на президентских выборах 2022 г. Марин Ле Пен, выдвинутая партией «Национальное объединение» (*Rassemblement national*), получила 23,5 % голосов в первом туре и 41,46 % – во втором. Существенный результат показал и другой представитель правого спектра – Эрик Земмур, лидер «Реконкисты» (*Reconquête*): 7,07 % и четвертое место среди 12 кандидатов [2]. По итогам парламентских выборов 2024 г. «Национальное объединение» завоевало 125 из 577 мандатов; доля голосов составила 29,26 % в первом туре и 32,05 % – во втором [3].

Укрепление позиций правых партий во Франции объясняется совокупностью взаимосвязанных причин. Как отмечается в исследованиях, «выборы прошли на фоне экономического кризиса, растущей стоимости жизни, недовольства политикой президента Эммануэля Макрона и общественного беспокойства по поводу иммиграции и безопасности» [4, с. 169].

Кроме своей достаточно высокой популярности среди избирателей, Эрик Земмур примечателен тем, что он выдвигает более радикальную политическую программу в отличие от умеренной риторики «Национального объединения» во главе с Марин Ле Пен. В отличие от многих политиков, Земмур пришел в политику из медийной сферы, где завоевал известность как автор полемичных произведений и ведущий телевизионных дебатов. Это позволило трансформировать его медийную узнаваемость в политический капитал. Будучи выходцем из семьи алжирских евреев, переехавших во Францию, он отождествляет себя с Францией и французской культурой. Связь с Францией прослеживалась и в его литературном творчестве, что вылилось в ряд эссе о состоянии французского общества в прошлом, настоящем и будущем: «Французская меланхолия» (2010) [5], «Французское самоубийство» (2014) [6] и «Французская судьба» (2018) [7].

Как отмечают исследователи, Земмур воспроизводит нарративы, присущие широкому спектру правых политических партий и политических деятелей, – радикально правый популизм, который включает в себя три основных идеологических компонента: популизм, нативизм и авторитаризм [8, р. 2].

Популизм Земмура включает в себя оппозицию существующей власти и политической элите; призыв к усилению исполнительной ветви власти; концепцию сильного лидера, способного быстро внедрить результативные политические решения; отстаивание национального суверенитета, включая радикальные меры по ограничению иммиграции. При этом важно отметить, что Земмур не отрицает базовые основы демократии: представительную форму правления и многопартийность [9, с. 142].

Нативизм Земмура проявляется в требовании полной ассимиляции мигрантов [8, р. 6]. Политик является приверженцем теории «великого замещения», разработанной французским консервативным мыслителем Рене Камю. Согласно этой теории, «глобальные элиты, преследующие экономические интересы, инициировали массовую иммиграцию из стран Магриба, Черной Африки и Ближнего Востока в Европу. Эта политика привела к “замещению” коренных французов переставшими ассимилироваться мигрантами и разрушению цивилизационных основ европейской культуры» [9, с. 134].

Отмечается, что, хотя Земмур транслировал призывы объединить нацию, предложенная им концепция содержала ряд опасных аспектов. Они выражались в том, что создавалась дихотомия между образом «“двух Франций”»: белой, католической, исторически связанной со страной, – и “цветной”, принадлежащей иному культурно-историческому ареалу и исповедующей мусульманскую религию» [9, с. 143]. Также в его дискурсе наблюдается разграничение между «(1) “забытыми территориями Республики”» – сельской местностью, малыми и средними городами, (2) большими городами и (3) городскими предместьями, где проживают иммигранты» [9, с. 143].

Согласно данным исследований, «электорат Земмура соответствует социальной структуре французского общества. Среди его избирателей средние слои составляют 43 % (в социальной структуре общества – 42 %), а высшие социально-профессиональные категории – 20 % (в обществе – 18 %). Доля рабочих и служащих в его электорате равна 37 % (в обществе – 40 %). Избиратели Земмура – чаще всего люди в возрасте 65 лет и старше (46 %)» [9, с. 144].

Методология и источники. Для анализа предвыборного дискурса применялся теоретико-методологический аппарат теории проксимизации, разработанный польским исследователем Петром Цапом. Данная теория предоставляет методологический инструментарий для исследования дискурсивных стратегий воздействия на реципиента.

Первичная апробация теории была осуществлена при анализе антитеррористического дискурса в политической коммуникации США 2001–2010 гг., что получило развитие в фундаментальном труде П. Цапа «Proximization: the pragmatics of symbolic distance crossing» (2013) [10]. Методологический потенциал теории демонстрирует универсальность ее применения, распространяясь на различные дискурсы, включая медицинский, экологический и дискурс кибербезопасности [10, р. 189–203].

Проксимизация понимается как комплексная дискурсивная стратегия когнитивной репрезентации пространственно и темпорально удаленных феноменов, включая антагонисти-

ческие идеологии и ценности, как источников эскалирующей угрозы для акторов дискурсивного центра, т. е. адресанта и адресатов сообщения. Конечная цель проксимизации заключается в легитимации превентивных мер противодействия растущим внешним угрозам. Стоит отметить, что в рамках теории легитимизация понимается как «сложная концепция и сложная практика», главная цель которой – это «широкая социальная мобилизация вокруг общей цели» [11, р. 2–3].

Методология исследования предполагает трехэтапную процедуру анализа. Первый этап включает демаркацию дискурсивного пространства посредством идентификации маркеров близости IDS (*inside-the-deictic-center*) и удаленности ODS (*outside-the-deictic-center*) от дейктического центра. Последующий этап предполагает анализ лексико-грамматической реализации стратегий проксимизации в пространственном, темпоральном и аксиологическом измерениях. Заключительный этап направлен на рассмотрение материала в целом как примера легитимизации, с акцентом на перлокутивный эффект, которого стремится достичь отправитель сообщения.

С точки зрения анализа политической коммуникации теория проксимизации позволяет выявить, как политические акторы когнитивно приближают удаленные во времени и пространстве явления к дейктическому центру, тем самым создавая дихотомию «свой – чужой», что позволяет легитимизировать предлагаемые решения. Она делает измеримым конструирование угрозы по трем измерениям – пространственному, темпоральному и аксиологическому – через соответствующие маркеры (например, глаголы негативного влияния/вторжения, модальные и временные индикаторы), демонстрируя, как периферийные феномены представляются в качестве непосредственной нарастающей опасности и основания для превентивных мер.

В основу исследования легли транскрипты предвыборных речей Эрика Земмура, произнесенных в первом квартале 2022 г. в разных регионах Франции: «*Le discours d'Agen*» (речь в Ажене), «*Le discours de Calais*» (речь в Кале), «*Le discours de Châteaudun*» (речь в Шатоде), «*Le discours de Chaumont-sur-Tharonne*» (речь в Шомон-сюр-Тарон), «*Le discours des Sables d'Olonne*» (речь в Сабль-д'Олон). Тексты транскриптов были опубликованы на официальном веб-ресурсе избирательной кампании политика [12].

Результаты и обсуждение. Маркеры IDS можно объединить в следующие тематические группы:

– Франция и ее жители: *la France*/Франция (*Je veux vous dire qu'avec nous, la France restera la France*/«Хочу вам сказать, что с нами Франция останется Францией»); *les français/es* французы/француженки (*...dont je veux être le Président, vous les Français*/«...чьим президентом я хочу быть, вашим, французы»); *la République*/Республика (*Vive la République, mais surtout, vive la France!*/«Да здравствует Республика, но прежде всего да здравствует Франция!»); *notre pays*/наша страна (*Car il en va de la démocratie et même de la survie de notre pays*/«Потому что на карту поставлена демократия и даже выживание нашей страны»); *Qui trouve cela normal aujourd'hui dans notre pays?*/«Кто сегодня считает это нормой в нашей стране?»); *la Patrie*/Родина (*Pour eux, la Patrie n'est qu'une idée, pour nous, elle est une terre*/«Для них Отечество – это всего лишь идея, для нас – это земля»).

– сельская местность и ее жители: *la ruralité (française)*/(французская) сельская местность (*...les us et coutumes enracinés de notre ruralité sont méprisés*/«...глубоко укоренившиеся обычаи и традиции нашей сельской местности презираются»); *la campagne (française)*/(французская) деревня (*...les choses peuvent changer, car la campagne française a un immense*

potentiel/«...все может измениться, ведь французская деревня обладает огромным потенциалом»); *le village*/деревня (*Une vision claire: favoriser enfin nos villages plutôt que les banlieues...*)/«Четкое видение: наконец-то отдать предпочтение нашим деревням перед пригородами...»; *J'ai une conviction: nos villages français sont des trésors, des trésors sous-estimés par nos élites parisiennes...*)/«Я убежден: наши французские деревни – это сокровища, сокровища, недооцененные нашей парижской элитой...»); *nos agriculteurs/paysans*/наши фермеры/крестьяне (*Voilà des décennies que nous mettons des bâtons dans les roues de nos agriculteurs*/«На протяжении десятилетий мы создаем препятствия на пути наших фермеров»).

Следует отметить, что для сближения со своим электоратом политик часто использует личное местоимение первого лица множественного числа *nous* (*Nous perdons en puissance, nous perdons en souveraineté, nous perdons en pouvoir d'achat...*)/«Мы теряем мощь, мы теряем суверенитет, мы теряем покупательную способность...»), притяжательные прилагательные того же лица и числа *notre, nos* (*La perte de notre puissance, nous la devons beaucoup à la perte de notre souveraineté*/«Потеря нашей мощи во многом объясняется утратой нашего суверенитета»), а также выражение *mes amis*/мои друзья (*Oui mes amis, la Reconquête a commencé*/«Да, друзья мои, “Реконкиста” началась»). Это позволило показать, что они разделяют между собой общие ценности, мысли и переживания.

В свою очередь маркеры ODS включают единицы, связанные со следующими группами:

– действующее правительство Франции: *l'État*/государство (*L'État vous matraque et vous assomme avec des taxes en tous genres...*)/«Государство вас избивает и облагает разнообразными налогами...»); *Emmanuel Macron*/Эммануэль Макрон (*Emmanuel Macron est le Président de la République française impuissante*/«Эммануэль Макрон – президент бессильной Французской Республики»); *Emmanuel Macron vous regarde de tellement haut qu'il vous trouve microscopiques*/«Эммануэль Макрон смотрит на вас настолько свысока, что вы для него микроскопические»); *les élites (parisiennes/politiques)*/(парижские/политические) элиты (*...nos élites politiques ont négligé ces territoires...*)/«...наши политические элиты пренебрегли этими территориями...»); *la France d'Emmanuel Macron*/Франция Эммануэля Макрона (*...les Français ne sont pas heureux dans la France d'Emmanuel Macron*/«...французы несчастны во Франции Эммануэля Макрона»);

– Европейский союз: *l'Union Européenne*/Европейский Союз (*Calais est aujourd'hui le symbole d'un double échec: celui de l'Union européenne, et celui d'Emmanuel Macron*/«Кале стал символом двойного провала: Европейского союза и Эммануэля Макрона»); *les technocrates (européens)*/(европейские) технократы (*...l'affrontement avec les technocrates européens sera inévitable*/«...конфронтация с европейскими технократами будет неизбежной»);

– большие города и их пригороды: *Paris*/Париж (*cette habitude de ne plus rien attendre de Paris et de l'Etat*/«эту особую культуру, эту привычку ничего не ждать от Парижа или государства»); *les banlieues (parisiennes)*/(парижские) пригороды (*Les milliards déversés dans le tonneau des Danaïdes des banlieues par clientélisme électoral...*)/«Миллиарды, влитые в пригородную бездонную бочку Данаид благодаря избирательному клиентелизму...»);

– мигранты: *les migrants*/мигранты (*...au lieu de nous proposer des films d'auteur sur les migrants véganes transgenres!*)/«...вместо того, чтобы предлагать нам авторские фильмы о трансгендерных мигрантах-веганах!»); *les étrangers clandestins*/нелегальные иммигранты

(*Je ne veux plus de ces agressions par des clandestins...* / «Я не хочу больше нападений со стороны нелегальных иммигрантов...»);

– преступники (в контексте мигрантов в пригороде): *les racailles*/хулиганы (*Il y a en assez de cet État si lâche avec les racailles et si cruel avec les honnêtes gens!* / «Мы устали от этого государства, столь трусливого с подонками и столь жестокого с честными людьми!»); *les caïds*/преступные авторитеты (*...les cités où les caïds font la loi, où les policiers ne peuvent plus entrer; où les pompiers se font agresser* / «...города, где правят бандиты, куда полиция больше не может войти, где на пожарных нападают»);

– иностранные государства, которые могут представлять угрозу: *les États-Unis*/Соединенные Штаты, *Washington*/Вашингтон, *la Chine*/Китай, *Pékin*/Пекин (*Emmanuel Macron s'en est remis à l'Union Européenne pour affronter les États-Unis et la Chine? Mais c'est Bruxelles qui nous a mis diplomatiquement à la remorque de Wqashington et économiquement à la merci de Pékin pour les biens essentiels!* / «Эммануэль Макрон рассчитывает на Европейский союз в борьбе с Соединенными Штатами и Китаем? Но ведь именно Брюссель сделал нас зависимыми от Вашингтона дипломатически и на милость Пекину экономически, когда речь идет о товарах первой необходимости!»).

Для обозначения деструктивного воздействия ODS на IDS автор использует глаголы семантического поля устранения: *détruire*/разрушать, *déconstruire*/деконструировать (*Car en voulant détruire l'Histoire de France, c'est la France qu'ils veulent déconstruire* / «Потому что, желая уничтожить историю Франции, они хотят деконструировать саму Францию») и *faire disparaître*/заставить исчезнуть/ликвидировать (*...c'est le peuple français qu'ils veulent faire disparaître* / «...они хотят ликвидировать именно французский народ»), *éradiquer*/искоренять (*...c'est justement Bruxelles qui promeut l'invasion migratoire qui éradique progressivement notre magnifique civilisation européenne...* / «...именно Брюссель способствует миграционному нашествию, которое постепенно искореняет нашу великолепную европейскую цивилизацию...»).

Темпоральная организация дискурса основывается на трехчастной хронологической структуре:

1. Славное прошлое Франции, представленное основой национальных ценностей и культурной самобытности. Его образ формируется через прошедшее время, временные предложные конструкции, лексему *l'histoire*/история и упоминание значимых исторических событий и мест: (*...dans l'Histoire, Calais a toujours été une frontière symbolique pour la France* / «...на протяжении всей истории Кале всегда был символической границей Франции»; *Car depuis le Moyen-âge, cette grande plaine de la Beauce céréalière a toujours été essentielle à la puissance française* / «Со времен Средневековья эта великая зерноводческая равнина Бос была важнейшим элементом французского могущества»; *Vous êtes les héritiers d'une grande histoire, l'histoire fameuse des rois de France, du château de Chambord, de Jeanne d'Arc, de François 1er et de Léonard de Vinci...* / «Вы – наследники великой истории, знаменитой истории королей Франции, замка Шамбор, Жанны д'Арк, Франциска I и Леонардо да Винчи...»).

2. Проблемное настоящее, которое представляется результатом политики нынешних элит. Для его передачи используются глагольные конструкции в настоящем и прошедшем времени, а также конкретные даты последнего десятилетия: *Union européenne, et celui d'Emmanuel Macron* / «Сейчас Кале – символ двойного провала: Европейского союза и Эмма-

нуэля Макрона»; ...*nos élites politiques ont négligé ces territoires* / «...наши политические элиты пренебрегают этими территориями»; *Depuis 2017, Emmanuel Macron a tout fait pour que la France ne soit plus la France!* / «С 2017 г. Эммануэль Макрон делает все, чтобы Франция перестала быть Францией!»; ...*les Français ne sont pas heureux dans la France d'Emmanuel Macron* / «...французы недовольны Францией Эммануэля Макрона»; *Nous ne devons jamais oublier les actes terroristes islamiques qui depuis 2012 ont fait 272 victimes <...> il y a exactement 10 ans* / «Мы никогда не должны забывать об актах исламского терроризма, жертвами которых стали 272 человека с 2012 г. <...> ровно 10 лет назад».

3. Благополучное будущее, которое наступит с президентством нового политика. Исползуется будущее и настоящее время, модальные глаголы *vouloir* / хотеть, *devoir* / быть должным: ...*nous reprendrons le contrôle des frontières de la France!* / «...мы вернем контроль над границами Франции!»; *Je veux vous dire qu'avec nous, la France restera la France* / «Я хочу сказать вам, что с нами Франция останется Францией»; *Avec moi, l'Etat ne vous rackettera plus!* / «Со мной государство больше не будет вас рэкетировать!»; *Je baisse vos impôts parce que je considère que personne ne sait mieux que vous comment dépenser votre argent!* / «Я снижаю ваши налоги, потому что не думаю, что кто-то знает, как тратить ваши деньги лучше, чем вы!»; *Nous pouvons, nous devons faire de la France rurale le levier du dynamisme agricole et industriel français* / «Мы можем и должны сделать сельскую Францию движущей силой сельскохозяйственной и промышленной динамики Франции»; *Oui, je veux un État qui cesse enfin d'être si cruel avec les faibles...* / «Да, я хочу, чтобы государство наконец перестало быть таким жестоким по отношению к слабым...».

Изображение настоящего момента как критического периода, требующего срочных действий для предотвращения потери национальной идентичности и создания положительного образа будущего на основе идеализированного образа прошлого, способствует реализации стратегии темпоральной проксимизации.

Рассмотрение аксиологического измерения дискурса позволяет выявить явное противопоставление систем ценностей представителей IDS и ODS. Среди характеристик и ценностей IDS можно выделить: *la puissance* / могущество, *la souveraineté* / суверенитет (*Nous perdons en puissance, nous perdons en souveraineté...* / «Мы теряем могущество, мы теряем суверенитет...»); *la prospérité* / процветание (*...nous avons perdu en prospérité...* / «...мы потеряли процветание...»); *la liberté* / свобода (*Donnons à la campagne française les moyens de sa liberté* / «Дадим французской деревне средства для достижения свободы»); *l'égalité* / равенство (*Car revitaliser la campagne française, c'est assurer la promesse d'égalité sur tout le territoire...* / «Потому что возрождение французской деревни означает обеспечение равенства по всей стране...»); *la démocratie* / демократия (*Car il en va de la démocratie et même de la survie de notre pays* / «Потому что на карту поставлена демократия и даже выживание нашей страны»). Кроме того, автор позиционирует представителей IDS как носителей подлинной европейской цивилизации (*notre magnifique civilisation européenne* / «наша замечательная европейская цивилизация»), которой угрожает политика французского правительства и ЕС.

ODS, напротив, наделяется системой ценностей, включающей элементы, которые представляются как вредные для IDS: *la bureaucratie* / бюрократия, *la technocratie* / технократия (*C'est l'Europe sans la civilisation européenne, et c'est tous les défauts de la bureaucratie*

française étendus aux dimensions d'un continent. C'est la technocratie à l'état pur enfin débarrassée du peuple/«Это Европа без европейской цивилизации, и все недостатки французской бюрократии, расширенные до размеров континента. Это технократия в чистом виде, окончательно избавленная от народа»); la fédéralisation/федерализация (...nous mettrons un terme au processus de fédéralisation de l'Union européenne/«...мы положим конец процессу федерализации Европейского союза»); l'élitisme/элитизм, l'immigration/иммиграция (La Vendée, c'est l'antithèse de tout ce qu'ont fait nos élites parisiennes depuis 40 ans: pas de désindustrialisation, pas de délocalisation, pas de métropolisation, pas d'immigration!/«Вандея – это антитеза всему тому, чем занималась наша парижская элита последние 40 лет: никакой деиндустриализации, никакого переселения, никакой метрополизации, никакой иммиграции!»).

Особенно ярко противопоставление IDS и ODS выражается в сопоставлении двух фрагментов текста, содержащих рефрены *c'est nous!*/это мы! и *c'est lui!*/это он!, где сталкиваются образы двух Франций: Франции Эммануэля Макрона и Франции Эрика Земмура и его сторонников:

La France qui croit en sa puissance, c'est nous! La France qui s'élève contre le grand remplacement, c'est nous! La France des idées et de la vision, c'est nous! La France indépendante et souveraine, c'est nous! La France qui reste la France, c'est nous! La Reconquête, c'est nous!/«Мы – Франция, которая верит в свою силу! Мы – Франция, которая противостоит великой замене! Мы – Франция идей и видения! Мы – независимая и суверенная Франция! Мы – Франция, которая остается Францией! Мы – Реконкиста!»

La défiguration de nos paysages, c'est lui! La colère des gilets jaunes, c'est lui! Le carburant qui explose, c'est lui! Notre système de santé aux abois, c'est lui! Les Françaises qui ont peur de sortir le soir, c'est lui! L'école qui s'effondre c'est lui! Nos entreprises qui délocalisent, c'est lui! La fraude sociale incontrôlée, c'est lui! La fin de la méritocratie, c'est lui! Le grand remplacement, c'est lui!/«Обезобразивание наших пейзажей – это он! Гнев желтых жилетов – это он! Высокие цены на топливо – это он! Пошатнувшаяся система здравоохранения – это он! Француженки боятся выйти на улицу вечером – это он! Развал наших школ – это он! Переезд наших предприятий – это он! Неконтролируемое мошенничество в социальной сфере – это он! Конец меритократии – это он! Великое замещение – это он!»

Заключение. Проведенный анализ предвыборного дискурса Эрика Земмура через призму теории проксимизации позволяет сделать ряд значимых выводов о риторических стратегиях, применяемых политиками правого толка в современном французском политическом пространстве. Дискурсивное пространство в выступлениях Земмура структурируется посредством четкой демаркации между «своими» (IDS) и «чужими» (ODS). К первой группе относятся Франция, французы, сельская местность и ее жители, которые репрезентируются как носители традиционных национальных ценностей. Вторая группа включает действующее правительство Франции, Европейский союз, большие города и их пригороды, мигрантов и преступников, а также потенциально угрожающие иностранные государства. Такая поляризация дискурсивного пространства служит фундаментом для реализации стратегии пространственной проксимизации, представляющей внешние элементы как источник непосредственной угрозы для дейктического центра.

Темпоральное измерение дискурса Земмура организуется через трехкомпонентную хронологическую модель, противопоставляющую героическое прошлое Франции, кризисное настоящее и потенциально благополучное будущее, которое наступит в случае избрания данного политика. Подобная организация темпоральной структуры позволяет реализовать стратегию темпоральной проксимизации, представляя настоящий момент как критическую точку, требующую немедленных политических действий.

Аксиологическое измерение дискурса демонстрирует четкую дихотомию ценностных систем, где представителям IDS приписываются такие ценности, как могущество, суверенитет, свобода, равенство и демократия, в то время как ODS ассоциируется с бюрократией, технократией, элитизмом и иммиграцией. В таком разделении ценностей на «традиционные» национальные и «чужие» глобалистские актуализируется легитимизация на аксиологическом уровне.

Таким образом, применение теории проксимизации к анализу предвыборного дискурса Эрика Земмура демонстрирует, как политики правого спектра конструируют дискурсивное пространство для мобилизации электората. Стратегии пространственной, темпоральной и аксиологической проксимизации используются комплексно для создания образа непосредственной угрозы национальной идентичности и легитимации радикальных политических мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ivaldi G. L'Europe va-t-elle faire face à une nouvelle vague d'extrême droite? // The Conversation. 04.10.2023. URL: <https://theconversation.com/leurope-va-t-elle-faire-face-a-une-nouvelle-vague-dextreme-droite-214498> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Élection présidentielle 10 et 24 avril 2022 // Ministère De L'intérieur. URL: <https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/presidentielle-2022/FE.php> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Publication des candidatures et des résultats aux élections. Législatives 2024. 30 juin et 7 juillet 2024 // Ministère De L'intérieur. URL: https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/legislatives2024/ensemble_geographique/index.php (дата обращения: 20.01.2025).
4. Ivaldi G. A Tipping Point for Far-Right Populism in France // ECPS Report: 2024 European Parliament Elections under the Shadow of Rising Populism / G. Ivaldi, E. Zankina (eds.). European Center for Populism Studies (ECPS), 2024. P. 165–177. DOI: <https://doi.org/10.55271/rp0070>.
5. Zemmour É. Mélancolie française. Paris: Fayard, 2010.
6. Zemmour É. Le Suicide français. Paris: Albin Michel, 2014.
7. Zemmour É. Destin français. Paris: Albin Michel, 2018.
8. Ivaldi G. Éric Zemmour ou le nouvel avatar de la droite radicale populiste pan-européenne // Note Le Baromètre de la confiance politique: Sciences Po CEVIPOF. 2021. Vague 13.
9. Лапина Н. Ю. Эрик Земмур: человек, взорвавший политическое пространство // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4 (120). С. 130–154. DOI: [10.31249/ape/2023.04.07](https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.07).
10. Cap P. Proximization: the pragmatics of symbolic distance crossing. Amsterdam: JBP, 2013. DOI: [10.1075/pbns.232](https://doi.org/10.1075/pbns.232).
11. Cap P. The language of fear: Communicating threat in public discourse. London: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59731-1>.
12. Les discours d'Éric Zemmour // ERICZEMMOUR. URL: <https://www.ericzemmour.fr/discours> (дата обращения: 20.01.2025).

Информация об авторе.

Скребнев Евгений Сергеевич – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социолингвистика, дискурс, гендерная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.08.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Ivaldi, G. (2023), "L'Europe va-t-elle faire face à une nouvelle vague d'extrême droite?", *The Conversation*, 04.10.2023, available at: <https://theconversation.com/leurope-va-t-elle-faire-face-a-une-nouvelle-vague-dextreme-droite-214498> (accessed 28.02.2025).
2. "Élection présidentielle 10 et 24 avril 2022" (n.d.), *Ministère De L'intérieur*, available at: <https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/presidentielle-2022/FE.php> (accessed 20.01.2025).
3. "Publication des candidatures et des résultats aux élections. Législatives 2024. 30 juin et 7 juillet 2024", *Ministère De L'intérieur*, available at: https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/legislatives2024/ensemble_geographique/index.php (accessed 20.01.2025).
4. Ivaldi, G. (2024), "A Tipping Point for Far-Right Populism in France", *ECPS Report: 2024 European Parliament Elections under the Shadow of Rising Populism*, in Ivaldi, G. and Zankina, E. (eds.), European Center for Populism Studies (ECPS), pp. 165–177. DOI: <https://doi.org/10.55271/rp0070>.
5. Zemmour, É. (2010), *Mélancolie française*, Fayard, Paris, FRA.
6. Zemmour, É. (2014), *Le Suicide français*, Albin Michel, Paris, FRA.
7. Zemmour, É. (2018), *Destin français*, Albin Michel, Paris, FRA.
8. Ivaldi, G. (2021), "Éric Zemmour ou le nouvel avatar de la droite radicale populiste pan-européenne", *Note Le Baromètre de la confiance politique: Sciences Po CEVIPOF*, Vague 13, Dec. 2021.
9. Lapina, N.Yu. (2023), "Eric Zemmour: the man who blew up the political space", *Current problems of Europe*, no. 4 (120), pp. 130–154. DOI: 10.31249/ape/2023.04.07.
10. Cap, P. (2013), *Proximity: the pragmatics of symbolic distance crossing*, JBP, Amsterdam, NDL. DOI: 10.1075/pbns.232.
11. Cap, P. (2017), *The language of fear: Communicating threat in public discourse*, Palgrave Macmillan, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59731-1>.
12. "Les discours d'Éric Zemmour", *ERICZEMMOUR*, available at: <https://www.ericzemmour.fr/discours> (accessed 20.01.2025).

Information about the author.

Evgenii S. Skrebnev – Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: sociolinguistics, discourse, gender linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.08.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 22.12.2025.

Оригинальная статья

УДК 811; 378; 615.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-174-188>

Учебно-воспитательный комплекс мероприятий, направленных на формирование у студентов компетенции межкультурного общения на иностранном языке

Григорий Александрович Рожков¹✉, Александра Александровна Ефимова²,
Елена Валентиновна Волкова³, Наталия Александровна Петухова⁴

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹✉ grigory.rozhkov@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0000-0002-4403-3993>

²efimaxax@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3891-1988>

³elena.volkova@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0009-0009-2419-5475>

⁴natalia.shahanova@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0009-0003-3518-6482>

Введение. В статье описан опыт разработки и внедрения в практику комплекса мероприятий по формированию у студентов фармацевтического вуза навыков межкультурной коммуникации на иностранном языке. В настоящее время умение проводить переговоры, в том числе на международном уровне, и связанные с этим умение навыки являются несомненным преимуществом выпускников фармацевтического профиля на рынке труда, что обуславливает актуальность разработанного комплекса.

Методология и источники. При разработке комплекса мероприятий авторы применяли такие методы исследования, как контент-анализ, логико-семантический анализ, системный и творческий подход, а также современные методические подходы к обучению иностранному языку с использованием аутентичных материалов.

Результаты и обсуждение. Представленный комплекс включает аудиторные и внеаудиторные занятия, сочетающиеся с практической работой обучающихся: учебный курс на английском языке «Менеджмент фармацевтической организации на английском языке»; рабочие программы дисциплин для всех направлений бакалавриата «Деловые коммуникации на иностранном языке»; дополнительная обучающая общеобразовательная программа «Business Communication in English»; дискуссионный клуб на английском языке; творческие конкурсы на иностранных языках для студентов; экскурсии военно-патриотической направленности. В рамках комплекса создано и функционирует молодежное сообщество «Lingvapharm», которое на сегодняшний день объединяет более 400 человек.

Заключение. Студенты фармацевтического профиля, активно участвующие в программах комплекса, ежегодно занимают призовые места в международных олимпиадах и конкурсах на иностранных языках, демонстрируя отличное владение ими, навыки презентации и доклада, умение держаться на публике и аргументированно отвечать на вопросы.

Ключевые слова: учебно-воспитательный комплекс, студенты фармацевтического профиля, обучение иностранным языкам в вузе, межкультурные коммуникации

© Рожков Г. А., Ефимова А. А., Волкова Е. В., Петухова Н. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Учебно-воспитательный комплекс мероприятий, направленных на формирование у студентов компетенции межкультурного общения на иностранном языке / Г. А. Рожков, А. А. Ефимова, Е. В. Волкова, Н. А. Петухова // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 174–188. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-174-188.

Original paper

Educational Complex of Measures Aimed at the Formation of Students' Competence of Intercultural Communication in a Foreign Language

**Grigory A. Rozhkov¹✉, Alexandra A. Efimova²,
Elena V. Volkova³, Natalia A. Petukhova⁴**

1, 2, 3, 4Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, St Petersburg, Russia

¹✉grigory.rozhkov@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0000-0002-4403-3993>

²efimaxax@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3891-1988>

³elena.volkova@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0009-0009-2419-5475>

⁴natalia.shahanova@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0009-0003-3518-6482>

Introduction. The article describes the experience of development and implementation in practice of a set of activities for the formation of intercultural communication skills in foreign language among pharmaceutical university students. Currently, the ability to negotiate, including at the international level and related skills are an undoubted advantage of pharmaceutical graduates in the labor market, which determines the relevance of the developed complex.

Methodology and sources. While developing the set of activities, the authors applied such research methods as content analysis, logical and semantic analysis, systematic and creative approach, as well as modern methodological approaches to foreign language learning using authentic materials.

Results and discussion. The presented complex includes classroom and extracurricular classes, combined with practical work of students: training course in English "Management of a pharmaceutical organization in English"; work programs of disciplines for all bachelor's degree courses "Business communication in a foreign language"; an additional educational program "Business Communication in English"; discussion club in English; creative contests in foreign languages for students; excursions of military-patriotic orientation. The Lingvapharm youth community has been created and operates within the complex, which currently unites more than 400 people.

Conclusion. Pharmaceutical students who actively participate in the programs of the complex, take prizes in international Olympiads and competitions in foreign languages each year, demonstrating excellent proficiency in foreign language, presentation and report skills, ability to behave in public and to answer questions rationally.

Keywords: educational complex, students of pharmaceutical profile, teaching foreign languages in the university, intercultural communication

For citation: Rozhkov, G.A., Efimova, A.A., Volkova, E.V. and Petukhova, N.A. (2025), "Educational Complex of Measures Aimed at the Formation of Students' Competence of Intercultural Communication in a Foreign Language", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 174–188. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-174-188 (Russia).

Введение. В результате процессов глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. В связи с этим в рамках фармацевтического сообщества назревает необходимость расширения компетенций молодых специалистов в сфере делового международного сотрудничества. Студенты должны обладать не только знаниями в области фармацевтической промышленности, но также умениями и навыками, позволяющими им строить долгосрочные деловые отношения с зарубежными партнерами, вести деловую переписку и многое другое. Для решения этой задачи в Санкт-Петербургском государственном химико-фармацевтическом университете (далее – СПХФУ) на базе научно-образовательного центра иностранных языков и межкультурной коммуникации (далее – НОЦ ИЯМК) по результатам проведенного авторами исследования в 2022 г. был разработан и внедрен в практику работы НОЦ ИЯМК учебно-воспитательный комплекс (далее – УВК) мероприятий, направленный на формирование у студентов компетенции межкультурного общения на иностранном языке.

В настоящее время назрела необходимость не только практического формирования навыков делового общения, но также повышения уровня осознанности процесса переговоров в рамках сложившихся напряженных отношений между странами и понимания ответственности, которая ложится на плечи молодых специалистов, вступающих в деловые отношения с иностранными партнерами. Понимание своей гражданской позиции, своих сильных и слабых сторон в процессе общения, уверенное владение языком и знание культуры представителей разных стран повышает эффективность профессиональной адаптации молодых специалистов фармацевтического профиля [1, с. 184–190] и поднимает значимость УВК в современных геополитических реалиях.

Актуальность УВК обеспечивается многоаспектным и многоступенчатым внедрением его мероприятий, направленных на решение ряда задач, которые в перспективе охватывают достаточно широкий круг формирования компетенций учащихся: умения ясно выражать свои мысли, намерения и цели на иностранном языке, отстаивать свои интересы на русском и английском языках, устанавливать деловые отношения и поддерживать их, находить общий язык с партнерами, знание особенностей культур стран – партнеров России.

Научная новизна УВК состоит в инновационном комплексном подходе к обучению иностранному языку и формированию у будущих работников фарминдустрии навыков организации делового сотрудничества, управления и работы в команде, а также применения знания английского языка не только в рамках решения научных задач, но и в социальном векторе. Такой комплексный подход, впервые внедренный в работу НОЦ ИЯМК СПХФУ, не только успешно реализуется и развивается, но воспитывает уверенного в себе специалиста, обладающего расширенным набором компетенций, что делает его конкурентоспособным на рынке труда, повышает эффективность процесса профессиональной адаптации на рабочем месте и значимость его работы на международной арене.

Методология и источники. При разработке УВК были использованы следующие методы: контент-анализ, логико-семантический анализ, системный подход, творческий подход; при разработке курса на английском языке и дополнительной обучающей программы: коммуникативная методика, лексический подход, метод обучения на основе задач. При со-

здании рабочих программ дисциплин использовалось программное обеспечение 1С Университет. Источниками информации в основном служили представленные в свободном доступе в сети Интернет аутентичные материалы, а также личные разработки авторов.

Результаты и обсуждение. УВК включает в себя как аудиторные, так и внеаудиторные занятия, сочетающиеся с практической работой обучаемых:

- учебный курс на английском языке «Менеджмент фармацевтической организации на английском языке»;
- рабочие программы дисциплин для всех направлений бакалавриата «Деловые коммуникации на иностранном языке»;
- дополнительная обучающая общеобразовательная программа «Business Communication in English»;
- дискуссионный клуб на английском языке;
- творческие конкурсы на иностранных языках для студентов;
- экскурсии военно-патриотической направленности.

Разработанный УВК направлен на решение разноплановых задач: развитие навыков управления и делового общения на русском и английском языках, получение практических знаний в области культуры стран – партнеров России в фарминдустрии, практическое использование обучающимися сформированных компетенций межкультурного делового общения, в том числе в ходе участия в международных проектах. Актуальной является необходимость развития у студентов уважения и толерантности к другим культурам в связи с тем, что в современном мире существует большая опасность усиления межкультурных конфликтов. Для студентов фармацевтических направлений формирование указанных компетенций актуально, так как они не являются профессиональными переговорщиками, но в будущем им предстоит ведение международного научного диалога, успешность которого в том числе зависит от знаний особенностей международной деловой коммуникации. В то же время умение грамотно формировать межкультурные альянсы, защищая интересы своей страны, является особенно необходимым в современном мире.

Аудиторная работа в структуре УВК. В качестве примера инновационных разработок авторов статьи отметим курс практических коммуникативных лекций по теме «Менеджмент фармацевтической организации на английском языке» [2, с. 177–178]. Данный курс был включен в УВК в связи с возникновением дополнительных требований к перечню профессиональных компетенций фармацевтических работников, которые должны свободно ориентироваться в ключевых аспектах управления, поиска новых активных веществ, фармацевтических разработок, доклинических и клинических исследований, регистрации [3].

В программу курса включен новый тип занятий «Практические коммуникативные лекции на иностранном языке». На этих занятиях одновременно происходит и более эффективное усвоение теоретического материала по предмету, и связь теории и практики, и практика профессионального английского языка. Содержание курса в плане дисциплины «Менеджмент» полностью соответствует содержанию аналогичного курса на родном языке, и в случае успешного его прохождения студенты получают зачет по этой дисциплине [4]. Разработанный курс лег в основу рабочей программы дисциплины «Коммуникационный менедж-

мент на английском языке», которая с 2024/2025 учебного года внедрена во все программы бакалавриата СПХФУ в качестве дисциплины по выбору.

Авторами были также разработаны и внедрены в учебный процесс СПХФУ рабочие программы дисциплины «Деловые коммуникации на иностранном языке». В настоящее время данная дисциплина преподается в НОЦ ИЯМК студентам 2-го и 3-го курсов специальностей 19.03.01 «Биотехнология», 38.03.01 «Товароведение», 18.03.01 «Химическая технология».

В рамках УВК была разработана и внедрена в учебный процесс СПХФУ дополнительная образовательная общеразвивающая программа «Business Communication in English» [5], целями которой являются:

- формирование коммуникативных компетенций на английском языке, необходимых для успешного осуществления деловых коммуникаций в межкультурной среде;
- развитие коммуникационных навыков, дающих возможность эффективно функционировать в различных культурных средах;
- приобретение опыта эффективной работы в команде;
- знакомство с культурой стран – партнеров России в фармацевтической индустрии.

В программе приняло участие 11 студентов и ординаторов СПХФУ. В качестве формата была выбрана ролевая игра. Основными целями программы было формирование у обучающихся таких межкультурных коммуникативных компетенций, как знания о существовании этнокультурных стереотипов, причинах культурных различий в поведении и отношениях людей, принадлежащих разным культурам; о причинах межкультурных конфликтов, возникающих в процессе межкультурного делового общения, умение находить способы их разрешения [6].

Внеаудиторная работа в структуре УВК. Помимо формирования комплексных умений и навыков межкультурного общения, целью проекта является воспитание ценностной системы обучающихся, включающей такие понятия, как «патриотизм», «толерантность», «доверие», «дружба», «сотрудничество», «ответственность» [7]. В связи с этим внеаудиторные мероприятия воспитательной направленности, входящие в УВК, нацелены на выполнение ряда задач:

- целенаправленное развитие личностных и социальных качеств, определяющих готовность выпускника вуза к выполнению профессионально-должностных обязанностей, мотивирующих его к получению образования в течение всей жизни. Достижение этой цели направлено не только на передачу новым поколениям суммы научных знаний в процессе образования, но и на формирование у них позитивного отношения к ценностям материальной и духовной культуры социума, стремление к их усвоению и творческому приумножению;
- формирование у студентов высокой нравственной культуры, ориентации на гуманистические мировоззренческие установки и духовные ценности, умения определить свое место и цель жизни, формирование самосознания и высших потребностей личности;
- ввиду многонациональности студентов, обучающихся на базе НОЦ ИЯМК, становится важным формирование активной гражданской позиции и патриотического сознания, правовой и политической культуры, опирающейся на уважение к закону и истории своей страны;

– формирование личностных качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности, отношения к труду как к первой жизненной необходимости, важнейшей ценности и главному способу достижения личного успеха;

– воспитание потребности в профессиональном совершенствовании, целеустремленности и предприимчивости, готовности к конкурентоспособности и сотрудничеству в профессиональной деятельности;

– сохранение и развитие историко-культурных традиций университета, приобщение новых поколений студентов к корпоративной культуре вуза, преемственности в воспитании студенческой молодежи;

– формирование установки на непрерывный процесс саморазвития, освоение художественных и научных достижений общечеловеческой и национальной культуры, чувства меры, вкуса, стиля, позволяющих участвовать в культурной жизни российского общества в качестве творцов;

– приобщение к общечеловеческим нормам нравственности, национальным традициям и корпоративным ценностям своей профессиональной и социальной среды, развитие навыков адекватной самооценки и оценки результатов своей деятельности.

Воспитание через внеаудиторную работу осуществляется преподавателями конкретных учебных дисциплин путем использования различных форм: конкурсов, просмотров и обсуждений соответствующих кино- и видеофильмов, участия студентов в научно-исследовательских и предметных кружках, конференциях, научных чтениях, профессиональных клубах и студенческих объединениях, встречах с практическими работниками, мастер-классах и т. п. [8]. Приведем несколько примеров наиболее интересных, на наш взгляд, форматов внеаудиторной работы.

Дискуссионный клуб. Начиная с 2023 г. и по настоящее время на базе НОЦ ИЯМК успешно реализуется проект «English Speaking Club» («Дискуссионный клуб на английском языке»), в программу которого включены такие актуальные сегодня для молодежи темы, как «Толерантность», «Любовь к Родине», «Российский культурный код» и др. Внедрение данного проекта было направлено на развитие мотивации и интереса студентов и аспирантов СПХФУ к изучению иностранных языков, знание которых является существенным преимуществом в построении успешной карьеры. Целью создания «Дискуссионного клуба на английском языке» было активное содействие развитию языковых компетенций научно-педагогических работников, студентов и аспирантов СПХФУ. Основными задачами клуба явились создание среды для коммуникаций на английском языке как средстве международного общения в сфере науки и образования; формирование языковой компетенции; помощь участникам в преодолении языкового барьера; выведение пассивной лексики в речь; развитие понимания норм и правил общения на иностранном языке.

Мастер-классы. Для повышения квалификации преподавателей НОЦ ИЯМК, читающих курсы по деловым коммуникациям, авторами статьи в 2023/2024 учебном году была проведена серия мастер-классов по деловому общению, основанных на нашем практическом опыте работы в компаниях и участию в международных переговорах.

При проведении мастер-классов использовался материал монографии Г. А. Рожкова «Моя твоя понимает» [9], в которой автором рассматриваются особенности ведения деловых

переговоров на иностранном языке и на основе авторских кейсов обсуждаются особенности и сложности их ведения. Ценность передачи такого опыта преподавателям НОЦ ИЯМК, а далее слушателям курса «Деловые коммуникации на иностранном языке» состоит в том, что описанные кейсы формируют реальное понимание «живых» переговоров, которое невозможно получить, читая учебники по межкультурной коммуникации, делающие акценты на терминологии и структуре ведения переговоров. В рамках проведенных мастер-классов прослеживается преемственность работы НОЦ ИЯМК по формированию у обучающихся глубинного понимания сути межкультурных деловых коммуникаций.

Волонтерская работа. В 2023 г. студенты СПХФУ, опираясь на полученные компетенции, участвовали в качестве волонтеров в работе с зарубежными гостями второго саммита «Россия – Африка», экономического и гуманитарного форума «Россия – Африка». В 2024 г. студенты СПХФУ, владеющие английским языком, успешно работали с зарубежными гостями в качестве волонтеров на XXVII Петербургском международном экономическом форуме. В ходе подготовки и проведения мероприятий они продемонстрировали сформированность компетенций успешного межкультурного взаимодействия на иностранном языке с участниками и гостями. Волонтеры СПХФУ успешно справились с такими задачами, как ведение беседы на иностранном языке, умение правильно выбрать регистр общения, соответствующий конкретной речевой ситуации, в короткие сроки решать сложные многосторонние задачи на иностранном языке.

«Молодая Фармация». В рамках ежегодной конференции с международным участием «Молодая фармация – потенциал будущего» (организатор – СПХФУ) регулярно организуется секция «World Young Pharmacy», на которой с научными докладами на английском языке выступают студенты и аспиранты СПХФУ и других вузов РФ, демонстрирующие навыки делового научного общения. Целью создания специальной секции в рамках научной конференции является организация площадки для реализации студентами СПХФУ навыков владения иностранным языком в условиях ведения межкультурного научного диалога [10]. Данное направление особенно актуально в настоящее время в рамках развивающегося сотрудничества и формирующихся научных альянсов, участники которых зачастую живут и работают в разных странах и даже на разных континентах. Участие в секции «World Young Pharmacy» дает студентам возможность не только защитить свой научный проект, но также развить навыки ораторского мастерства в условиях иноязычной среды. Более того, при написании тезисов в научный сборник студент получает практический опыт применения знаний создания научных статей, которые он получил на занятиях по иностранному языку.

Молодежное научное общество «Lingvapharm». Для активного вовлечения обучающихся во внеаудиторную деятельность воспитательной направленности на иностранном языке в 2021 г. НОЦ ИЯМК было создано молодежное научное общество «Lingvapharm» (<https://vk.com/lingvapharm>), на базе которого организуются ежегодные творческие конкурсы (далее – ТК) [11]. Три конкурса являются внутривузовскими и проводятся для студентов СПХФУ. Конкурс «Апрельские литературные чтения на иностранных языках» – всероссийский, к участию в нем приглашаются студенты разных регионов нашей страны.

ТК, посвященный Международному дню перевода. Этот праздник отмечается ежегодно во всем мире в сентябре и включен в перечень официальных праздников Санкт-Петербурга.

В СПХФУ он проводится, начиная с 2021 г. В программу мероприятий включены конкурс на лучший устный последовательный перевод и олимпиада по профессиональному переводу. Участники выбирают небольшой видеоролик на иностранном языке по своей профессиональной тематике и накладывают на него устный последовательный перевод. Представленные видеоролики публикуются в группе «Lingvapharm» ВКонтакте, после чего компетентное жюри выбирает победителей и призеров конкурса. Олимпиада проводится в два тура. По результатам голосования жюри лучшие участники проходят во второй тур, где демонстрирую свои навыки перевода русского текста на английский язык «с листа».

ТК «Winter Wonders». Это мероприятия, посвященные новогодним и рождественским праздникам. Их целью является показать все разнообразие и уникальность этих праздников, а также поделиться национальными и личными традициями празднования. Участникам ТК предлагается подготовить видеопрезентацию на иностранном языке о новогодних и рождественских традициях в разных странах мира и у разных народов или видеоклип на праздничную тематику. Представленные видео публикуются в группе «Lingvapharm» ВКонтакте. На заключительном вечере «Новый год и Рождество в нашем доме» звучат стихотворения, истории и песни, подготовленные студентами и преподавателями НОЦ ИЯМК. Зарубежные партнеры и коллеги в своих видеообращениях рассказывают о новогодних и рождественских традициях своих стран.

ТК, посвященный Международному дню родного языка. Международный день родного языка был провозглашен Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1999 г. и отмечается каждый год 21 февраля с целью содействия языковому и культурному разнообразию. Цель данного ТК – через память родного языка и традиции разных народов нашей многонациональной Родины способствовать развитию интереса и уважения молодежи к своему народу, семье, сохранению и развитию семейных ценностей. Программа творческого конкурса включает три номинации:

1) конкурс открыток, участники которого готовят открытку с текстами поздравлений на национальном языке, русском и иностранном языках;

2) видеоэстафета, в рамках которой студенты представляют видеозапись прочтения стихотворения (или исполнения песни) любимого автора на родном языке с переводом на русский;

3) презентация на иностранном языке о своем родном языке, его истории, традициях, особенностях изучения, культуре языка, употреблении в настоящее время.

Финал ТК проходит в онлайн-формате и включает в себя демонстрацию лучших презентаций, объявление победителей в номинациях «Лучшая открытка» и «Лучшая декламация стихотворения/исполнение песни». Работы победителей публикуются в группе ВК «Lingvapharm», а также в журнале «Аптекарь».

Всероссийский межвузовский ТК «Апрельские литературные чтения на иностранных языках». Данный ТК преследует следующие цели: повышение мотивации молодежи к изучению иностранных языков и культур; приобщение к мировому культурному наследию; создание условий для профессионального общения и обмена опытом школьной и студенческой молодежи и преподавателями. ТК проводится в трех номинациях: стихотворение, проза, песня. На конкурс принимаются заявки, представляющие собой видеофайлы – про-

чтение стихотворения, отрывка из прозы или исполнения песни на иностранном языке. В состав жюри входят представители кафедр иностранных языков разных вузов (Самарский государственный технический университет, Петрозаводский ГУ, БГТУ ВОЕНМЕХ, Университет «ИТМО» и др.). Финал конкурса проходит в онлайн-формате. Финалисты выступают с короткой речью, в которой рассказывают о своем опыте изучения иностранного языка, объясняют выбор конкурсного произведения и историю создания видеоролика.

Экскурсии военно-патриотической направленности. В качестве объектов для экскурсий в 2025 г. нами были выбраны две выставки, проходящие в Санкт-Петербурге: иммерсивная мультимедийная выставка «Глаза», построенная с использованием VR-технологий и посвященная 80-летию освобождения Ленинграда от фашистской блокады, и выставка на «Ленфильме» «Пропавшие в кинохронике» – уникальный рассказ о кинодокументалистах XX в. Создатели данных экспозиций ставили перед собой цели погрузить зрителя в определенное эмоциональное состояние и оказать влияние на формирование эмоционального интеллекта у участников экскурсии. Экскурсии проводились как внеаудиторные мероприятия в рамках дисциплины «Деловые коммуникации на иностранном языке» при изучении студентами темы «Эмоциональный интеллект и его роль в деловом общении». После экскурсий как часть самостоятельной работы по предмету студенты готовили эссе на английском языке по теме «Практика формирования эмоционального интеллекта». Наш опыт проведения экскурсий военно-патриотической тематики подтверждает актуальность организации внеаудиторных мероприятий, направленных на усвоения студентами необходимого социального опыта и формирования востребованной современным российским обществом системы ценностей. Особенностью такой формы внеаудиторной работы, как экскурсия военно-патриотической направленности, является преобладание эмоционального аспекта над информативным. Важную воспитательную роль играет также сопереживание, возникающее во время экскурсии [12].

Далее представлены выдержки из эссе на английском языке (с переводом на русский) студентов – участников экскурсий.

«The excursion to the exhibition “Lost in Newsreel” at Lenfilm studio was the first event of this kind that I attended through the university, and I was pleasantly surprised by the attention given to our education and the highlighting of such important events as the Siege of Leningrad and, more broadly, the Great Patriotic War. Each location within the exhibition was incredibly interesting, detailed, and thoughtfully designed. From the initial concept, the author smoothly transitioned to the events of the war, as if guiding visitors by the hand through those difficult years up to victory, revealing the underlying reality of all events based on real facts and figures. What struck me the most were the rooms that recreated the interiors of wartime – residential buildings, hospitals, factories, and libraries. I imagined myself as a character in those wartime events, trying to comprehend the emotions experienced by people who were there: pain, fear, despair, hope, and faith. Undoubtedly, after visiting the exhibition, I was left with a bitter aftertaste, sorrow, and sympathy for those who were fortunate enough to survive those harsh wartime experiences. However, there was also a sense of hope that current generations will not repeat the experiences of their grandparents and will learn to resolve conflicts and conduct political affairs without resorting to brute force or waging war” (Marina M., student, 2nd year) / «Экскурсия на вы-

ставку “Потерянные в кинохронике” на киностудии “Ленфильм” была первым мероприятием подобного рода, которое я посетила в университете, и была приятно удивлена вниманием к нашему воспитанию и освещению таких важных событий, как Великая Отечественная война и блокада Ленинграда. Каждая локация в рамках выставки была невероятно интересной, подробной и продуманной. От первоначального замысла авторы плавно перешли к событиям войны, словно ведя посетителей за руку сквозь те тяжелые годы до Победы, раскрывая глубинную значимость всех событий на основе реальных фактов и цифр. Больше всего меня поразили комнаты, воссоздавшие интерьеры военного времени – жилые дома, госпитали, заводы, библиотеки. Я представляла себя персонажем тех военных событий, пытаясь понять эмоции, которые испытывали люди, которые там были: боль, страх, отчаяние, надежду и веру. Несомненно, после посещения выставки у меня остался горький осадок, скорбь и сочувствие к тем, кому пришлось пережить эти суровые военные испытания. Однако было и чувство надежды, что нынешние поколения не повторят опыт своих дедушек и бабушек и научатся решать конфликты и вести политические дела, не прибегая к грубой силе и не развязывая войны» (Марина М., студентка 2-го курса).

«Nowadays, people are increasingly forgetting about the past, including the history of our country. However, it's important to know our heroes and real events of that time, so, this will never happen again and the dead people won't be forgotten. In this essay, I will share my experience about exhibitions “The Eyes”. Our emotions are the deepest and the most powerful, when all of our sensory organs are involved. “The Eyes” is immersive exhibition, where you can hear, see, touch and smell Saint-Petersburg in 1941–1945 years by the memories of children of the blockade. I felt scared and devastated by real stories in VR and audio-visual version, because it was deep dive into this. Although, the scariest area was about Saint-Petersburg in June of 1941. It was impossible not to think that all the happy faces on the photos would most likely end up at the front, in hospitals, or starve to death. This is what allowed me to understand that life can turn upside down at any moment and will be never the same again, because of the war. Children of the blockade are elderly people now, most of them are dead. Anyway, we must remember them and the cheerful eyes these strong people saved through the hard times» (Maria G., student, 2nd year) / «В наши дни люди все чаще забывают о прошлом, в том числе и об истории нашей страны. Однако важно знать наших героев и реальные события того времени, чтобы это больше никогда не повторилось и погибшие не были забыты. В этом эссе я поделюсь своими впечатлениями от посещения выставки “Глаза”. Наши эмоции самые глубокие и сильные, когда задействованы все наши органы чувств. “Глаза” – это иммерсивная выставка, где можно услышать, увидеть, потрогать и ощутить Санкт-Петербург 1941–1945 годов по воспоминаниям детей блокады. Мне было страшно и опустошенно от реальных историй в VR- и аудиовизуальной версии, потому что это было глубокое погружение в то время. Невозможно было не думать, что все счастливые люди на фотографиях, скорее всего, окажутся на фронте, в госпиталях или умрут от голода. Именно это позволило мне понять, что жизнь может перевернуться в любой момент и уже никогда не будет прежней из-за войны. Дети блокады сейчас уже пожилые люди, большинства из них уже нет в живых. В любом случае мы должны помнить их и те веселые глаза, которые эти сильные люди сохранили в тяжелые времена войны» (Мария Г., студентка 2-го курса).

«Each room of the exhibition “Lost in the newsreel” had its own special atmosphere -life-size elements of buildings, landscapes, battles, models of equipment and even figures of heroes were recreated. All these details worked very well together – at one point I stopped understanding whether I was simply too immersed in history, or whether there really was pain and tears in the eyes of these realistic figures. The topic is not new, we have talked about the war; we are talking and will talk for a long time, but I have never seen anything like this. The creators of the exhibition used new technologies very well; I liked the work with light – different light in each hall added atmosphere, emphasized the mood, be it a dark battlefield with a seemingly burning fire or a cold white light in the snowy mountains. For modern people, this exhibition, in my opinion, can become a very powerful reminder of the horrors of war due to deep immersion. I was very impressed by the exhibition. It is a really valuable experience, as I experienced a lot of emotions, moving from hall to hall. Sometimes I felt goosebumps on my skin, several times I was close to tears. I especially liked the location with the hospital, where a young man played the violin – I even took off my headphones out of interest, and the music really played in the hall. In this hall, they also told a story about a woman who was a war photographer - she died tragically, but left behind a lot of footage. “Missing in the Newsreel” evokes a lot of emotions, and I am very glad that I had the chance to visit such an amazing place. This exhibition made me think about a lot of things and I have already recommended it to all my friends» (Oksana S., student, 2nd year) / «В каждом зале выставки “Пропавшие в кинохронике” своя особая атмосфера – воссозданы в натуральную величину элементы зданий, пейзажи, сражения, модели техники и даже фигуры героев. Все эти детали очень хорошо сочетались – в какой-то момент я перестала понимать, то ли я просто слишком погрузился в историю, то ли в глазах этих реалистичных фигур действительно были боль и слезы. Тема не новая, мы говорили о войне, говорим, и будем говорить еще долго, но ничего подобного я еще не видела. Создатели выставки очень удачно использовали новые технологии; мне понравилась идея с наушниками – каждый из нас слушал истории так, как будто их рассказывали ему лично. Мне также понравилась работа со светом – разный свет в каждом зале добавлял атмосферы, подчеркивал настроение, будь то темное поле битвы с кажущимся горящим огнем или холодный белый свет в заснеженных горах. Для современных людей эта выставка, на мой взгляд, может стать очень сильным напоминанием об ужасах войны за счет глубокого погружения. Я была очень впечатлена выставкой. Это действительно ценный опыт, так как я испытала массу эмоций, переходя из зала в зал. Иногда у меня мурашки по коже, несколько раз я была готова расплакаться. Особенно мне понравилась локация с госпиталем, где молодой человек играл на скрипке – я даже сняла наушники ради интереса, и музыка действительно играла в зале. В этом зале также рассказывали историю о женщине, которая была военным фотографом – она трагически погибла, но оставила после себя много отснятых кадров. Выставка “Пропавшие в кинохронике” вызывает массу эмоций, и я очень рада, что мне удалось побывать в таком удивительном месте. Эта выставка заставила меня задуматься о многом, и я уже порекомендовала ее всем своим друзьям» (Оксана С., студентка 2-го курса).

Заключение. Следует отметить, что студенты СПХФУ, активно участвующие в программах УВК и работе МНО «Lingvapharm», ежегодно занимают призовые места на международных олимпиадах и конкурсах на иностранных языках. Например, в 2021 г. команда СПХФУ заняла первое место в IX Международном конкурсе презентаций на английском языке «Leaders of a New World: the Skills, Vision, and Mindset of Change» (организатор – СамГТУ). В 2022 г. команда из шести студентов и аспирантов, заняла второе место в команд-

ном конкурсе IV Международной олимпиады по английскому языку среди обучающихся медицинских и фармацевтических вузов (организатор – Сеченовский Университет). В 2023 г. команда студентов заняла второе место в секции «Видео на YouTube – Values in the Changing World» научно-технической конференции с международным участием XI Международный конкурс презентаций на английском языке «Values in the Changing World» (СамГТУ).

В сентябре 2024 г. студенты СПХФУ, обучающиеся дисциплинам «Иностранный язык» и «Деловые коммуникации на иностранном языке» на базе НОЦ ИЯМК, стали финалистами VI Международного конкурса ораторского мастерства, организованного газетой Китайской Народной Республики China Daily по теме «Civilizations: clash and coexistence» («Цивилизации: противостояние и сотрудничество») совместно с Межрегиональной ассоциацией международного сотрудничества. Учащиеся достойно выступили, показав не только прекрасное знание английского языка, отличные навыки презентации проведенного исследования, но также умение держаться на публике и аргументированно излагать свои мысли, отвечая на вопросы жюри и зала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимова А. А., Голубенко Р. А. Проблема профессиональной адаптации молодых специалистов химико-фармацевтической отрасли (на примере выпускников Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета) // Ремедиум. 2024. Т. 28, № 2. С. 183–191. DOI: 10.32687/1561-5936-2024-28-2-183-191.
2. Ефимова А. А., Ляшко А. И., Цитлионик Е. А. «Менеджмент фармацевтической организации» – практические коммуникативные лекции на английском языке // Вестн. СамГТУ. Сер. Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 19, № 3. С. 167–178. DOI 10.17673/vsgtu-pps.2022.3.12.
3. Ефимова А. А. Формирование коммуникативной компетенции через междисциплинарный курс на английском языке // Профессионально-ориентированное обучение языкам: опыт и перспективы: сб. материалов ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 14–16 февр. 2023 г. / СПбГЭУ. СПб., 2023. С. 30–35.
4. Ефимова А. А. Опыт реализации проекта «Менеджмент фармацевтической организации на английском языке» в СПХФУ // Цифровая трансформация образования: современное состояние и перспективы: сб. науч. тр. / КГМУ. Курск, 2022. С. 82–84.
5. Rozhkov G., Naumova E., Dmitrieva D. English for specific purposes and professional soft skills development: extra-curricular programs // Язык и культура в глобальном мире. Вып. 3. СПб.: ЛЕМА, 2024. С. 422–427.
6. Рожков Г. А. Этические проблемы использования искусственного интеллекта в образовательном процессе – взгляд студентов // Научное мнение. 2024. № 5. С. 53–57. DOI: 10.25807/22224378_2024_5_53.
7. Ефимова А. А. Патриотическое воспитание студентов фармацевтического профиля через изучение иностранного языка // Медицинское образование в XXI веке: современные инициативы России и Кыргызстана: сб. науч. тр.: в 2 т. / КГМУ. Курск, 2025. Т. 1. С. 228–230.
8. Рожков Г. А. Формирование межкультурной толерантности у студентов неязыкового вуза в ходе внеаудиторной работы на иностранном языке. Опыт Санкт-Петербургского химико-фармацевтического университета // Актуальные проблемы экономики и управления в строительстве: материалы II Национальной (всерос.) науч.-практ. конф., СПб., 18–19 апр. 2024 г. / СПбГАСУ. СПб., 2024. С. 507–512.
9. Рожков Г. А. Моя твоя понимает: практическое пособие по обучению искусству бизнес-коммуникаций и переговорному процессу в поликультурной среде. СПб.: АНО РОССИКА «Лики», 2021.
10. Ефимова А. А. Участие в научной конференции как способ формирования профессиональной языковой компетенции у магистрантов химико-фармацевтического вуза // Профессио-

нально-ориентированное обучение языкам: опыт, реальность и перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., СПб., 20–21 февр. 2024 г. / СПбГЭУ. СПб., 2024. С. 23–29.

11. Рожков Г. А., Наумова Е. В. Кому он нужен этот English? Образовательные и воспитательные аспекты внеаудиторной работы на иностранном языке в современных реалиях // Актуальные вопросы современной фармацевтической науки и медицинского образования: сб. науч. тр. Всерос. науч.-метод. конф., Курск, 27 нояб. 2023 г. / КГМУ. Курск, 2023. С. 169–172.

12. Марченко Е. А. Развитие эмоционального интеллекта на основе военно-патриотического воспитания в студенческой среде // Язык. Образование. Культура: материалы XIX Междунар. науч.-практ. электрон. конф., Курск, 19–23 мая 2025 г. / КГМУ. Курск, 2025. Т. II. С. 91–95.

Информация об авторах.

Рожков Григорий Александрович – кандидат педагогических наук (1989), доцент (2024), директор НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 40 научных публикаций и монографии по межкультурной коммуникации. Сфера научных интересов: теория и практика формирования у студентов межкультурных компетенций на иностранном языке в ходе внеаудиторной работы в неязыковом вузе.

Ефимова Александра Александровна – старший преподаватель НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: фармацевтический молодежный рынок труда, профессиональная подготовка и адаптация молодых специалистов фармацевтической отрасли.

Волкова Елена Валентиновна – старший преподаватель НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: современные методики обучения иностранным языкам в неязыковом вузе, межкультурная коммуникация.

Петухова Наталия Александровна – старший преподаватель НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика обучения иностранным языкам, межкультурная коммуникация, применение активных и интерактивных методов обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей.

Вклад авторов.

Рожков Г. А. – разработка и проведение теоретической части исследования, методологии исследования, эмпирической части исследования.

Ефимова А. А. – разработка концепции и структуры исследования, заключение.

Волкова Е. В. – проведение эмпирической части исследования.

Петухова Н. А. – проведение эмпирической части исследования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 30.06.2025; принята после рецензирования 13.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Efimova, A.A. and Golubenko, R.A. (2024), "Problem of professional adaptation of young specialists of chemical-pharmaceutical industry (on the example of SPCPU graduates)", *Remedium*, vol. 28, no. 2, pp. 183–191. DOI 10.32687/1561-5936-2024-28-2-183-191.
2. Efimova, A.A., Liashko A.I. and Tsitlionok, E.A. (2022), "Management of a pharmaceutical organization" – practical communicative lectures in English", *Vestnik of Samara State Technical Univ. Ser. Psychological and Pedagogical Sciences*, vol. 19, no. 3, pp. 167–178. DOI 10.17673/vsgtu-pps.2022.3.12.
3. Efimova, A.A. (2023), "Formation of communicative competence through an interdisciplinary course in English", *Professional'no-orientirovannoe obuchenie yazykam: opyt i perspektivy* [Professionally oriented language teaching: experience and prospects], *Collection of materials of the Annual All-Russian Sci. and Practical Conf. with Int. participation*, SPb., RUS, 14–16 Feb. 2023, pp. 30–35.
4. Efimova, A.A. (2022), "The experience of implementing the project "Management of a pharmaceutical organization in English" at SPCPU", *Digital transformation of education: current state and prospects*, Kursk State Medical Univ., Kursk, RUS, pp. 82–84.
5. Rozhkov, G., Naumova, E. and Dmitrieva, D. (2024), "English for specific purposes and professional soft skills development: extra-curricular programs", *Yazyk i kul'tura v global'nom mire* [Language and culture in the global world], iss. 3, LEMA, SPb., RUS, pp. 422–427.
6. Rozhkov, G.A. (2024), "The Ethics of Ai Use in Education - Student View", *Nauchnoe mnenie*, no. 5, pp. 53–57. DOI: 10.25807/22224378_2024_5_53.
7. Efimova, A.A. (2025), "Patriotic education of pharmaceutical students through learning a foreign language", *Meditsinskoe obrazovanie v XXI veke: sovremennye initsiativy Rossii i Kyrgyzstana* [Medical education in the 21st century: modern initiatives of Russia and Kyrgyzstan], in 2 vols., vol. 1, Kursk State Medical Univ., Kursk, RUS, pp. 228–230.
8. Rozhkov, G.A. (2024), "The formation of intercultural tolerance among students of a non-linguistic university during extracurricular work in a foreign language. The experience of St. Petersburg University of Chemistry and Pharmacy", *Aktual'nye problemy ehkonomiki i upravleniya v stroitel'stve* [Actual problems of economics and management in construction], *Materialy II Natsional'noi (vserossiiskoi) nauch.-prakt. konf.*, [Materials of the II National (All-Russian) Sci. and Practical Conf.], St Petersburg, RUS, 18–19 April 2024, pp. 507–512.
9. Rozhkov, G.A. (2021), *Moya tvoya ponimaet: prakticheskoe posobie po obucheniyu iskusstvu biznes-kommunikatsii i peregovornomu protsessu v polikul'turnoi srede* [My yours understands: a practical guide to teaching the art of business communications and negotiation process in a multicultural environment], ANO ROSSIKA "Liki", SPb., RUS.
10. Efimova, A.A. (2024), "Participation in a scientific conference as a way of forming professional language competence among undergraduates of a chemical and pharmaceutical university", *Professional'no-orientirovannoe obuchenie yazykam* [Professionally oriented language teaching: experience, reality and prospects], *Collection of materials of the All-Russian Sci. and Practical Conf. With Int. Participation*, SPb., RUS, 20–21 Feb. 2024, pp. 23–29.
11. Rozhkov, G.A. and Naumova, E.V. (2023), "Who needs this English? Educational and educational aspects of extracurricular work in a foreign language in modern realities", *Aktual'nye voprosy sovremennoi farmatsevticheskoi nauki i meditsinskogo obrazovaniya* [Current issues of modern pharmaceutical science and medical education], *Collection of Sci. papers of the All-Russian Sci. and Methodological Conf.*, Kursk, RUS, 27 Nov. 2023, pp. 169–172.
12. Marchenko, E.A. (2025), "The development of emotional intelligence based on military-patriotic education in the student environment", *Yazyk. Obrazovanie. Kul'tura* [Language. Education. Culture], *Materials of the XIX Int. Sci. and Practical Electronic Conf.*, Kursk, RUS, 19–23 May 2025, vol. II, pp. 91–95.

Information about the authors.

Grigory A. Rozhkov – Can. Sci. (Pedagogy, 1989), Docent (2024), Director of Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 40 scientific publications and a monograph on intercultural communication. Area of expertise: theory and practice of students' formation of intercultural competencies in a foreign language during extracurricular work at a non-linguistic university.

Alexandra A. Efimova – Senior Lecturer at the Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: pharmaceutical youth labor market, professional training and adaptation of young specialists in the pharmaceutical industry.

Elena V. Volkova – Senior Lecturer at the Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: modern methods of foreign languages teaching in a non-linguistic university, intercultural communication.

Natalia A. Petukhova – Senior Lecturer at the Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 10 scientific publications. Area of expertise: methods of foreign languages teaching, intercultural communication, the use of active and interactive methods of teaching foreign languages to students of non-linguistic specialties.

Author's contribution.

Grigory A. Rozhkov – development and conducting the theoretical part of the research, methodology and empirical part of the research.

Alexandra A. Efimova – development of the research concept and structure, conclusion.

Elena V. Volkova – conducting the empirical part of the research.

Natalia A. Petukhova – conducting the empirical part of the research.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 30.06.2025; adopted after review 13.10.2025; published online 22.12.2025.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько, ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, разделенных запятыми и отражающих содержание статьи;
- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи подряд, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора, сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний), e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 18.12.25. Дата выхода в свет 25.12.25.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 25,09. Печ. л. 24,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 149.
Цена свободная.

Signed to print 18.12.25. Publication date 25.12.25.
Sheet size 60 × 84 1/8. Educational-ed. liter. 25,09. Conventional printed sheets 24,25.
Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 149.
Free price.

Отпечатано в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

Published by ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia. Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56